

МЕЛЕНА ФЕЛВАНЕ

ВОПРОЕКИ ЛЮБОВИ
ЛОГИКЕ

Annotation

Наташка Тараканова была плохой девочкой.

Пила, курила, с мальчиками любовь крутила и маменьку совсем не слушала. И вот однажды взяла да и померла. Перепила в клубе дайкири, запила виски с колой и пошла на крышу, танцевать, а затем с нее свалилась. Черепно-мозговая травма и прощай маменькины наставления — привет свет в конце тоннеля. Но в Рай по баллам не прошла, а в Ад не взяли за недобор грехов. Решили верховные, посоветовавшись за высокими воротами, отправить Наташку обратно на Землю грешную — отрабатывать. И все бы хорошо, отработаешь, получишь путевку в одну из инстанций. Да вот одна беда, работать теперь придется музой для писателей любовных романов и эротики, порой такой, что даже у порно звезд глаза бы стыдливо опустились.

Теперь им нужно помогать творить и зарабатывать очки на светлое или не очень будущее. Мышей в книгах замуж выдавать за миллиардеров, а сводных сестер за накаченных красивых бандитов. Даже если это противоречит всякой логике.

И не дай Бог хоть одна решит бросить свой шедевр — мигом отправишься на адские углы.

В тексте есть: от ненависти до любви, неунывающая героиня и юмор, адекватный герой

18+

-
- [Вопреки любой логике](#)
    - [Пролог — Между Раем и Адом всегда будет Земля](#)
    - [Глава 1 — Страстные страсти на начальственных столах](#)
    - [Глава 2 — Бабочки в твоей голове](#)
    - [Глава 3 — Святыней тебе по темечку, ночная жрица](#)
    - [Глава 4 — Враг моего врага — мой друг](#)
    - [Глава 5 — Ах, ах, давай, прекрасная Миледи!](#)
    - [Глава 6 — Убегающие тараканы Женьки Сокольской](#)

- [Глава 7 — Хэппи Бездей для Гордея, когда вокруг одни геи](#)
  - [Глава 8 — Света и четыре котлеты](#)
  - [Глава 9 — Властный властелин дивана](#)
  - [Глава 10 — Длинный язык до Ада доведет](#)
  - [Глава 11 — Слово не воробей — догони, втащи, добей](#)
  - [Глава 12 — Выйди в окно — подыши воздухом](#)
  - [Глава 13 — Крыша поехала медленно и на колесиках](#)
  - [Глава 14 — Отдай деньги, мне держаться не за что](#)
  - [Глава 15 — Цвет настроения синий, как твоё стремное бикини](#)
  - [Глава 16 — Пospешишь — демонов насмешишь](#)
  - [Глава 17 — Найди то, сама не зная что](#)
  - [Глава 18 — Если решение противоречит логике — оно не всегда плохое](#)
  - [Эпилог](#)
-

Вопреки любой логике
Melena Felwane

Пролог — Между Раем и Адом всегда будет Земля

Наташка Тараканова умерла быстро, внезапно и не особо красиво. Во всяком случае, не так, как она мечтала. Никаких тебе лилий вокруг, никакого весеннего сада. Только толпа зевак, снимающих на телефон ее бездыханное тело и огромную лужу крови под ним. А еще ржущие друзья, пьяно смеющиеся и кричащие, чтобы она вставала. Куда вставать, она же умерла? Даже пресловутый свет в конце тоннеля и тот рассмотреть не успела.

Все случилось так быстро, что пятый дайкири с колой и вискарем не успели выветриться из безбашенной светлой головы. А ведь только вчера сделала маникюр, побрила ноги и покрасила волосы в модный нынче золотистый блонд! Она бы еще и грудь увеличила, но своя двоечка к телу была роднее, да и мужикам нравилось. Во всяком случае, пока черт ее не дернул подняться на крышу этого дурацкого клуба, где они зависали с дружной компанией и праздновали ее пятидесятое расставание с очередным парнем. Юбилей.

— Номер 666, пройдите в окно номер 13! — проскандировал электронный голос где-то над головой, и Наташа вскинула глаза на электронное табло прямо перед собой, на котором сияли яркие цифры прямо напротив номера окошка, в которое ей предстояло попасть.

— Внученька, я только спросить, можно? — морщинистая рука щуплой старушки легла поверх Наташиного плеча, сжав его с неожиданной силой, отчего девушка невольно скривилась. Она окинула взглядом сидящих вдоль длинного светлого коридора людей, ожидающих нервно своей очереди, и резко произнесла:

— Вот еще!

В ответ чахлый божий одуванчик от возмущения открыла рот, тут же заорав на все помещение:

— Люди добрые, че делается та! Прошмандовка белобрысая инвалида третьей группы без очереди не пропускает!

Сидящие люди, уже умершие или находящиеся еще коме, на уютном белом кожаном диванчике сонно встрепенулись, принявшись

осуждающе переговариваться. Табло в очередной раз засветилось, а электронный голос вновь повторил:

— Номер 666, пройдите в окно номер 13!

Наташка, было, хотела сбросить бабушкину руку, настроившись на натуральную драку с бабкой и ее клюкой, невесть откуда взявшейся, как к ним подскочил надзиратель в белом костюме, сия белоснежной улыбкой на идеальном лице.

— Зоя Валентиновна, здравствуйте, приятно вас видеть в нашей канцелярии Божьего суда! К сожалению, ваша очередь помирать еще не подошла, прошу, не задерживайте очередь, — он глазами показал Наташе двигаться вперед к окнам, подле каждого из которых сидели будущие жители Ада или Рая. Судя по рыданиям где-то сбоку, кого-то уже отправили в дьявольскую обитель отрабатывать грехи на сковородках с новеньким тефлоновым покрытием.

Тараканова кивнула, дернув плечом, и двинулась прямо к нужному окну, слыша, как позади нерадивая бабка интересуется, когда уже ей пора, а то внуки устали ждать квартиру, а она устала ждать, когда с того света увидит вытянувшиеся лица родни, когда они поймут, что никакой квартиры им не светит.

Высокие отношения!

Устроившись на мягкой тахте, девушка протянула папку «Жизнь и смерть Наташи Витальевны Таракановой», выданную при первом появлении в канцелярии. Сидящая по ту сторону дамочка поджала тонкие, густо накрашенные сиреневой помадой губы, с брезгливостью схватив ее личное дело и поправив круглые очки, принялась изучать, периодически что-то высматривая в компьютере. Судя по звукам, она там играла в покер с чертями.

— А где акт по акту вашей скоропостижной смерти и справка о вашем душевном состоянии на момент падения с крыши? — поинтересовалась дамочка, на бейджике, прикрепленном к белой блузке значилось: Ипполина Матвиенко. Ведущий специалист по распределению душ.

Вот этого Наташа никак не ожидала. Она озадаченно оглянулась и намотав на палец длинную светлую прядь, потянула:

— Но я ж пьяная была.

Губы Ипполины стали еще тоньше, а выражение еще брезгливее. Она захлопнула папку, с возмущением засопев. У нее даже гулька из

волос на голове казалось, задергалась от возмущения, того и гляди пар и из ушей пойдет.

— Девушка, — пропищала она тоненьким голоском, нервно глянув на экран, где явно проигрывала партию, — вы хоть понимаете, где находитесь? Это канцелярия Суда Божьего! Сюда вам, милочка, не просто так приходят. Мы здесь делом занимаемся, души распределяем, а вы... — дамочка возмущенно грозила пальцем, а Наташа ощущала, как закипает. Она тут целую вечность проторчала. Ее уже успели обмыть, похоронить, отпеть, оплакать и справить сорок дней, а она тут по-прежнему никак не может никуда попасть. То копия свидетельства о смерти нужна, то сведения о половых связях, то декларация о любовных отношениях! Бюрократия в чистом виде, развели тут чиновничий аппарат, нормальным людям в Рай и Ад теперь без бумажки не попадешь!

— Вы что издеваетесь?! — зарычала девушка, подскочив и уперевшись лбом в прозрачное стекло, разделяющее ее и эту Ипполину, которая что-то подсчитывала на калькуляторе и притворно ахала.

— Ничем не могу помочь, милочка, — скривившись, ответила специалист, откладывая калькулятор и сцепляя пальцы, — без справки у вас недобор в десять баллов в Ад. Рай вам не светит, там совсем печальные перспективы.

Тут-то Наташа и приуныла. Где ей эту справку доставать? Акт она, конечно, найдет, а вот справка. Снова бегать по кабинетам, выпрашивать у равнодушных надзирателей сведения — это ж целая морока и сплошная головная боль. В прошлый раз один ехидный надзиратель мурыжил ее часа три у кабинета, как он заявлял, запутался в ее бесконечных любовных прериях. Козел.

— Но вы не расстраивайтесь, у нас есть для вас альтернатива! — как-то больно радостно заявила дамочка и Наташа почуяла подвох. Перед ней легли три толстые папки в белом кожаном переплете. А сверху лег новенький 616 ангелфон в еще запечатанной коробочке и два договора с пером.

— Че это? — с подозрением поинтересовалась Наташа, косясь на предметы. Хотя рука невольно потянулась к ангелфону. Уж больно красивые у него крылышки в виде эмблемы и шикарный дизайн. Мелодии, правда, говорят, скучные. Звон церковных куполов да ангельского хора. Но все равно не чета этому дешевому аналогу из Ада

под названием Демовой.

— Договор на отработку за бонусы и баллы, по итогам которых вас распределять в соответствующее место, которое должна занять ваша душа после смерти, — чуть опустив очки, Ипполина произнесла замогильным тоном, — навечно.

Наташа сглотнула, потянувшись к договору, с удивлением разглядывая самый обычный трудовой договор. Только вместо зарплаты — ее билет в будущее либо в райском саду, либо на адских сковородках. И все это за баллы, которые она получит, если будет работать в качестве музы в течение года, помогая молодым и талантливым (и даже не очень) писателям писать их шедевры. Соц. пакет, обеспечение в течение времени проживания на земле, уютный оплачиваемый номер в главном отеле канцелярии Божьего суда, корпоративные скидки, связь и даже перспектива роста, если Наташа вдруг передумает отдать душу в какую-нибудь обитель!

Голубые глаза прошлись по оставшимся пунктам договора о правах и обязанностях сторон, особо не вникая в подробности, а затем с подозрением покосились на папки.

— Мои подопечные? — поинтересовалась Наташа, и специалист закивала, вздохнув:

— Прошлый муз оставил полный раздрай и бардак в делах. Сразу говорю, дело там по горло! Но за свехурочку идут дополнительные бонусы. Так как? — она внимательно посмотрела на девушку чуть выпуклыми, как у рыбы глазами через линзы своих очков, ожидая ее ответ.

С минуту Наташа раздумывала. Выбора особо не было. Опять поход по инстанциям или принудительная годовая отработка всего на год. Что может быть сложного? Неужели она не сможет раздать своим дорогим подопечным по партии вдохновения, чтобы строчили свои шедевры? Тьфу, ерунда.

Схватила перо и озадаченно огляделась.

— Кровью, — подсказала Ипполина и Наташа скривилась, — знаю, но такие у нас правила.

Легкий угол и красная капля появилась на кончике указательного пальца левой руки. Окунув в нее кончик пера, Наташа поставила размашистую подпись в обеих копиях договора, протянув их специалисту и дождавшись, пока та проставит печати, потянулась к

папкам и коробке с ангелфоном, проговорив:

— Ну-с, кто там у меня первый на очереди?

Глава 1 — Страстные страсти на начальственных столах

— Он страстно прижал Адель к столу, задирая серую юбку мешковатого платья, обхватывая большими сильными пальцами ее полную грудь, скрытую под слоем одежды...

Пальцы неистово стучали по клавиатуре, а глаза то и дело возвращались к светящемуся монитору среди темной-темной комнаты спальни Ивоны Пуговкиной, одной из молодых писателей Рунета, набирающей популярность в сети своими ванильными рассказами о жизни своей героини — Адель Сотниковой. По сюжету книги госпожа Адель была унылой, чуть-чуть глуповатой, точнее наивной, скучной девочкой с синдромом отличницы, конечно же, как по канону девственницей. Ее уже пятнадцатую главу не очень успешно раскладывал на столе успешный бизнесмен Тарасов, весь такой мужественный и красивый, чей железобетонный торс уже красовался на обложке.

Наташа заглянула за плечо Ивоны и скривилась, обхватив пальцами стакан виски, нагло стыренного из шкафчика ее добродушной подопечной, которая сейчас в пижаме с мишками расписывала ахи и охи своей героини от ласк ее вечной любви. Гадость.

— Хм, а может не так? — задумчиво потянула Ивона, поправляя на носу очки и накинув на узкие плечи теплый плед, потянувшись рукой к кофе. — Ерунда какая-то. Может надо расшевелить ее, а то мышь прям совсем... — пока Пуговкина кусала губы. Наташа незаметно плеснула ей в кофе, подаренный кем-то щедро на юбилей, виски который все равно пылился в шкафу на самой дальней верхней полочке, и незаметно для женщины чуть-чуть пнула стул.

— Он разорвал платье на ее груди, обнажая молочно-белую плоть, обхватывая ее соски пальцы, чуть сдавливая их между собой, — проскандировала Наташа, чертыхаясь мысленно. Глаза Ивоны взглянули на часы, и она невольно зевнула, чувствуя приближение усталости.

— Поспать что ли, — с тоской потянула женщина, и девушка мрачно воззрилась на нее. Ну, вот что за человек? Комментаторы уже

всю ветку оборвали на сайте с требованием проды, а она затягивает уже второй день, выбиваясь из графика. То у нее гости, то голова болит. Мужик пусть врет о болях в голове своей творческой, а книгу дописывает! Хотя какой мужик, у нее же его нет.

На ангелфон пришло оповещение о сгорании завтра начисленных баллов. Да что ж такое. Не успели начислить сверхурочные, как уже готовы содрать только потому, что Ивона вздумала капризничать и лениться.

— А ну живо пиши! — зашипела на подопечную Наташа, подпिनывая стул и, не давая женщине выключить компьютер. С минуту ее королева пошлых унылых девственниц хлопала на яркий экран, где был открыт роман в вордовском формате, а затем вновь потянулась к клавиатуре, еще раз зевнув и отхлебнув горячительного кофе. Еще бы, оно же было сдобрено доброй порцией вискаря!

— Пожалуй, еще чуть-чуть поработаю, — выдохнула Ивона, а Тараканова вздохнув, потянулась к открытой бутылке, невольно прикидывая, как потом объяснить пропажу. На пьющего мужа и не списать, у Пуговкиной мужика ведь нет.

Ладно, подкинет ей, потом под утро пустую тару под бочок, пусть решит, что вчера ночью напилась ради творчества. Хорошая литературная работа требует жертв.

— Эх, муза, совсем ты меня не щадишь, — пробормотала в пространство писательница, с тяжелым вздохом прописывая, как вбивается в бранные мощи стонущей Адель ее чудо-мужчина, успевший ей принести на своем инструменте уже три оргазма. И это при том, что у дамочки самый, что ни на есть, первый раз.

— Никакой жалости, — отрезала Наташа, прекрасно зная, что Ивона примет ее слова за собственное сознание внутри черепной коробки, — у тебя там писатели умирают без проды. Gula_sexy22 уже всю клавишу забрызгала слюной, пока ждет продолжения. Еще пара сотен читателей и откроешь подписку, а я смогу со спокойной душой оставить тебя на время. Бесишь, прям уже не могу.

На это Ивона уже ничего не ответила, продолжая стучать по клавишам, описывая тактичные и эмоциональные ощущения своей героини, так, словно переживала их сама. Щеки покраснелись, волосы растрепались, пижама съехала с одного плеча.

Новое оповещение, на этот раз из рабочего чата, пришло на

ангелфон звоном церковных колоколов. Тараканова скривилась и открыла текст, тут же зашипев от недовольства при виде контакта, приславшего ей сообщение.

«Ивона Пуговкина, Таракан — твоя новая творческая звезда? Мне пришел запрос на нее из канцелярии. Собираю лук и стрелы, жди, я приеду со своим тапочком!»

Глаза налились кровью, а пальцы свободной руки сжались точно когти коршуна невидимой шее ее собеседника, который имел нахальство добавить к концу текста несколько смайликов в виде гогочущего розовенького пупса с крылышками. Наташа бросила взгляд на Ивону, убедившись, что пока ту ничего не отвлекает от работы, и открыла контакты, меняя очередное прозвище ее извечного врага на новенькое прозвище.

«Ванильная попка» мигом превратилась в «Подстреленный пердак». С чувством выполненного долга, девушка нажала «сохранить», любуясь результатом. На экране появилось перо, над которым светила надпись: «Подстреленный пердак пишет сообщение...».

«Снова сменила мое прозвище? Ты банальна»

Наташа закатила глаза. Он что, читает ее мысли или она такая предсказуемая?

«Пока не допишет книгу, никаких любовей! Только в романе. Стреляй где-нибудь в другом месте, пухлый розовощекий скорострел»

Она скрипнула зубами, в очередной раз, покосившись на Ивону, которая застыла у монитора, крутя в руках кружку и недовольно нахмурившись, пихнула ногой спинку кресла, рыкнув:

— Пиши!

Женщина вздрогнула, подпрыгнула от испуга и вновь принялась за работу, невольно вздыхая каждый раз, когда ее Адель совершала очередной пируэт, познавая все позы Камасутры на рабочем столе своего начальника. Наташа же вновь опустила глаза на экран ангелфона, где уже светилось несколько сообщений от надоевшего ей до печенок собеседника.

«Таракан, ты несправедлива. Только потому, что я с тобой при жизни твоей убогой и короткой промахнулся пятьдесят раз не повод на меня обижаться. Сама виновата»

«Ты же понимаешь, что любовь это всегда сложно. Недостаточно только любовной магии на кончике стрелы. Нужно еще и работать над

своими чувствами...»

Брехня и пустомельство. Опять пытается взять ее на понт философскими речами в стиле сеанса у психотерапевта. Сам уже, поди, лук свой зарядил, жажда угробить ей очередной талант. Вот прямо, как тогда с Мариночкой!

«Все еще дуешься за Мариночку что ли?»

Он что, мысли на расстоянии читает? Наташа цыкнула, покосившись на Ивону, которая бодро выписывала строки за строками, превращая пару абзацев в огромную главу на 30 тысяч знаков. Отлично. Ее фанаты будут счастливы, даже те, у кого очень странные никнеймы.

Глаза вновь опустились на экран.

«Любовь — это всегда яркий порыв души»

Наташа вновь закатила глаза и пробежалась пальцами по экрану, набирая ответ.

«И смерть для творчества. Исчезни Гордей, попытаешься подкатить своими стрелами к моей Ивоне, я тебе твой лук два раза пополам согну и вокруг шеи обмотаю. И крылья выдерну!»

Эти боины муз с купидонами длились уже много-много веков с тех самых пор, как человечество научилось писать свои первые литературные шедевры и не только их. Музы направляли творческих людей и их таланты на создание прекрасного, а поганые крылатые купидоны, к слову тоже из тех, кто не добрал по всем фронтам, все портили, стоило какому-нибудь одуревшему от любви таланту пойти стреляться на дуэли ради женщины всей жизни. Дамы вешались, прыгали со скал, мужчины спивались и развязывали войны. И все из-за любви, чтоб ее унесло вместе с этим братством любителей лука и стрел.

Обо всем этом Наташа узнала в первые две недели своей работы, когда еще, будучи вдохновленной новой должностью, она взялась за разбор кавардака, оставленного ее прошлым коллегой. И первой в ее списке была Марина Лагунова. Прекрасный автор-романист, ее книги продавались пачками за бешеные деньги, ее стихи цитировали, а литературные кружки не обходились без упоминания или цитаты одного из произведений этой во всех смыслах талантливой женщины.

Ровно до тех пор, пока подлый купидон по имени Гордей Лавров не вздумал подстрелить Марину аккурат на одной из литературных тусовок, проходящей в одном из дорогих столичных отелей, прям из-за угла. Тогда Наташа отвернулась всего на секунду, потянувшись к

устрицам, любовно уложенным на подносе, и пропустила момент, когда стрела Амура поразила сердце ее подопечной. И ладно бы мужик, какой приличный. Богатый там или хотя бы красивый. Ничего подобного, обычный сантехник Василий, который так не вовремя явился в этот день прочищать забитые унитазы. Наташа бы не удивилась, если бы узнала, что их специально засорил этот гад.

И все. С того дня Мариночка забыла о творчестве, целиком погрузившись в охватившие ее чувства. Но уже не на бумаге или в электронном документе, а в самые, что ни на есть, настоящие. Она забросила свою писательскую карьеру, посвятив себя любимому мужчине и будущим детям, которых они планировали завести. И это умная женщина с тремя степенями. Вот что она в нем нашла? Именно — стрелу треклятого Амура!

И именно за это ее рейтинг мигом обвалился в балловой системе оценки работы. Одним выстрелом Гордей загнал Наташу в такой минус, что вот уже спустя почти шесть месяцев девушка скрупулезно восстанавливала потерянные очки, проклиная каждый раз этого крылатого.

А ведь это, кстати, он ей тогда декларацию о любовных отношениях в первый зажал, не давая информацию сразу, когда Наташа сделала запрос на сведения. Козел крылатый.

«Таракан, нельзя быть такой обидчивой»

— И она кончила с тихим вскриком, погружаясь в блаженную темноту, — торжественным голосом выдохнула Ивона, прерывая Наташины мысли о расправе над мерзким фанатиком любовных трагедий и драм.

— Ура, — радостно подпрыгнула девушка, когда загруженная на сайт глава совпала одновременно с оповещением об увеличении баллов, которые не сгорят теперь за недосмотр над подопечной. Можно спокойно отправлять Пуговкину на боковую, предварительно подсунув ей бутылочку под бок, когда та уснет в обнимку с котом. Вот, правда, зачем ей любовь? У нее же есть кот. Захочет еще больше любви, пусть заведет второго кота или, на крайний случай, собаку.

«Никакой тебе премии, стрелочник»

Наташа хихикнула, с удовольствием отправляя Гордею стикер с хохочущим Сатаной в виде рогатого получеловека-полукозла. Недавно кто-то загрузил, так их мигом скачала половина канцелярии и даже,

говорят, парочка архангелов. Она открыла расписание и пройдясь пальцем по графику, покачала головой, помечая к кому завтра надо явится в срочном порядке для написания будущего шедевра, чтобы не отставали по графику.

— Вот теперь, можно и домой, — зевнула она, хватая пустую бутылку, и осторожно укладывая ее рядом с Ивоной, которая уже сопела в обе дырочки, отключившись практически сразу, стоило ее голове едва коснуться подушки. Рядом дремал большой рыжий котяра, а Пуговкина, обхватив бутылку пальцами, нежно прижала ее к груди, пробормотав:

— Ах, Алексей...

Наташа выругалась, бросив грозный взгляд на ангелфон, чуть скрипнув зубами.

— Тьфу, пакостник любовный, ну попадись ты мне!

Глава 2 — Бабочки в твоей голове

Просыпаться под звуки колоколов дело может и привычное, но не для человека, у которого страшный диагноз — сова. Вот и Наташа с неохотой разлепила веки, потянувшись к своему истерично бьющему колоколами ангелфону, который надрывался так, будто бы на этом самом колоколе повесился поп.

Выключив истерящий будильник, Наташа лениво потерла глаза. С удовольствием нежась на мягкой перине, разглядывая белоснежный потолок своего номера в пятизвездочном «Яблоневые сады». Надо сказать, местечко было поистине шикарным. Дорогой декор, мраморные колонны, современный стильный дизайн, винтовые лестницы, электронные кабины больших лифтов, правда, повсюду раздражающий белый цвет, но ничего. Сама Наташа проживала на одном из этажей, где селили всех муз, отвечающих за творческих личностей вроде писателей или художников. Со стандартными двухкомнатными люксами, с большой уютной гостиной, где располагался огромный белый кожаный диван, журнальный столик, парочка шкафов-купе под вещи, сервант, плазма и даже однокамерный холодильник с баром. Стильно, минималистично и кристально чисто. Как впрочем, и в спальне с огромной кроватью, на которой она сейчас валялась, мысленно прикидывая, что бы ей сегодня одеть. Благо хоть в этом было необязательным носить белый, иначе бы Наташа точно предпочла бы еще пару столетий проторчать в центре распределения душ, бегая по инстанциям. Там хотя бы ты приходил в том, в чем умер до того, как попасть на Божий суд. В ее случае, коротком коктейльном платье и даже при прическе.

Выплывая из душа в полотенце, Тараканова проверила уведомления о зачислении баллов и с удовольствием двинулась к небольшой встроенной гардеробной, в которую канцелярия по договору согласилась перетащить все ее наряды, а заодно периодически пополнять новыми Наташиными покупками через интернет. В конце концов, даже на небесах и под землей были большие любители пошопиться.

Не успела натянуть джинсы, как в дверь громко постучали. Кого

там принесло?

— Сова, открывай, медведь пришел, — раздался чрезмерно радостный слащавый голос и Наташа чуть не вернулась, в попытке влезть в узкую брючину. Пора бы ей уже прекратить наседать на яблочную шарлотку в ресторане канцелярии.

Утрамбовавшись, наконец, в узкие штаны, девушка натянула ярко-красную майку с золотым принтом и двинулась открывать двери.

— Ты долго, — радостно прощебетала улыбчивое создание по имени Валентина, скалясь во все тридцать два, предварительно не забыв осмотреть ее наряд и немного всколоченные волосы, — выглядишь как-то... странно. Упала с кровати?

На этот вопрос Наташа только поморщилась и, передернув плечами от чрезмерно сахарного тона, молча, захлопнула дверь перед носом стоящей напротив рыжеволосой девицы.

— Тараканова! Ты не можешь меня игнорировать! Профсоюз радикально настроенных муз нуждается в твоём голосе! Женщина ты, в конце концов, или не муза?!

Ну, да, конечно. Знала она, в чем они там нуждаются. Опять свора склочных баб, вдохновляющих идиотов разной степени глупости на различные подвиги и движения, занимающих самые лучшие апартаменты отеля с видом на облачка, жаждет покачать права в свою пользу. И ладно бы делом занимались, так нет же, они хотели еще больше прав и желательно без обязанностей. По мнению этой компании по борьбе с неравенством их всюду зажимали, везде к ним приставали, а должности некоторые им были недоступны в виду гендерного неравенства и примитивного распределения ролей. А во всем виноват кто? Правильно, купидоны. Видите ли, каждая вторая муза жаждала скакать по всему свету с луком и стрелами (из которого надо было еще научиться стрелять, потому что натянуть тетиву такого лука не представлялось возможным всем нетренированным дамам, коих тут было большинство), подстреливая нерадивых неудачников. Дабы они строили свое ячейку общества и становились теми самыми «счастливыми женами и мужьями», делаясь этим своим счастьем со всеми, кто готов слушать и не готов.

Не то, чтобы Наташа сильно уважала этих крылатых или защищала их, но на них же безбожно сэкономили, а недавно и без того в очередной раз им сократили бюджетирование. Видимо поэтому на Земле с

любовью все было так плохо. Впрочем, любовь это хорошо, но не тогда, когда влюбляются ее подопечные.

Кстати о них.

Потянувшись к ангелфону, девушка сняла блокировку и открыла читательское приложение, отслеживая своих графоманисток. Минут десять ушло на поиски тех, кто в данный момент должен был уже выложить продю.

— Так, Полина есть 13 тысяч знаков... Маловато, конечно, но вполне хорошо, — потянула под нос Наташа, проверяя обновления библиотеки, — о, Нелли начала новый роман. От старого не сильно отличается, но какая разница если читают?

Палец осторожно скользил по списку, открывая отдельно каждую из тех, кто не спал ночами, глотая литрами кофе или чай, воспаленными глазами, смотря в монитор, и зомбировано печатая каждую новую строчку своего шедевра, отправляя своих героев блуждать в недрах собственной фантазии создавая невероятные перипетия, своих сюжетных линий. Она уже почти закончила, как ее палец внезапно замер на кнопке выхода из приложения и Наташа с шумом втянула воздух в легкие, глядя на экран.

Ну, конечно, Люся Бабочкина и снова ее молодежный роман о горячем студенте. Судя по комментариям, сейчас в доме Люси, как минимум, уже Байкал наплакан, как максимум истерика сравнимая с масштабами цунами. А все почему? Потому что какой-то недоумок додумался написать комментарий, где в пух и прах разбомбил многонедельный шедевр, посоветовав автору пойти учить русский язык обратно в школу.

И чего тебе не спалось nova_babblgum415?

С Люсей было все сложно. Пока Наташа летела на всех порах в лифт, ведущий на нижний ярус, где располагались нужные двери с выходом на Землю, мысленно чертыхалась, вспоминая, как ей подсунули эту горе писательницу под видом уникального самородка. Вот только забыли уточнить, что словарный запас у Люси ровно в тридцать слов, как у, всеми известной, Людоедки Элочки и с русским у нее действительно беда. Сделать в слове «секс» три ошибки? Никаких проблем!

Но, тем не менее, даже у Бабочкиной была своя аудитория, которая с удовольствием ее читала, повышая ее работоспособность и увеличивая

баллы в системе Наташи. Все шло хорошо ровно до тех пор, пока кому-нибудь не вздумывалось жестко указать на типичные несостыковки сюжета, отсутствие логики по контексту и нехватку словарного запаса. Вот именно тогда Люся впадала в уныние и отказывалась писать продолжение, несмотря ни на какие уговоры. А значит новоприобретенные вчера баллы от Ивоны вновь под угрозой, потому что месяц подходил к концу, и как обычно всякая фигня случалась именно в последние дни. Вот прямо, как сейчас.

Наташка залетела в лифт, с силой нажимая кнопку и наблюдая, как закрываются створки лифта, нервно постукивая ногой, как внезапно чья-то рука пробралась между ними, не дав лифту окончательно закрыть двери. Больно знакомая рука.

— Гордей! — зашипела Наташа, поднимая глаза на ярко улыбающегося сероглазого блондина, бодрым шагом влетевшего ласточкой в кабину. Миниатюрные белые крылышки, прилепленные для антуража, и создания образа за его спиной как-то радостно колыхнулись. Пальцы сами с собой сжались непроизвольно, представляя, что это его шея.

— Таракан, — потянул купидон, поправляя на плече висящий лук и колчан с розовыми стрелами, наконечники которых напоминал всем известную жопу, в смысле красное сердце. Взлохмаченные волосы, находящиеся в вечном беспорядке, казалось, торчали еще больше, а сам парень выглядел изрядно довольным и счастливым.

— Чего тебе, жертва клинического романтизма? — раздраженно поинтересовалась Наташа, не желая тратить время на разговор со своим врагом, глядя, как медленно табло отсчитывает этажи, — я спешу. У меня там потоп и катастрофа.

— Опять у Люськи творческий коллапс на почве плохих отзывов? — понимающе вскинул темно-русую бровь парень, проведя рукой по платиновым волосам и с улыбкой глядя на Наташу. Девушка с подозрением покосилась на него.

— Ты за мной следишь?

— Нет, — совершенно спокойным тоном отозвался парень и тут же хитро добавил. — Просто обычно ты так носишься, когда у твоей Бабочкиной — бабочки в голове бунтуют.

Вот насчет бабочек — это он прав. Но она ему об этом не скажет.

— Ну, вот раз знаешь, захлопни клюв и держи свои стрелы

подальше от моего творческого потенциала, — огрызнулась по привычке Наташа, дождавшись, наконец оповещающего звоночка, когда лифт остановился на нужном этаже и едва дверцы распахнулись, бросилась вперед к одной из миллионов нужных дверей с табличкой «Самара». Если правильно настроить путевое приложение, она подкинет прямо в квартиру Люси и не придется добираться на маршрутках. Наташа не глядя, открыла 2гис, задавая нужную точку, слыша окрик себе в спину, от которого захотелось разбить ангелфон о голову нерадивого купидона.

— Я могу помочь ей влюбиться, и не будет никаких романов. Только бабочки в животе и только розовые очки!

Наташка не оборачиваясь, показала парню средний палец, услышав за спиной его хохот в тот момент, когда распахивала дверь, шагая в поток яркого сияющего света.

— Любовь способна дарить настоящее вдохновение, Наташ!

— Вот и возлюби себя сам, стрелочник! — рывкнула в ответ Тараканова, с грохотом захлопывая за собой дверь, исчезая в потоке света, несущего ее прямо в уютную двухкомнатную квартиру Бабочкиной, которая уже наверняка от стресса сожрала тазик котлет и заревела все подушки.

Глава 3 — Святыней тебе по темечку, ночная жрица

Женщина плачет в двух случаях: когда ей грустно и когда ей выгодно. Со временем же она приходит к неминуемому выводу, что быть грустной выгодно, и тогда фонтан начинает работать без выходных. В случае Бабочкиной: она ревела именно по причине глубокой грусти, которая трогала ее нежное девичье сердце. Внутри него жила надежда, любовь к молодежной прозе и накаченным студентам, на торсе которых можно было бы стирать трусы. К сожалению, сам факт того, что парни в двадцать-двадцать два перекачанными качками с головой забитой теоремами Ферма в институтах встречаются также часто, как фиолетовый слон — Люсю не трогал.

— Они... написали... что я бездарно-о-ость, — завывала в голос Бабочкина, уминая второй противень недавно нажаренных на светлое будущее котлет, рыдая в трубку своей подруге Галочке, сидя в углу своей спальни оформленной в розовых девчачьих тонах, периодически сморкаясь в платочек с мишками. Наташа тяжело вздохнула, пожалев, что не додумалась прихватить с бара бутылку вина. Оно бы сейчас ой, как пригодились бы. Ей бы точно.

«Они просто тебе завидуют, ты же такой талант! Такие душевные истории пишешь!» — вещала на том конце Галочка, пока Тараканова, перепрыгивая через раскиданные повсюду смятые бумажные платки, вилки и кастрюлю с остатками недоеденного холодца, планомерно двигалась к ноутбуку с раскрытой страницей комментариев под книгой «Эксгибиционист для хорошей девочки» про парня мажора, любящего светить гениталиями на весь свой институт.

— Мой герой он же такой! Такой! — вдохновенно вещала Люся в трубку, захлебываясь в словах. Видимо, успела что-то выучить — пока Наташа до нее добиралась. Девушка закатила глаза, щелкая мышкой и просматривая ленту после последнего обновления библиотеки.

М-да, не густо. Судя по гневным комментариям, конфликт набирал обороты. Истинные фанаты данной книги устроили бойню с любителями обрушаться с критикой на бедные головы авторов.

Безусловно, большая часть была заслужена, в конце концов, у Люси и правда была большая беда с хорошим литературным слогом. Но некоторые в прямом смысле изливали яд, получая истинное наслаждение от того, в каких конвульсиях бьется молодой неоперившийся автор в попытке отстоять честь своей писанины.

Ну, ладно, может они не так уж и правы.

Наташа щелкнула еще раз мышкой, открывая последнюю продку, и тихонько застонала, слыша, как захлебывается в очередной истерике Бабочкина, давясь двадцатой котлетой.

«Меня зовут Роксана. Я была сирай мышкой с упругой грудью. У меня третий размер (эта не силикон, а мама подарила) с изурумдно-зелеными бровями, глазами, как у лимура с карим оттенком шоколада цвета корицы и упругой попкой, которую я периодически качаю на фитнесе. Подкрасила губы красной помадой и вуаля»

Ладонь с громким шлепком опустилась на лицо. Прокрутив колесико дальше, а расстаралась сегодня Люся на большую главу, прямо до встречи главных героев. А вот и популярный парень, встречайте.

«Мимо моего носа пронеслась машина Марк 2 последнего года. Это был Гоген Сузин. Звезда универа на него вешаются все бабы универа (ну кроме меня и моей Малины, ведь я не такая). И вообще он бабник, да и сам не прочь. А еще он мой одноклассник, который жутко злит как сейчас. Пара капель на туфлях и платье, а это мои новые квадратные туфли!»

Диалог между Роксаной и Гогеном выходил все знатнее и знатнее, а не нагромождение странных, порой невнятных эпитетов, все сильнее уносило разум куда-то за пределы галактики. И что у Люси за страсть к детальному описанию внешности героев прямо сходу? Будто сочинение «Как я провел лето» описывает: от сидения на унитазе до количества часов потраченных сон. Неужели думает, что если не укажет размер сисек героини, читатель прекратит интересоваться хитросплетениями любовной линии героев?

— Так ладно, нечего расслаиваться. Надо работать, — вздохнула Наташа, прикидывая, сумеет ли она сейчас спасти ситуацию. Бросила взгляд на рыдающую Бабочкину, скривившись от вида, капающего с ее пальцев жира от котлеток, прямо на шелковый пеньюар и потянулась к ангелфону.

Нет хороших комментариев и бешеных просмотров? Создай. И именно для этого в свое время Наташа еще при жизни создала 142 аккаунта в различных социальных сетях, через которые можно было заниматься самолайковством и повышением рейтинга в Инстаграм ради популярности в молодежной среде. Потрясающие были времена. Бабы от зависти с ума сходили, не доходя мозгами до халявной накрутки себя любимого. Слишком долго, муторно и к тому же нужно сделать так, чтобы твои аккаунты никто не заподозрил. А значит, периодически их обновлять и заводить в сети друзей, которых тоже можно было подключать к операции по повышению рейтинга репутации. Если бы Наташка так не вовремя не умерла, ее подписчиков в Инстаграме и Твиттере уже набрался бы миллион.

Где-то в глубине зародилась знакомая тоска по прошлой жизни, но девушка решительно мотнула головой. Нечего нюни распускать. Не ныла, как попала на порог Суда Божьего и сейчас точно уж поздно вато слезы лить. Пальцы принялись со скоростью света заходить в свои многочисленные аккаунты, которые девушка сейчас использовала для стимуляции творческого эго своих подопечных.

Многочисленные лайки, награды и одобряющие комментарии посыпались, как из рога изобилия на страницу Люсеньки, задвигая все самые плохие троллинговые комменты, увеличивая цифру в красном кружочке на значке оповещения в правом углу сайта.

Masha_WeotronGG: «Потрясающий сюжет, невероятно интересно!»

Зая_маинькая_на лужайки: «Начало понравилось. Написано легко и с юмором»

Oghmarin: «Продолжение захватывающее... Спасибо большое с нетерпением жду продолжение»

Huginn: «Такое лёгкое и весёлое начало. Очень интересно, что будет дальше. Спасибо»

Doomsinger: «Классно она его.... Спасибо большое с нетерпением жду продолжение»

TaNcUeM-TuC-TuC-TuC: «Мне нравится!»

Faunos: «А когда прода? Оченечки жду!»

Miss KatastroFFa: «круто! Клевенько! Шикарно»

Количество оповещений так зашкалило, что видимо Галочка, как раз усиленно отбивающаяся в числе фанатов от многочисленных негативных изречений, плюющих на экран ядом комментаторов,

прекратила бойню и заголосила в трубку так, что Наташа его не выронила свой лучший инструмент по накрутке:

«Люся, да ты просто бомбическая бомбовая бомба! Тебя там засыпали радостными комментариями!»

Сидящая в уголке писательница жалобно шмыгнула носом в недоеденную котлетку и выдохнула:

— Ты меня сейчас пытаешься успокоить?

Наташа закатила глаза и мысленно выругалась нехорошими словами. Вот же Фома неверующая, как можно не обрадоваться неожиданному наплыву? Лучше бы прекратила жрать и бежала бы смотреть, как завалили похвалами ее книгу. Незаметно для удивленно застывшей Люси, все еще не веря своей радостно голосящей на том конце подруге, Тараканова аккуратно сдвинула с прибитой над головой Люси полки, Бог весть кем подаренный, томик «Война и Мира», уронив его ей на голову точно яблоко Ньютону.

— Ай!

Послышался вопрос о том, что произошло от Галочки на том конце провода, когда Люся от удивления и боли выронила телефон, упавший на ковер и откатившийся куда-то за кровать. Она с недовольством покосилась на полочку, погрозив оставшимся там немногочисленным книгам о красоте и сохранении молодости от Елены Малышевой, бросив глубоко обиженный взор на изрядно толстенький шедевр русской классической литературы.

— Да блин, где он, — проворчала Люся, слыша истеричный голос Галочки где-то под кроватью. Судя по визгам, подруга решила, что на Бабочкину напал маньяк в собственной квартире. Наташа вновь вздохнула и, забравшись на кровать, наклонилась, откинув свисающий край розового цветастого покрывала, рукой подтолкнув телефон к Люсе.

— Алло? Да все нормально, книга на голову упала. Ага, этого. Толстикова, ну, — проворчала Люся, почесывая затылок и шагая к ноутбуку. С минут она изучала комментарии, а Наташа воочию наблюдала, как расцветает молодой автор, точно бутон розы под лучами летнего солнышка после пасмурного дня. Глаза засияли, грудь под шелковой тряпицей вздымалась от переполняющих ее сердечко восторгов. Казалось вот-вот и разорвется от радости.

— Ты это, сядь, давай, ручки на клавиатуру, — потянула Наташа, с силой

надавливая на плечи своей подопечной, которая точно робот механически выполняла приказы, высказанные на ментальном уровне. С минуту пялилась на экран, а затем ее пальцы послушно легли на клавиши. — Значит так, Бабочкина, сейчас садишься и строчишь, строчишь и еще раз строчишь! — заявила Тараканова, и девушка послушно принялась щелкать мышкой, воодушевляясь от каждого нового появляющегося комментария с похвалой. Она открыла документ со своей книгой и напечатала шрифтом «Таймс Нью Роман» 14-м размером: глава 4.

— Вот молодец, ай ты моя хорошая, — радостно хлопнула в ладоши Наталья, наблюдая, как буквально вырывается вместе с хриплым дыханием бешено скачущей лошади слова из-под пальцев Люси, высекаемые ей с невероятной скоростью машинописи. Такими темпами знаков на 40–50 расстарается.

Она хотела было уйти, как ее взгляд вновь зацепился на очередную грубую ошибку в слове «прекрасно», повторяющееся в одном предложении три раза. Девушка сузила глаза и поискала взглядом какой-нибудь атрибут для увеличения словарного запаса, который видимо от восторга Люся опять растеряла и, не найдя ничего лучше, подняла с пола «Войну и мир», с размаху зарядив Бабочкиной несильный подзатыльник.

— Ой! — пискнула девушка, схватившись за голову, а Наташа, нависнув над ней коршуном, рывкнула в ухо:

— Слово «прекрасно» пишется через «е»!

Пальцы послушно переместились на мышку, прокручивая к абзацу, где пресловутое слово было подчеркнуто алым цветом, и пальцы мгновенно забегали по клавишам, исправляя все. Наташа удовлетворенно улыбнулась, примерившись к весу тяжелого тома Толстого.

— Эй, все святое только тебя уходит, — буркнула она и вновь зарядила очередной подзатыльник, заметив еще одну ошибку:

— Деепричастный оборот!

Новый удар и Люся икнула, принимаясь за исправления, уже более внимательно разглядывая текст.

— Эй, «жи, ши» пиши через «и»!

— Точку поставь!

— Лишнее слово убери!

— Что еще за: «Месяц питалась матанализм и бич-паркетами»? Они у тебя, что ламинат ночами втихушку догрызают?!

— У него очень красивые глаза, стального цвета, в них можно было окунуться и сразу же утопиться? Вот чем тебе твоя Роксана не угодила до такой степени?

Когда глава была закончена, Люся откинулась на спинку кресла, с трудом выдохнув и убирая упавшую ей на лоб прядь волос, с трудом осознавая происходящее, невольно потирая затылок, который болезненно ныл.

— Никогда бы не подумала, что от написания книг может разболеться голова, — на это Наташа только улыбнулась, убирая обратно многострадального Толстого на пол, потянувшись к ангелфону, дабы проверить свои баллы. Она как раз собралась было открыть, как с изумлением заметила в многочисленной библиотеке оповещение из блога от одной из своих популярных авторов, пишущей в жанре «романтическая эротика с элементами БДСМ». Открыв его, девушка пробежалась глазами по тексту, и в глазах буквально помутнело, а в голове раздался траурный марш, оповещающий о конце ее короткой и бесславной карьеры музы.

«Решила покончить с писательской практикой. Понимаю, вам всем трудно будет понять мой выбор, но он именно такой. Я решила покинуть этот бранный отвратительный мир. Оставить литературную среду, в которой царят Содом и Гоморра, к которым я приложила свою руку, о чем бесконечно жалею. Бывший муж перед разводом сказал, что я стала такой же грязной, как мои книги. Размышляя над его словами — поняла. Он прав! Бесконечно прав! Именно поэтому решила посвятить себя Богу и изучению творения мира. Прощайте мои дорогие, я уйду в женский монастырь.

Последний роман «Нижняя Миледи для Верхнего Гэафа» — дописан не будет. С любовью, ваша Гадина Страстная»

— Ах ты ж гадина, да я тебя сейчас сама страстно так покончу, ни один следак тела не найдет! — взревела Наташа в бешенстве, набирая координаты в путеводном приложении для возврата в канцелярию. Ишь, чего удумала, таганрогская дива и любительница жесточе. Мужик ее бросил, а она не хочет писать. Захочет, уж муза по имени Наташа Тараканова постарается. Никакой монастырь не поможет!

Глава 4 — Враг моего врага — мой друг

Лоб с громким стуком встретился с белоснежной мраморной столешницей в огромном ресторане небесной канцелярии. Мир — это тлен, а судьба Натальи Таракановой до конца дней своих поджаривать упругий, накаченный утренними тренировками, зад на адской сковородке, потому что ее балловая система медленно, но верно падала в глубокий полный минус по мере того, как таяли обиженные читатели Гадины. Они разбегались точно муравьи в страхе и только самые стойкие, верные и отчаянные выражали надежду на ее возвращение в писательскую стезю. Наивные люди.

Когда Наташка на всех парах принеслась в старую однушку господи Гадины, именуемой по паспорту Валентиной Петровой, она никак не могла предположить, что все будет еще хуже, чем она ожидала.

Валя реально собралась в монастырь.

Она даже заказала себе рясу на Ибее и портрет Святой Матроны Московской через магазин на диване. Тот самый, который покрыт позолотой за 99,95. Где-то откопала Ветхий Завет и самозабвенно погрузилась в мир религии, Бога и очищения души. Даже в церковь сходила, записавшись на неделю вперед (там, знаете ли, очередь) на крещение. И еще через две, на покаяние к батюшке. А уже после собралась съезжать в эту обитель святых и непорочных. Как будто в Рай ее возьмут просто за то, что она коленками полы храма во время молитв вытирала, ну.

А все потому, что бросивший ее муж, оказавшийся редкостным гадом и закрутивший роман с молоденькой секретаршей, с которой застала мужчину Валентина на его работе, заявил, что во всем виновата она и ее пошлые романчики. Нашел на кого свалить вину за свое кобелинство. Более того, будучи крупным предпринимателем, он ее еще и из дома выгнал в родительскую однокомнатную, вот прямо почти, с чем пришла. Ноутбуком, парой сумок вещей и фикусом в горшочке. А ведь она популярный романист, домохозяйка. К сожалению, нынче писательством больших денег не заработать, а Валентина не работала 10 лет. Благо, хоть детей не успели родить. Муж, опять же, не хотел.

Да, иногда жизнь писателя — сплошной трагикомедийный роман с дурацкой концовкой. Но разве Наташе от этого легче?

Лоб снова поцеловал столешницу в попытке разбиться и умереть во второй раз, желательно так, чтобы больше никуда не попадать. В самом ресторане было довольно спокойно: пара-тройка муз, сплетничающих о своих подопечных, строчащих научную фантастику. От одних только терминов зубы крошились, а уши сворачивались в трубочку. Два каких-то унылых купидона, рассуждающих о тленности бытия — они вообще там походу все философы сплошь и романтики. Повариха тетя Люда, которая в утешение передала ей дополнительную порцию шарлотки, официанты, администратор, надзиратели, два черта, один ангел...

— Таракан, что с тобой? Ты решила пробить головой тоннель до Ада или убиться фейсом ап тейбл? Так ты не старайся, личико свое красивое испортишь. У тебя же кроме него только разве что запасы яда с килотонну. Давай я тебе лучше веревку и мыло принесу! — на стол нагло приземлилась мужская задница в обтягивающих синих джинсах скинни с модными нынче дырками на коленках. Наташа подняла голову и тихонько застонала, встретившись взглядом с насмешливым взором серых глаз.

— Горди, пошел вон, — потянула она мрачно, улегшись обратно на столешницу и положив на нее руки, — у меня траур по моей несостоявшейся карьере, а ты мешаешь мне страдать и заниматься самобичеванием.

Купидон ухмыльнулся, оглядев стол, на котором стояла большая кружка чая с коньяком, тарелка с недоеденной шарлоткой и, потянувшись к ней, схватил нагло один из дополнительных кусочков, откусывая кусочек. Серые глаза с наслаждением закрылись на миг, а затем он вновь перевел взгляд на музу.

— Натали, все не так плохо. Твой рейтинг упадет в минус ноль, станешь одной из жительниц Ада, вернешься, так сказать, в родные пенаты... — в его насмешливом голосе проскользнули нотки фальшивого сочувствия. Наташа подняла голову и прищурился на него голубые глаза, недовольно процедила:

— Ты что, креветка крылатая, издеваешься?

Губы купидона расплылись в довольной улыбке.

— Естественно. Твои страдания — мои отпетые муки за все два года беготни за тобой ущербной. Даже не представляешь, сколько

баллов я из-за тебя потерял, — он сделал еще один укус, хитро поглядывая ее сторон из-под темных ресниц, а Наташа поджала губы, вновь опуская голову на стол. Нет у нее сил, с ним пререкаться. Пошел этот Гордей со своими шутками, пусть сцезивает яд в другом месте, а ей даст спокойно умереть.

Взгляд скользнул по обстановке в ресторане, отмечая красивый модернистский дизайн. Лепнина с растительными мотивами, ажурные кованые перила и ограждения, люстры и бра с цветными витражами, скатерти и салфетки с ручной вышивкой. Мебель — изысканная без острых углов, с витиеватым орнаментом на обивке или корпусе. Здесь был даже уютный дополнить камин с живым огнем в одном конце зала и декоративное озеро в другом. А на столах были расставлены икебаны и деревца в вазонах. Настоящий стиль и красота современного мира почти не отличимого от земного, которые скоро станут ей недоступны. Говорят в Аду с кафешками беда. Одни сплошные бистро и Макдаки, неудивительно, что черти сюда ходят. Там на такой еде разве что изжогу зарабатывать или лишние килограммы.

— Натрий хлор!

Громкий голос у самого уха и обжигающее дыхание заставили девушку оторваться от тоскливого созерцания сей прекрасного места и обратить свой взор вновь на Гордея, который уже стащил со стола свой зад и, поставив руки на стол, наклонился к ней, разглядывая внимательно.

Глаза невольно покосились на маленькие крылышки, так комично смотрящиеся при его росте выше 180. Ну, серьезно, какой кретин придумал эти крылья?

— Отстань Лавров, я в печали, — со вздохом произнесла Наташа, отворачиваясь от парня и игнорируя тот факт, что он перебрался за ее спину и навис над ней своей огромной тушей. — У меня Валентина, которая Гадина, та еще гадина с ударением на «а». В монашки подалась, а ты тут со своими шутками.

Она отмахнулась, не глядя, шлепнув его где-то в район пояса, и потянула руку к шарлотке, которую тут же перехватили сильные пальцы, сжимая крепко.

— Хватит обжираться, скоро ни в одни джинсы не влезешь. Задница как у Кардашьян скоро будет, я не шучу, — произнес Горди, отодвигая стул рядом и садясь, не выпуская при этом ее руки.

— Моя задница, и мы с ней страдаем, отстань, — буркнула девушка, но, тем не менее, руку не выдернула. Приятно же, черт возьми, пусть ее пожалеют, даже притворно. Сегодня можно, у нее стресс.

— Наташа, блин, чего ты расползлась. Где та шизанутая, которая зубами поймала мою стрелу, когда я пытался подстрелить твою Жанну? — возмутился Гордей, чуть тая ее за руку, но Тараканова никак не отреагировала, продолжая лениво лежать на столе в позе дохлой замороженной рыбины.

— Там был особый случай. В Жанну стрелять было нельзя, у нее экшн намечался, — брякнула девушка, чувствуя, как большой палец Лаврова принялся поглаживать ее кожу, вызывая приятные тактильные ощущения и сноп мурашек по телу. Хорошо. У него сильные руки, массаж бы...

— Плечи помни, шея затекла, — подала голос Наталья, и Гордей замер, изумленно распахнув глаза, но продолжая держать ее руку.

— Чего? — неверяще переспросил он, и девушка, вздохнув, уселась прямо, недовольно на него покосившись. — Последний разум выбила из своей светлой головы?!

— Вот что ты за мужик такой, который не может даме массаж сделать? Я будто тебя попросила показать мне 149 позу Камасутры, о которой ты ничего не знаешь или знаешь, но стесняешься. Чего ломаешься, как девственница перед мажором. Все равно же дашь. Давай, работай ванильный пузан, раз уж явился.

Лицо Лаврова вытянулось, а сам он даже засопел от возмущения, отпуская руку и со скрипом стула поднимаясь на ноги. Минута и вот уже сильные пальцы легли на ее плечи, ближе к основанию шеи, принимаясь не сильно сжимать.

— Так?

— Да... Хорошо. Вот можешь, когда захочешь. Сильнее! — пальцы крепче сжались и переместились на шею, обхватывая, будто в попытке задушить. — Удавить меня вздумал, стрелочник? — поинтересовалась Наташа, попытавшись повернуть голову вбок, но мужские пальцы не дали ей этого сделать, — имей в виду, подам жалобу радикальным музам в их Общество Беспредельных Желаний на харассмент с твоей стороны. Ты меня доминируешь, — фыркнула она, ощущая его дыхание на щеке. Руки Гордея обхватили ее со спины, а подбородок он устроил на плече девушки, да так, что стоило ей повернуть голову, как она бы

почувствовала его легкую щетину своими губами.

— Таракан?

— Чего?

— Как там называется книга твоей бдсм-писательницы, любящей пожестче?

Наташа на минуту замолчала, раздумывая и наслаждаясь в тайне крепкими объятиями. И не потому что Гордей ей нравился, а потому что так можно снова почувствовать себя маленькой, страдающей и вечно всеми обиженной женщиной. А женщины. Как известно, любят страдать и чтобы их жалели сильные мужчины. Даже такие убогие, как Лавров.

— Нижняя миледи для верхнего Графа, — скривилась девушка, вспоминая это убогое название. Будто ничего лучше придумать не могла. Хотя после «Огонь в твоих чреслах» эту можно считать верхом писательского искусства и широтой бескрайней фантазии Валентины.

Гордей хмыкнул и, выпрямившись, выпуская девушку их объятий, неожиданно с силой хлопнул Тараканову по плечу так, что она едва не впечаталась в сиденье своего стула и проскандировал:

— Поднимайся, Натрий хлор. Надевай свои лучшие портки, мы идем за покупками!

Наташа, в этот момент, только-только пришедшая в себя, прекратила потирать плечо и, потянувшись к кружке, так и застыла на середине пути, озадаченно обернувшись к скалящемуся купидону.

— За какими покупками? В какой еще магазин? — удивилась девушка, и Гордей хмыкнул, наклонившись к ней, двигая кокетливо бровями:

— За сценическими костюмами в секс шоп, моя радость. Давай Таракан, шевели усами. Я еще не до конца наслаждался твоими страданиями в качестве музы. Хочу, чтобы ты мучилась подо-ольше, — он как-то дьявольски расхохотался, запрокинув голову, а Наташа тяжело вздохнув, схватила чай с коньяком, пожалев, что вместо него нет бутылки коньяка в литровой таре.

Глава 5 — Ах, ах, давай, прекрасная Миледи!

Если бы кто Наташе сказал пять месяцев назад, что ей придется носиться по всей канцелярии, выискивая исторические костюмы, подходящие под роль графа и графини, стерилизованные под 18 век, она бы лично кинула в него своим договором. То, что продавалось в секс-шопе тянуло на исторический элемент чуть менее, чем никак. Не считая хлыста, который они приобрели под лукавый взор продавца штучек для взрослых, больше ничего интересного там не нашлось, кроме кожаных штанов, в которых, по словам Гордея: «у него прела задница и Гордей-младший с друзьями». Платье отыскалось у муз, которые отвечали за творчество художников. Зачем оно им, Наташа особо в подробности не вдавалась, а вот чтобы натянуть корсет, пришлось прибегнуть, опять же к помощи девчонок, которые помогли, предварительно нацепив на нее пуш-ап. Ведь у героини Гадины-Валентины, была довольно пышная грудь, размера четвертого. Создать из двойки четверку мог только качественный толстый поролон.

— Выглядишь, как потасканная куртизанка, — потянул этот засранец, морщась и периодически подтягивая и одергивая свои кожаные лосины, переминаясь с ноги на ногу, смазывая волосы у зеркала изрядной долей геля для волос.

— Чтоб ты понимал в создании эффекта пухлых губ! — фыркнула Наташа, проводя толстую линию выше контура, замаскированного щедрым слоем тональника, а потом рисуя новые губы ярко-алой помадой. Еще полчаса ушло на репетицию, натягивание парика и попытку учиться дышать в туго затянутом корсете, который не давал Наташе нормально дышать.

— Вот не знаю, как бабы раньше в этом ходили, но это ж помереть. Еще и вечера целые в них плясали, — буркнула девушка, обмахиваясь рукой, стоя в лифте, дожидаясь, пока кабинета довезет их на нижний ярус.

— Видимо, они болтали поменьше, чем ты, — усмехнулся Гордей, уворачиваясь от шлепка по плечу и, погрозив ей пальцем, — но-но, помни, сегодня я твой господин!

— Сейчас как дам, господин, — огрызнулась Наташа, невольно полюбовавшись на стройное, подтянутое тело парня, с любопытством разглядывая его торс. Гордей поймал ее взгляд и улыбнулся.

— Понравился?

— Ничего особенно, — пожалала плечами девушка и покосилась вновь, но уже на лук и колчан со стрелами, — нафига ты тыкалки свои взял-то? От Вальки отбиваться, если пристанет?

Гордей фыркнул, поправляя колчан на плече, проверив прицепленный к поясу хлыст.

— В прошлый раз оставил и ушел в душ, потом пяти стрел не досчитался! — он бросил на нее недовольный взгляд, — мы-то в отличии от вас живем в комнатах по трое.

— Ну, кто тебе виноват, что ты Гордея-младшего отрастил, — усмехнулась девушка ехидно и шагнула в распахнувшиеся створки лифта, открывая 2гис на ангелфоне, дабы ввести адрес места, куда им было необходимо попасть. Дурманящий порошок взяли, время как раз близилось к часу ночи, и как приличная будущая монашка — Валентина уже должна спать.

— Ну, с Богом!

— Я об этом еще пожалею... — притворно вздохнула Наташа, качая головой.

Валентина Петровна в этот вечер думала только о том, как завтра с утра пораньше приготовит опостылевшие ей до печенок овощи, стараясь перестроить свой организм под скудный рацион будущего духовного наставника, коим она желала стать. Помолившись и в очередной раз, отпустив себе грехи через церковный интернет-сайт, женщина вздохнула, обратив взор на свое усталое лицо, отразившееся в зеркале висящем, над туалетным столиком. Этот столик, одно из немногих, что она успела забрать от бывшего мужа.

«Грязная, порочная, бесчестная женщина! Я стыдился тебя, потому ушел к Юлечке!» — она все еще слышала его жестокие слова в своей голове, вспоминая как брызгал слюной Геннадий, покрываясь от ярости красными пятнами, тряся вяленьким, опавшим хозяйством. Ведь застала его Валентина аккуратно во время рабочего процесса прямо на столе его кабинета генерального директора. Раскинутые длинные ноги его молодой, стройной секретарши и пыхтящий над ней драгоценный супруг, с которым Валентина прожила десять безоблачных лет,

посвящая себя уюту в доме, периодически отрываясь от реальности писательством. Потому что со временем жизнь в доме стала пресной, Геннадий прекратил проявлять активность, не хотел заводить детей, ссылаясь, что еще рано, а она уходила в мир своих историй, выдумывая своим героиням горячие приключения с настоящими мужчинами. Так рано превратилось в поздно и вот уже Петровой 38, карьера менеджера средней руки давно позабыта за кастрюлями и стиранными рубашками, на лице прибавилось морщи, тело потеряло прежнюю упругость, на голове добавилось седых волос, а мир стал в миг унылым, серым и бесконечно одиноким.

Вот прям, как в монастыре. Где не будет ничего привычного для нее, только монахини и постоянные молитвы. Посвятит свою жизнь служению Бога и помощи нищим.

С этими мыслями женщина улеглась в кровать, выключив предварительно свет, в единственной спальне-гостевой комнате и накрылась пуховым одеялом с головой, закрывая глаза. Сон уже почти настиг ее сознание, как послышался странный шум, а в нос попала какая-то пыль, от которой все внутри зачесалось и захотелось чихнуть. Женщина немного поерзала, потирая сонно нос, когда над ее головой раздался громогласный голос:

— На колени презренная рабыня! Теперь ты в моей власти! — какой-то свист и щелчок рассек тишину ночи своим звуком. Очень похоже на хлыст, который так любили использовать герои Валентины. Женщина в испуге подскочила, нервно ощупывая стену за спиной в поиске выключателя, который какой-то умник присабачил прямо над ее диваном, что сейчас было на руку.

Яркий свет загорелся, являя видение народу. Женщина ошалело моргнула, выдохнув в панике:

— Граф?!

Высокий, статный молодой мужчина с зачесанными назад светлыми волосами, стоя в кожаных бриджах, высоких сапогах и расстегнутой на крепкой груди рубашке, держал в руке хлыст, которым он вновь щелкнул по погрызенному молью ковру. Мышцы на его груди, видневшейся из распахнутого ворота, перекатывались, а груди Валентины сладко затомлело от невероятного восторга и восхищения.

Она как-то даже забыла спросить, что происходит и кто он такой. Просто прекрасный сон, не иначе.

— Ты где, презренная?! — взревел мужчина ее мечты и в распахнутые двери гостиной, служившей одновременно, и спальней влетела та, кого Валентина в своем романа назвала Госпожой Миледи. Соблазнительницу, искусительницу и покорительницу мужских сердец. Ее грудь была, приподнята корсетом, и пышная юбка под которой прятались длинные ноги в чулках с туфельками на квадратном каблучке. Валентина точно помнила, что выше располагался пояс, где крепился кинжал. О да! Ярко-алое платье с золотыми вставками, длинные темные волосы, большие невинные глаза, кокетливый тоненький голосок...

— Я не твоя и тебе не подчиняюсь! — взвизгнула Миледи так, что Валентина аж подпрыгнула, хлопая глазами. Сама Миледи провела языком по пухлым алым губам, как-то подозрительно алым и подозрительно пухлым, подтягивая корсет на груди, тихонько чертыхаясь.

— Гребанный удушающий инструмент пыток, — прошипела она, вновь щелкнул кнут совсем рядом с ней, и Миледи возмущенно посмотрела сначала туда, где он ударил, возле носок ее туфель бросила, а затем подняла возмущенный взор на графа.

— Оборзел? — лаконично поинтересовалась Миледи, и писательница принялась вспоминать, где была такая сцена? Наконец ее осенило. Это последняя сцена из его особняка, когда граф застал эту шпионку в своем доме. В пятой главе. Здесь должно было произойти ее первое крещение в мир разврата и посвящение в нижнюю.

— Сюда. Говорю. Иди, — процедил сквозь зубы граф, мрачно смотря на свою миледи. Валентина замерла, прижав к груди одеяло, в восхищении переводя взгляд с одного на другого.

Миледи обожгла его жарким взором, придвинувшись на шаг, и вновь щелкнул кнут, от которого она вздрогнула, взвизгнув необычайно громко.

— Ползи сюда, бесчестная воровка, я покажу тебе, как красть у меня мои...ээ... — он замялся, и Валентина восхищенно выдохнула:

— Планы тайных ходов дворца короля!

— Да вот их, — облегченно вздохнул мужчина, пока Миледи опускаясь на четвереньки и тихонько ругаясь, поползла вперед, перебираясь осторожно, чтобы не уткнуться носом в пол, неудачно наворачнувшись на двойных юбках ее наряда. Прическа, состоящая из

темных кудряшек, сбилась в бок, пряди то и дело лезли в глаза, а плечи графа как-то странно тряслись.

— Боишься меня? — голос мужчины в конце пустил подозрительного петуха, когда миледи, наконец, доползла до него, спустя минут пять пыхтения и встала на колени, усевшись у его ног. Он приподнял ее голову, обхватив пальцами подбородок, крепко сжимая, глядя в ее глаза с самым суровым видом, который только мог быть на его красивом благородном лице.

— Сцу, как сучка, — выдохнула миледи, граф закашлял. А Валентина восторженно вздохнула, восхищенно смотря на своих оживших героев. Она с восторгом ждала развязки, глядя, как резко поднимает с колен свою пленницу мужчина, пощелкивая кнутом по полу. Его рука резко притянула ее талию, а потом развернула обратно уже спиной, лапая во всех выпуклых местах.

— Презренная воровка, я научу тебя покорности. Ты всего лишь жалкая букашка в моих руках, — пафосно вещал граф, шлепнув Миледи по заднице. Та даже не вздрогнула, слой юбок не дал даже шанса его шлепку, и блондин закатил глаза, шлепая сильнее, отчего миледи завизжала, как резаный поросенок.

— Сволочь! Я отомщу тебе! — возопила она, периодически подергиваясь в его руках, изображая страдание и морщась от боли.

— Ты будешь моей сегодня ночью. И если мне понравится, оставлю тебя моей личной рабыней, — заявил уверенно мужчина, хватая шелковую ткань первой юбки, за которой пряталась вторая. Он попытался схватить и ее, но за ней был еще третий слой.

— Да какой болван придумал такие наряды, пока доберешься, уже перехочешь, — буркнул граф под нос, чувствуя, как трясется его жертва и обхватил руками холмики ее груди, сжимая с каким-то внутренним удовольствием. — Твои соски говорят, что ты тоже меня хочешь, — патетично заметил, тиская корсет как раз в районе, где находился лифчик с пуш-ап эффектом для создания нужной пышности.

— Нет, не хочу, — отозвалась Миледи, перемещая его руки выше, поскольку те уже щупали ребра. — Я вообще-то не такая, — заметила она внезапно.

— Зато я такой, — ответил наглец, прижимая ее к себе, пытаясь дернуть завязки корсета, но как назло повязанный бантик завязался в еще больший узел. — Давайте, леди, я вас сейчас того.

— Но я же не такая!

— Зато вот я такой!

— Так, подождите, граф!

— Я долго ждал, миледи! Больше не могу!

— Но я так не могу... — пискнула, скуля Миледи, едва держа себя в руках. Корсет душил, да и не только корсет, когда внезапно со стороны дивана заорали:

— Зато я могу! — Валентина замерла, поняв, что произнесла это вслух и ее буйная фантазия обернулась к ней, в лице ее воображаемых героев, которые так и стояли: он, дергая завязки корсета, удерживая жертву за одну грудь, а она застыла, держа руки поднятыми, в попытке убрать эти самые руки.

— Ой, — икнула Валя, похлопав глазами, — простите. Я не хотела. Вы продолжайте.

— А мы не можем, — хором отозвалась парочка, переглянувшись, — ты дальше там не дописала!

Ошарашенная Валентина, прижав к груди одеяло, скромно потупилась, поерзав на месте, ощущая неловкость и дискомфорт от неожиданно проснувшегося либидо.

— Я допишу... — тихонько произнесла она, и Миледи сузив глаза, вырвалась, наконец, из лап Графа, подойдя ближе и поставив ногу на диван, обнажая чулки, подняв юбку и склонившись к ней.

— Так поживее, — потянула она и Валентина хлопнула глазами, а рядом щелкнул хлыст, а вкрадчивый голос Графа добавил:

— А то отшлепаю.

И после этого женщина рухнула без слов в обморок, окончательно сраженная.

Из подъезда выходили, хохоча как стая бешеных гиен. То есть со свистом, чуть дыша и уже способных только выдавливать из груди звуки, похожие на смешки отдаленно. Попытки построить конструктивный диалог или хотя бы обсудить произошедшее, вели к тому, что на них снова нападали приступ неудержимого хохота.

Наконец отсмеявшись, Наташа схватилась за бок, тяжело дыша и обмахивая стащенным с головы париком, с трудом переводя дыхание, глядя на купидона, который по-прежнему пытался прийти в себя и прекратить хохотать.

— Все ладно, поржали и хватит, — хмыкнула она, — теперь

Гадина вернулась и уже строчит продолжение. Хорошо, что решила, что все это сон. А то походу она реально хотела воспользоваться твоими руками, которые бы ее отшлепали, — ехидно потянула, добавив в голос чуточку сарказма. Гордей перестал смеяться, с любопытством оглядев Наталью.

— Ревнуешь? — улыбнулся он широко, отчего Наташа скривилась, передернув плечами. Ночной воздух холодил, все-таки еще не лето, а ранняя весна, кое-где даже лежал грязный снег. Благо хоть во дворе никого не было.

— Дурак, — махнула рукой, покосившись на его прическу, — ты себя в зеркало видал? Выглядишь, как прилизанный ботаник, вернувшийся с гей-парада.

— Зато у меня есть кожаные штаны, — заложив руки за голову, Лавров дурашливо покрутил бедрами, скрипя кожей своих брюк, отчего Наташу вновь пробил смех. Она захихикала, качая головой, поднимая руку с ангелфоном, как внезапно сильные руки обхватили ее за талию, вновь прижимая к крепкому, горячему мужскому телу. От неожиданности аппарат упал на землю с глухим стуком, а Наташа удивленно подняла голову, заморожено глядя в серебристые глаза, которые потемнели точно грозовое небо.

— Ты чего? Сбрендил? — выдохнула она, не шевелясь и даже не пытаясь его остановить. Его запах окутывал отчего, казалось, все вокруг перестало существовать, когда он наклонился и прошептал ей тихим, едва слышимым шепотом у самых губ, касаясь кончиком своего носа ее:

— Сорян, но я же говорил, что продлю твои мучения! — и в следующий миг резко отскочил, выхватывая стрелу из колчана позади себя, натягивая тетиву, прицелившись, и стреляя куда-то позади Наташи, ошарашено стоящей посреди улицы. Стрела резко умчалась вперед розовым бликом, а Тараканова резко обернувшись, взревела:

— Ванильный ты мудака, это же моя Ивона! — как раз в тот момент, когда стрела пронзила насквозь стоящую посреди двора Ивону Пуговкину, так не вовремя решившую сходить через два двора за печеньками, дабы утолить ночной зажор после написания очередного продолжения.

Наташа с ужасом, точно в замедленной съемке видела, как рухнула на асфальт словно подкошенная, госпожа Пуговкина, усевшись и смотря перед собой бессмысленным взглядом.

— В яблочко, — цокнул языком купидон, делая еще один выстрел, когда внезапно откуда-то из соседнего подъезда выскочил низкорослый мужик, видимо покурить, которого поразила стрела прямо на бегу к Ивоне.

— Вай! Жэнщина, вай, красивый, ты жива? Богиня ачей моих, ты чэго ночью по дворам шатаишься. Нэ?

— Ааааа!!!! Лавров! — взревела Наташа, резко разворачиваясь к купидону, который мигом смекнув, бросился наутек, открывая приложения, спеша скорее к оставленной открытой двери подъезда, в которой уже сиял портал. Где-то сзади раздался вопль:

— Я тебе сейчас твои стрелы в задницу засуну!

— Помни, Натусик, любовь спасет мир! — заржал Гордей, влетая в портал и исчезая в потоке света, слыша, как ругается и спотыкается о юбки бегущая Наташа. Но никто этого не видел, ведь под ясной луной в этот вечер родилась новая любовь у двух совершенно разных людей, и новый шедевр из-под пера Гадины Страстной.

Глава 6 — Убегающие тараканы

Женьки Сокольской

— Ты будешь скидываться баллами на днюху Гордея?

Наташа подняла мрачно взор от стакана с соком, оглядев сидящую напротив Майю Топтыгину так, что та чуть дернулась стуле, едва не перевернув стол. Сама Топтыгина, именуемая дамой размера плюс сайз и еще полсайза в придачу, опасливо покосилась на разъярившуюся Наташу, в чьих руках едва не лопнул стакан с соком, так крепко она его сжала, представив, что это шея вышеупомянутого купидона. Не то, чтобы муза, всех фотографов и художников моделей подобной ей комплекции, была ее крепкой подругой, но точно хорошей приятельницей с которой Наташа периодически завтракала, а веселушка Майя, которую любили все, даже общество радмуз, делилась последними новостями.

Или приносила плохие вести, вроде той, что сейчас сказала.

У купидона Гордея Александровича Лаврова день рождения и по обычаю, даже среди извечно воюющих между собой муз и купидонов, находились те, кого было принято поздравлять всеми коллективами. Вот таких, как Гордей, со своими милыми улыбочками, вежливым отношением и тлетворным влиянием на общественность, которая искренне недоумевала, чего Наташа крысится на бедного парня вот уже как две недели, отчего бедный купидон вынужден не попадаться ей на глаза. А то, что из-за его чертовой стрелы Ивона, вот уже какой день, пребывает в своей восточной сказке с жителем Таджикистана, Азаматом, который щедро одаривает ее фруктами, сухофруктами и орехами — это ничего. Тем более из-за этой дурацкой стрелы Ивона уже вторую неделю не пишет продолжения, совершенно забыв о своих обязательствах перед читателями, полностью погрузившись в мир ванили и любви со вкусом кураги с урюком. Баллы безбожно горели, а жажда крови наоборот усиливалась.

— Кукиш ему с маслом и пинка под крылатую задницу, а не мои баллы! — рывкнула Наташа. Стукнув по столу так, что Майя вновь подпрыгнула вместе со своими рыжими кудряшками и удивленно воззрилась на коллегу.

— Наташ, ну чего ты. Он же хотел, он же купидон... — попыталась возразить она, но тут же замолкла под убийственным взглядом. Ангелфон Наташи пиликнул, отрывая ее от размышлений об убийстве Гордея во время празднования его дня рождения. Интересно, сколько там ему? Два или три годика, судя по интеллектуальному развитию?

Тараканова обратила взор на приложение в библиотеке и выругалась. Ну, е-мое, судя по записи в блоге опять у Сокольской убежали тараканы ее внутреннего творца.

Наташа подскочила, бросив на прощание Майе, что ушла по делам, слыша в ответ ее окрик:

— Если что, сегодня в восемь вечера в ресторане будем поздравлять!

Ага, так она и пришла, как же.

Спеша к лифту, Наташа постаралась прикинуть, чем можно вернуть Женино вдохновение, которое убегало порой так далеко, что дабы его вернуть на место, приходилось едва ли не подпирать писательницу к компьютеру.

Хотя надо сказать, Сокольская была одной из тех подопечных, кого Наташа могла бы назвать любимыми. Как минимум, в плане того, что они редко доставляли какие-то проблемы и не отличались особой неадекватностью. Не считая, конечно, ее мозгового террариума, где проживали тараканы. Если у всех обычных баб они были рыжие да черные, то у Женьки они были огромные и мадагаскарские, которые щедро помогали ей в написании своих книг.

Привычный маршрут до Питера, северной столицы России. Наташа даже не обратила внимания на Ипполину Матвиенко, которая вывешивала на стенде какое-то объявление, периодически прикрикивая на рабочих, пытающихся этот стенд поправить.

Шагнув в светящийся проход, Наташа вмиг оказалась в шумной квартире Сокольской, где всю прыгали дети, коты, муж и посреди этого хаоса Женя сидела посреди ковра, застыв с кружкой кофе и медитируя уже три часа над продолжением, рассеяно поглаживая подошедшего рыжего мей-куна, жаждущего внимания и ласки.

— Мам!

— Мама!

— Женечка!

— Мяу!

— Дурдом, — потянула Наташа, оглядывая квартирный кавардак. Неудивительно, что при таком шуме у Жени не было никаких шансов написать продолжение по графику. Сверху еще и раздался раздражающий трезвон дрели, а сбоку заработали перфоратором. Блеск.

— Я их потеряла, — грустно вздохнула Женя, отпивая кофе и глядя на белую открытую страничку вордовского документа.

— Кого потеряла, мама? — поинтересовался старший сын, а удивленный муж присел на диван с младшей дочерью и котом.

— Тараканов, — снова горестный вздох и раздраженный взгляд на потолок. А потом на стену, — вот из-за них и потеряла! Ни одного таракана!

— Как хорошо, что я твой лучший таракан, дочь моя, — зловеще потянула Наташа, оглядывая объем работы. Для начала надо было занять ее семейство, а уж с соседями можно решить вопрос очень и очень быстро.

Она подскочила к мужчине, рассеяно пытающемуся, сунуть в руки дочери мягкого фиолетового пони, рявкнув:

— Давай, живо организуй поиск тараканов!

Минута и глава семейства ожил, радостно подпрыгнув с ребенком, напугав кота.

— Дети! Давайте поможем маме найти тараканов!

Мальшня радостно заголосила, но тут бойкий парнишка как-то нахмурился, остановившись посреди комнаты, и потянул:

— А как мы их найдем-то? Они ж невидимые!

«Ах, ты ж жук сообразительный!» — мрачно подумала Наташа и только открыла рот, как Женя вдруг выдала:

— В магазине найдете. Заодно купите хлеб, банку кофе и мороженое! — она вновь отвернулась к экрану, задумчиво глядя на клавиатуру, пока семейство шуршало в коридоре, собираясь и переговариваясь о том, как будут искать мифических тараканов творчества мамы семейства Соколевских, как Наташа выглянула в коридор и потянула:

— Ив парке поищи. Часа четыре, а лучше пять!

— Мы еще в парке погуляем, — крикнул уже на выходе муж, и Женя небрежно махнула рукой, а Наташа покосилась на стенку, прикидывая, куда бы теперь сплавить соседей и лучше на несколько часов. Повернулась к Жене и поинтересовалась:

— Как там твои тараканы? Вернулись?

Опять задрезжал перфоратор, с другой стороны заорала соседка, а сверху снова заработала дрель. Женя подняла глаза к потолку и покосилась на усевшегося рядом кота.

— Все еще бегают, — пробормотала сама себе. Иногда вот вроде и общаешься с ними, как с друзьями, а вроде, как и за подсознание отвечаешь. Прямо, как сейчас.

— Щас найдем твоих мадагаскаров, — проворчала Наташа, топя в сторону двери. Первыми шли на очередь соседи сбоку. После немногочисленной беседы с подсознанием, парочка отправилась орать друг на друга на улицу, внезапно вспомнив, что суббота и надо бы навестить маму. Соседу с перфоратором пришлось сломать перфоратор путем обрезания вилки от шнура, точнее понадобился один маленький надрез, чтобы этого умника шарахнуло током так, что он отmaterившись, вздумал пойти отлежаться.

На несколько часов.

— Это ты, верно, подумал мужик, — хмыкнула Наташа и отправилась к соседу сверху, который обожал дрелить своей дрелью все поверхности. Правда, почуяв неладное, он быстренько вспомнил, что пора бы и сгонять на дачу. И прихватив пресловутый инструмент, укатил быстренько строить новую баню.

Оставалось дело за малым. Закрытый в ванной кот и вот Женя уже прекратив бессмысленно крутить в руках новую кружку кофе, блаженно выдохнула, заворачиваясь в теплый плед, принялась за творчество.

— Итак, Маргаритка. Парень, обидевший тебя, не должен отделаться обычным «прости», — потянула Женя, стуча по клавишам. Периодически злобно хихикая аки Гринч, она отпивала кофе, прикидывая в уме идеальное наказание для будущего страдальца по имени Гордей. Наташа заглянула через плечо, прищуриив глаза на текст.

— Давай продадим его в Турцию! Все Гордеи должны страдать, ненавижу Гордеев, — потянула Тараканова, в мечтах представляя, как секут подлого купидона плетью за каждое непослушание. Жаль только, что образ того Гордея в книги, и ее персонального кошмара немного не совпадал, но никто же не мешает представить верно?

— Тараканы, вы суровы, — вздохнула Женя, отмечая эту идею.

— Переедем асфальтоукладчиком?

— Что за тяга к насилию у меня сегодня? — озадаченно потянула

Сокольская, мотая головой и хищно улыбаясь, — все геи это Гордеи! Точно. Лелика тебе в кровать, вот обрадуешься соседству спросонья, наша Рита будет отомщена! — радостно потирая ручки, печатала Евгения, пока лицо Наташи вытягивалось по мере прочтения, а после и вовсе упала челюсть от прочтенного.

— Ну, Жека, ну даешь, — хмыкнула Тараканова, посмеиваясь втихую от новой шутки. Воистину «Все Гордеи — геи». Да Лаврова разнесет от ярости, он же первый гомофоб, как и большинство купидонов, работающих в канцелярии. Редко какой их них соглашался помогать создавать однополые пары на территории России, хотя прекрасно уживались с купидонами нетрадиционной ориентации, правда, стараясь держаться от них все же подальше. Так, на всякий случай. Наташа хмыкнула, пробегая глазами по тексту, где герой просыпался как раз в момент, когда яро голубой Алексей начал тянуть ручонки к едва очнувшемуся Гордею. Вот жаль, что и Лаврову так нельзя. Визгу бы было.

Оставив Женю считать своих пойманных таракашек, пополняя свой шедевр очередной главой, Наташа мысленно порадовалась, что больше нет, с удивлением обнаружила, как практически проторчала весь день подле своей подопечной. А значит, она успевает на праздник этого несносного крылатого.

Мысленно чертыхаясь, девушка вошла в сияющий проход, останавливаясь прямо посреди полукруглой залы с многочисленными дверьми, ведущими в разные точки земного шара. Она бы может и пошла бы дальше, если бы ее не привлекло то самое объявление, которое ранее вывешивала Ипполина на новенькой доске объявлений. Не то, чтобы ей было сильно интересно, но возвращаться наверх и слушать причитания на тему, какой замечательный день для гада Лаврова тоже не особо хотелось. Все как с ума сошли, особенно музы. Хотя последнее оно и понятно, симпатичные парни даже среди купидонов большая редкость, тем более на этом свете. А любви им охота, даже после смерти.

«Внимание! По-прежнему ведется набор в группу купидонов для срочной двухнедельной командировки на шоу «Новостройка 3. Построй однополую любовь». Дата окончания набора: сегодня. Участие на добровольных началах за дополнительные бонусы с возможностью переезда в одиночные апартаменты.

Р.с. По истечению срока командировки: канцелярия оплачивает курсы психотерапии. С уважением, администрация небесной канцелярии Божьего Суда»

Наташа неверяще пробежала еще раз по тексту глазами, с удивлением заметив внизу список с 5 свободными графами из 8. Она невольно хмыкнула. Похоже, даже за дополнительные баллы и привилегии купидоны не жаждут спасти этих ребят. Какие бессердечные.

Она, было, двинулась клифтам, как внезапно остановилась, пораженная внезапной идеей, пришедшей ей в голову. Губы растянулись в улыбке, а сама Наташа резко повернулась обратно к доске, мысленно потирая ручки.

— Все Гордеи — геи, — злорадно хихикая, мурлыкнула Тараканова, вписывая имя врага в список, и с чувством выполненного долга бросилась скорее к лифтам, дабы успеть на празднество. Вот теперь, она точно готова щедро отсыпать ему баллов за стресс. Пусть потом до конца вечности их на курсы психотерапии тратит.

Глава 7 — Хэппи Бездей для Гордея, когда вокруг одни геи

На день рождения главного стрелочника канцелярии Божьего Суда собиралась Наташа, как на собственные похороны. Или праздник. Но ведь похороны — оно же тоже в какой-то мере праздник? Лежишь себе в ящике деревянном, украшенным ажурной резьбой. Или просто лаконично черном, весь красивый, напомаженный, все вокруг рыдают, провожая в последний путь. Чем не праздник-то? Твой праздник, в твою честь. Правда, что последний в твоей безбедной короткой жизни, но кого сейчас волнуют такие мелочи? Главное, чтобы было кому над хладным телом твоим рыдать.

Во всяком случае, так всегда думала Наташка. И сильно обиделась, когда половина ее тусовочных друзей на похороны не явились. Вот пусть только попробует кто-то из них начать писать мемуары на старости годов, к тридцати, скажем. Она даже баллов не пожалеет и всякое вдохновение отобьет. Умерла в двадцать лет, а никто даже толком не порыдал. Кроме матери, которая едва-едва коснулась платочком уголка глаза и то осторожно, чтобы не дай Бог макияжа своего не испортить. Впрочем, чего еще ждать от родительницы, которая дочь то видела исключительно по истории в Инстаграм да по обновлениям аватарки в Твиттере, общаясь через банковское приложение при переводе денег на счет Наташи.

Изольда Валентиновна, величавшаяся себя не иначе, как княжной Таракановой, на любовь была скупа, на ласку скудна и жила отчаянными попытками закадрить нового мужа, желательно с английским паспортом и званием лорда при дворе королевы Елизаветы.

В общем, чего там ждать от такого окружения? Никаких страданий. Может, поэтому у Наташи Таракановой было так туго с понятием «любовь». Что это вообще? Болезнь? Какая-то форма шизофрении? Или паническая атака?

Взгляд невольно остановился на своем отражении, откуда на нее смотрела роскошная, стройная девица в коротком серебристом платье, с длинными светлыми волосами, спускавшимися ниже груди. Их, Наташка, выпрямляла почти полтора часа, опасаясь опоздать к чертовой

матери. Яркий, броский, стильный макияж, губы, подчеркнутые нюдовой помадой. Идеальное сочетание, хоть сейчас в клуб на привычную тусовку. Погрузиться в бешеный ритм, слыша крики ее друзей рядом.

— А были ли у тебя друзья, Наташа? — озадаченно задала она сама себе вопрос и, улыбнувшись, послала своему отражению воздушный поцелуй, потянувшись к серьгам на туалетном столике. Страдания для слабаков, а Тараканова Наталья слабой не была никогда. Не плакала на похоронах отца, не плакала, когда мать впервые отправила, оставила ее пятилетнюю на попечение няnek и гувернанток, укатив в очередное свадебное путешествие с пятым мужем. Не станет плакать и сейчас по своей несостоявшейся жизни.

Ерунда это все.

— Решила придти? — в коридоре Наташу перехватила Майя, схватив девушку за руку. Вроде и привычное движение, но какое-то непривычное в плане, что уж больно Топтыгина жаждала притереться к ней поближе. Надо ей, что ли чего-то? Второй раз за день встретить — это не к добру.

— А то, как же я пропущу днюшечку Гордеюшки, — хмыкнула Наташа, отгоняя подальше свои сомнения. Подумает о них потом, но руку осторожно освободила уже сейчас. Майя недоуменно окинула ее взором карих глаз, глядя, как резко отскочила от нее Тараканова на шаг в сторону.

— Ты чего?

— Не люблю тактильные тисканья, я уже хайлайтером тело намазала, вдруг сотрется? — с равнодушием бросила девушка, поспешив к лифтам. Топтыгина пожалала плечами, разглядывая серебряное платье на бретельках Наташи, перехваченное черным поясом на талии и опустив взгляд на высокие каблуки.

— Что? — удивилась Тараканова, и Майя вновь вздохнула, потупив взор и проведя пальцами по своему наряду. Для такой пышки, как Топтыгина выбор был ограниченным, потому и платье пришлось брать длинное, неброское, скрывающее живот и широкие бедра.

— Завидую я тебе, Таракан. Красивая ты, неудивительно, что многие купидоны и не только они, с тебя глаз не сводят!

Наташа нетерпеливо махнула рукой, нажимая кнопку вызова лифта, которая ярко загорелась.

— Глупости. Да и кого там выбирать? Они все страшные. А кто не страшный, тот Гордей. И вообще, отношения на работе ведут к проблемам, — фыркнула она, шагнув в раскрывшиеся створки и дожидаясь, пока Майя зайдет следом, нажимая кнопку нужного этажа.

Топтыгина вздохнула, покачав головой, отчего мелкие рыжие кудряшки рассыпались по плечам.

— Хотя бы того же Гордея. Давно говорят, есть между вами что-то.

Наташа помрачнела и передернула плечами, покосившись на музу, как на ненормальную.

— Сбрендила? Еще я на этого обломщика карьеры не западала!

— Все еще злишься? — вскинула брови Топтыгин и Наташа ухмыльнулась, слыша, как тренькнул звоночек над их головами, оповещая, что они прибыли.

— Вот еще, на ущербного дуться. Я уже нашла ему развлечение на пару недель вперед, — хохотнула она злорадно, шагнув вперед, погружаясь в шум ресторана, где уже всюду туда-сюда сновал народ со всей небесной канцелярии, щеголяя в красивых, пафосных нарядах, а между делом бегали официанты. Многовато чести для одного купидона.

— Прямо будто днюха у заведующего небесными делами, — проворчала Наташа и услышала тихий смешок Майи за спиной.

— Так Гордея все любят.

Опять любовь. Да кому она нужна?

Между стоящими надзирателями мелькнула знакомая личность, и Наташа скривилась, приметив плывущую к ним Ипполину Матвиенко, которая явно вознамерилась с ними поболтать, вооружившись двумя бокалами шампанского, которое собралась явно выпить в одиночку. Вот только этого не хватало. Как положено: шляпка с белыми розочками, белый костюм, туфли на низком каблуке и это вечно кислое выражение лица с поджатыми губами. Даже пучок на месте под праздничной шляпкой — скрыт. Нарядилась видимо.

Приметив знакомый силуэт в группе хихикающих радмуз, Наташа сделала лицо кирпича, двинувшись в сторону Гордея, который о чем-то переговаривался с этими поборницами еще каких-то недостающих прав. И громко смеялся, явно получая удовольствие от разговора. А значит — его надо испортить.

— Ты куда? — зашипела Майя, в ужасе покосившись на идущую к ним решительно Ипполину, заметив, как дернулась Наташа в

сторону, — не оставляй меня с ней!

— Сорян, Топтыгина, но это суровые небесные джунгли, тут каждый за себя. Сильный выживает слабого, — пафосно проговорила Тараканова, делая еще один шаг, и добавила, прежде чем сбежать, — короче, родина тебя не забудет, мой друг Гораций. Крепись, страдай и помни, твоя жертва была не напрасной. Гордею передам привет, — она быстренько сбежала, как раз тем, как Ипполина их настигла, открыв уже рот, чтобы начать долгую, нудную и невероятно занудную беседу о тленности бытия в процессе становления человечества. И упаси Бог, ее не выслушать или остановить. Потом проблем не оберешься, когда будешь переезжать на ПМЖ в одну из конечных инстанций.

Он стоял весь такой высокий, красивый, в бабочке, белой рубашке и черном костюме, волосы зачесаны назад, открывая лоб и красивые серые глаза. Одна рука небрежно засунута в карман, вторая держит бокал. Рядом ему в рот восхищенно заглядывают музы разных мастей, цвета волос и народностей из России (в конце концов, это же российский филиал небесной канцелярии, кто тут еще мог быть?), периодически хихикая и выдавая что-то идиотское в стиле героинь большинства ее подопечных: «Ах, Гордеюшка, ты такой шутник».

— А чего крылышки отцепил, попугай Ара? — потянула Наташа ехидным голосом за спиной купидона, заставив его вздрогнуть и прерывая эту милую беседу, свалившись, как обух на голову несчастных, глупеньких муз, влюбленными глазами, смотрящими на Лаврова. — Бабы с ними хуже клеятся на любовную магию твоих стрел, пугало ванильное?

Гордей резко обернулся, едва не расплескав шампанское, сверкнув серыми глазами и проигнорировав возмущение его недавних собеседниц, расплылся в хищной улыбке, отчего Наташа даже засомневалась. Выглядел он уж больно радостно, а осмотрел так и вовсе как-то подозрительно долго.

— Таракан, ты пришла. Где мои поздравления, поцелуй в губы, вещания на ухо, что я стал еще краше в свои 26? — чересчур радостно поинтересовался купидон, надуваясь от важности собственной значимости. Он окинула ее вновь палящим взором, и в серых глазах зажегся огонечек ехидства и еще чего-то. Явно недоброго.

— Платье смотрю, натянула выше колен, туфли нацепила, накрасилась, пакли свои в порядок привела. Это все мне? А бантик где?

Наташа закатила глаза и пожалела, что сумочку не взяла, так можно было бы его огреть по голове. Впрочем, она же не планировала оставаться надолго. Так, придти, обрадовать новостью и исчезнуть в закате океана, как русалка, обратившаяся в пену.

— Гордей, Наташа говорит, подстрелил ее подопечную, похоже, злится, — подала голос одна из муз, Валерия, ревниво сузив свои глаза с длинными наращенными ресницами, надув пухлые губы, которые явно еще при жизни хирург исправлял, как и многое другое. Рядом, вторя этой музе для будущих революционеров, поддакнула Фаина, муза режиссеров отечественного кинематографа.

— Наташка, не порть праздник, Гордей сегодня именинник. Хоть сегодня не приставай со своими глупостями, — фыркнула она, сверкая глазами и притопывая недовольно ножкой. Наташа лениво оглядела ее цветастый кричащий наряд и вздохнула:

— Фая, вот тебе бы лучше молчать. Особенно в таком наряде, а то глядя на тебя — не удивительно, что с российским кино все так печально!

Гордей подавился шампанским, в попытке замаскировать смех, а Фаина резко распахнула большой рот, щедро накрашенный оранжевой помадой и это в тон кричаще розового платья-то и зашипела получше любой гадюки.

— Стерва ты, Тараканова! Поэтому с тобой никто и не общается!

Наташа проводила их взглядом, когда музы гордо удалились, не забыв на прощание клюнуть каждая Гордея в щеку, оставляя разноцветные следы от помады и хмыкнув, подняла бокал им вслед, который успела стянуть по дороге с подноса у официанта.

— Вот века идут, Рай, Ад, Земля стоит, а даже в небесной канцелярии некоторые бабы и после смерти не меняются!

Она уже было пригубила из бокала, как поняла, что он словно по мановению волшебной палочки исчез. Гордей ловко поставил бокалы, свой и Натальи, на ближайший столик, шагнув вновь к возмущенной девушке.

— Ты что, крылатый, делаешь? — удивилась она, когда купидон ловко перехватил ее за руку, притягивая ближе к себе и таща за собой в середину зала, где разливалась какая-то скучная, инструментальная музыка. Кажется, заунывно пел на заднем фоне церковный хор.

— Пошли танцевать, Таракан, я соскучился, — беспечно

улыбнулся он, обнимая одной рукой ее талию, а пальцы второй, сплетая со своими, не спеша, двигаясь под заунывный ритм. Медленно, чувственно и тоскливо.

— Я сейчас усну.

Он склонил голову ниже, обжигая дыханием ухо, чуть шевеля волосы.

— Ипполина Матвиенко любит торжество в классическом стиле.

— Оно и видно, — фыркнула Наташа, слыша, как вновь заиграла музыка, — почему мы пляшем под похоронный марш?

— Поминаем мой праздник в узком дружеском кругу с блэкджеком и шлюхами, — хохотнул купидон, чуть крепче сжимая руку на талии девушки, прижавшись щекой к ее волосам.

— Гордей, ты же приличный мальчик, какой блэкджек, какие шлюхи? Только покой, сон и утренняя пробежка по облачкам в пять утра, — хмыкнула Наташа, наслаждаясь этими минутами. Может музы рядом с ним тоже чувствуют такой покой? Вон даже в сон потянуло, мимо проплыл с важным видом какой-то черт, перестукивая копытцами по полу и ворча что-то о нудных праздниках да большом количестве белого.

— И овощной смузи?

Наташа рассеянно кивнула, пробормотав, стараясь подавить зевоту.

— И овощной смузи. С амброзией из райского сада, — она почти прикрыла глаза, как сильные руки чуть трянули ее, заставляя проснуться и отклониться назад, глядя в довольное лицо с сияющими серыми глазами.

— Где мои поздравления, женщина? — вздернул бровь Гордей, внимательно рассматривая ее лицо, отчего даже захотелось проверить, не потекла ли у нее тушь или не уплыла ли куда суперстойкая матовая помада.

— Я скинулась баллами тебе, что тебе еще нужно, троглодит? Помни, я еще не простила тебе Ивону. — притворно обиженным тоном заявила Наташа, позволяя ему удерживать себя за талию, а сама в это время обхватила руками его шею. Где-то неподалеку зашипела парочка муз и зашептались купидоны. Она кинула взгляд на покрасневшую Фаину, ставшую одного цвета со своим платьем, и показавшую ей большой палец Майю, которая тут же правда принялась вновь слушать Ипполину, не давая ей повернуться в их сторону. Она видела, как к ним

спешит глава корпуса купидонов, от усердия даже где-то потерявший бабочку. А с ним двое купидонов из той малочисленной группы, которая приникала к сексуальным меньшинствам. Те самые, записавшиеся в добровольцы на шоу. Как раз вовремя.

— Но раз ты настаиваешь, — сделала вид Наташа, что ничего вокруг не видит и к удивлению Гордея, обхватила его лицо, поддаваясь вперед. Серые глаза стали больше, когда она почти коснулась его губ, но в последний момент повернула голову в бок и чмокнула его в щеку.

— Гордей! — голос Арсения Степановича заставил купидона вздрогнуть, а Наташу ловко отскочить, воспользовавшись заминкой и выпутаться из крепких рук, дожидаясь своего часа. Глава корпуса купидонов тем временем схватил руку ошарашенного Лаврова, принимаясь ее мять, сжимать и щедро трясти так, словно именно от него зависела вся жизнь и его работа. Впрочем, может и зависела. Невольные свидетели вокруг принялись оборачиваться, привлеченные громким голосом Арсения, который поправив очки, хлопнул Гордея по плечу, да так, что тот едва не присел.

— Молодец! Вот он, орел отечественной любви! Птиц, дарующий людям счастье, и благополучие. Настоящий герой своего времени. Не побоялся испытаний, выпавших на долю мировой общественности, под гнетом толерантности и равноправия! — вещал патетично, властно и одновременно как-то облегченно. Рядом скромно жались два купидона, одинаково прилизанные, накаченные, во всем обтягивающем, смотрящие исподлобья заинтересованным взглядом на Лаврова, который опасно оглянулся и все еще непонимающе продолжал стоять, принимая поздравления.

— Вы о чем, Арсений Степанович? — выдохнул парень, и Наташа тихо хмыкнула, едва сдерживая смех.

— Как это? — удивился мужчина, озадаченно покосившись на Гордея. Который явно не понимал, в чем причина такой радости у начальства, — ты ж сам записался добровольцем на двухнедельную командировку на шоу «Новостройка 3. Построй однополую любовь». — Арсений погрозил еще больше впавшему в ступор Гордею пальцем, улыбаясь хитро, — ай-яй-яй скромняга. Настоящий рыцарь, всегда готовый прийти на помощь одиноким сердцам. Вот он, истинный мужчина. Кокошников, Мамонтов, сюда! — рявкнул начальник и оба купидона радостно заулыбались, приблизившись к Гордею, который

уже в ужасе начал осознавать произошедшее, открыв рот, но ему даже звука вставить не дали, когда парни подскочили резко, хватая его за руки с обеих сторон.

— Гордик, ты такой молодец! Никогда бы не подумал, что ты из таких!

— Да даже если не таких, ты все равно тако-о-ой, — вздохнул Мамонтов, прижимаясь к Гордею с одной стороны.

— Лавров, ты просто реально клевый. Спасибо, что хотя бы ты нас понимаешь, — закивал рядом Кокошников. Арсений Степанович улыбался, люди вокруг шептались, бросая подозрительные и одновременно смущенные взгляды на Гордея, который сглотив, вдруг почувствовал, как его хлопнули по спине, а затем услышал голос Наташи. Довольный, наглый и ехидный.

— Ну, что? С днюшечкой тебя, орель, — Наташа хохотнула, обходя честную компанию и подмигнув застывшему Гордею, добавила:

— Не забудь потратить баллы с пользой. Я там тебе накинула. Говорят даже на этом свете услуги частного психотерапевта ой, какие недешевые. — Послав ему воздушный поцелуй, схватила с ближайшего стола две бутылки шампанского, двинулась в сторону лифтов, помахав не глядя рукой в которой держала одну из бутылок.

— Ну, пока, Гордеюшка-геюшка! Удачно тебе там полетать, рыцарь однополых историй долгой любви!

И тут же услышала рев за спиной, от которого по спине побежали мурашки, и пришлось обратиться в бег прежде, чем ее прикончат.

— Тараканова, я тебя убью второй раз!!

Глава 8 — Света и четыре котлеты

Две недели без Гордея — Рай земной. Или не совсем земной, но все Рай. Шел второй понедельник, перспектива встретить блондинистую недовольную личность маячила в еще семи днях радости без него, а значит, можно было расслабиться и жить спокойно, не боясь, что кто-то вздумает подстрелить одну из твоих подопечных.

В это утро Наташа никуда не торопилась. Все девушки были заняты написанием продолжений в одной точке страны, в другой точке страны они еще спали. Или все наоборот: днем спали, ночью писали. Главное делом были заняты. Ивона правда, все еще пребывающая в восточной сказке портила весь рейтинг, но на общем фоне это было не критично. Тем более, что Гордея ведь не было.

— Выглядишь счастливой, смотрю, отсутствие Лаврова только на тебе хорошо сказывается, — голос Майи нарушил уединение Наташи, которая прекратила мешать трубочкой в коктейле мохито и подняла глаза на рыжеволосую музу, подозрительно прищурив голубые глаза, сделав, самое что ни на есть, недовольное выражение лица. Что происходит? В последнее время утренние встречи, а также периодические стычки в коридорах и на ужин, а иногда еще и в обед стали частью ежедневного ритуала. Майя то и дело мелькала перед ее глазами, и это начинало сильно напрягать.

С минуту Наташа изучала, отодвинувшую стул Топтыгину, которая уселась прямо напротив, делая заказ подскочившему официанту на стандартный завтрак, состоящий из сока, яичницы и тоста с джемом. Вроде бы ничего подозрительного в музе нет. Те же веснушки, те же детские пухлые щечки, несмотря на то, что умерла Майя в тридцать два, она выглядела достаточно молодо.

Те же карие глаза. Тогда чего она ошивается подле нее? Они за пять предыдущих месяцев едва ли толком могли поговорить, а тут прямо каждый день и сразу по несколько раз.

— Тебе что ли баллов одолжить надо? — с подозрением спросила Наташа, продолжая изучать девушку. Топтыгина от изумления даже рот открыла и едва не уронила только что принесенный стакан с апельсиновым соком, пролив немного на скатерть.

— Тараканова, что за тараканы в твоей голове? — возмутилась муза, аккуратно поставив стакан на стол и вскинув брови, посмотрела прямо на Наташу, — к тому же, какие баллы? Ты же на самом низу рейтинга болтаешься.

— И то верно, — проворчала Наташа. Отметая эту версию. В конце концов, Майя права. У нее маловато подопечных для больших рейтингов, да еще и постоянно вмешивающийся Гордей и дурость некоторых ее писательниц напрочь отмечает возможность подняться выше пятидесятого места.

Из пятидесяти одного. Последнее занимает новенькая муза у художников-абстракционистов, но там вообще все туго и полная наркомания, откуда там баллам-то взяться? Впрочем, какая разница, ей же главное держаться внутри рейтинга. А уж, на каком месте — не так уж важно.

— Шмотки надо? Учти, у меня нет твоего размера, — потянула Наташа, все еще подозрительно косясь на усмехнувшуюся музу, которая замотала головой, — помаду от MAC тоже не дам. Негигиенично. Я хоть и умерла, но все еще брезгую!

Топтыгина расхохоталась, вызвав еще больше удивления, подозрительность уходила на задний план, и теперь Наташе действительно стало любопытно.

— Что происходит вообще? — наконец соизволила спросить, обхватывая губами трубочку и внимательно разглядывая Майю на предмет скрытых тайн. Вдруг она в своем пышном декольте этого желтого сарафана прячет складной лук со стрелами и хочет выведать у нее все про ее подопечных, дабы отомстить за Гордея? Или вообще жаждет подставить. Среди девушек такое не редкость, так подружки и друзья по университету постоянно старались выведать хоть что-то из ее личной жизни, дабы можно было это выгодно продать или рассказать кому-нибудь ради достижения своих целей. Это нормально. С тобой дружат, потому что это выгодно: выгодно смотреться красивой на твоём фоне, выгодно финансово, выгодно для репутации или рейтинга популярности у девчонок.

Значит, Майе тоже что-то нужно. Им всем что-то нужно. Просто так общаются только с лохами да неудачниками, а к таковым, даже имея низкий рейтинг, Наташа себя не относил.

— Наташ, почему я не могу просто с тобой подружиться? — задала

Майя вопрос и Тараканова подавилась мохито, отчего несколько капель упало на скатерть. Топтыгина было вскочила, чтобы постучать по спине, но Наташа остановила ее жестом руки, махнув, чтобы села обратно, продолжая откашливаться.

— Топтыгина, ты меня пугаешь, — вздохнула Тараканова, придя, наконец, в себя, — если хочешь, чтобы я помогла тебе со стилем дабы закадрить какого-нибудь вшивого купидончика или даже Гордея, то говори прямо. Не люблю увиливания, — для пущей грозности она даже добавила своему взгляду серьезности, но Топтыгину это ни капли не проняло. Наоборот, муза откусив кусочек тоста, прожевала его и, отпив сока, широко улыбнулась. Так тепло и открыто, смотря на нее честным взглядом. И даже не придраться, потому что либо очень хорошо играет, либо действительно не врет.

— Ничего, Наташ. Я просто хочу подружиться, — хмыкнула Майя, поставив стакан на стол, — и это несмотря на твою помесь гадюки с жирафом! Жирдюк, как сказал Гордей, — похвасталась она и Наташа вновь подавилась коктейлем, сжимая пальцы, вновь представляя, как сворачивает шею этого купидона.

— Какой еще, нахрен, жирдюк?! — прорычала она и Майя хихикнула, нисколько не испугавшись.

— Так ты же высоченная, как жираф и ядовитая, как гадюка. Тебя так Горди два года кличил, пока ты тут не появилась. Он не говорил?

— Видать жить очень хотелось, — мрачно отозвалась Наташа. От размышлений ее прервало оповещение о том, что библиотека Светланы Усанковой давно не пополнялась. Уже, как полторы недели. Ну, вот что за напасть. Только-только расслабишься, как новости нагрянуть. И это она не про Свету, хотя может частично и про нее.

— Мне надо бежать, — отозвалась Наташа, переваривая услышанное. Это надо было переварить, желательно подальше от Майи. А то вдруг она там не одна такая и Наташе придется дружить со всей братией муз художников. Даже той странной новенькой, у которой абстракционисты.

— Вечером встретимся! — крикнула ей вдогонку Топтыгина и Наташа не глядя, махнула рукой, спеша скорее из ресторана. Подружиться? Просто так? С ней? Ха! Лучше бы у нее спросили, собирается ли Тараканова с кем-то дружить в этом месте и вообще заводить хоть какие-то отношения, потому что она-то как раз не

собиралась.

Они были ей не нужны абсолютно. Во всяком случае, именно так Наташа и рассуждала.

К слову, за жирдюка будут отдельные вопросы к этому крылатому стрелочнику, которые она ему обязательно задаст.

— Что вообще за прозвище такое? Ему что, пять? — буркнула сама себе Наташа, запрыгивая в лифт и на ходу припоминая координаты города Светланы. Где-то на Урале, вдали от большого мира и прогрессивной цивилизации, небольшой уютный производственный городок закрытого типа. И там проживает ее главная лентяйка, которой уже давно пора навешать творческих люлей. А то совсем распустилась!

Писать книги — тяжкий труд. Еще больший труд — усадить хорошего автора на стул перед монитором, чтобы он соизволил выдать, хотя главу для продолжения. В случае Светы труд был двойным, даже тройным. И хотя нее было все: талант, стиль, отсутствие ошибок — не хватало одного единственного качества. Усидчивости.

Госпожа Усанкова могла быть настоящим Юлием Цезарем. Гладить белье, варить борщ и договариваться с поставщиками о датах и сроках прибытия груза ровно до момента, пока это не касалось писательства. Нет, бывали моменты, когда Свету посещало необычайное вдохновение, и она могла писать-писать и еще раз писать. К сожалению, не в этот раз.

Когда Наташа появилась в квартире из потока света, Светлана как обычно была занята чем угодно, кроме творчества. Точнее сказать, она бегала по квартире, ища четыре пропавшие с противня котлеты.

— Да что ж такое, точно помню, были, — озадаченно вздохнула Усанканова, проведя рукой по каштановым волосам, ероша свое каре. Глаза на секунду затуманились, а взгляд обратился на ноутбук, сиротливо стоящий на столе неподалеку ожидал, когда хозяйка обратит на него внимание. И она обратила. Пока ее не посетила новая идея.

— Я же хотела протереть пыль! — выдохнула она и Наташа со стоном закатила глаза, чертыхаясь от невозможности повлиять на сознание Светланы. Мысли в ее голове проносились так быстро, что попытайся она даже вдолбить ей в голову, что нужно заняться книгой, все равно бы отвлеклась. Пришлось шагнуть за Светой, которая решительно выудив из кладовой стремянку, отправилась вытирать пыль в ванную. Стоило установить стремянку у висящего шкафчика внутри,

чтобы можно было поднять по ступенькам и стереть грязь сверху, как ее снова посетила идея:

— И помыть надо бы раковину, — задумчиво произнесла Света, таясь тряпкой к пылинкам на шкафу. Наташа застонала, скрипя зубами, отправилась на кухню, где продолжал одиноко скучать ноутбук, и решительно посмотрела в документ. Не густо, всего полглавы, где герой завис на подъезде к одной из своих многочисленных женщин.

— Бабник, — фыркнула Наташа, и, услышав, скреб, наклонилась, заглянув под стол, прищурив глаза на сидящую там кошку.

— Так вот кто упер котлеты! — возмутилась она, на что животное недовольно мяукнуло, доедая третью котлетку. Четвертая сиротливо лежала рядом в ожидании своей незавидной участи. Наташа выпрямилась, бросила взгляд на оставшиеся котлеты, ожидающие прожарки, затем на большую глубокую чашку с остатками фарша и мрачно вздохнув, закатала рукава рубашки, цыкнув от недовольства.

— Кто-то должен сделать мне надбавку за вредность! — прорычала она, принимаясь лепить похожие по форме эллипсы в количестве четырех штук, быстро укладывая их на противень и с отворачиванием умыв руки в раковине, двинулась в ванную, дабы посмотреть, что там делает Света.

А Света уже решила, что пора бы помыть пол. Везде.

— Да, блин! — закатила глаза Наташа и скрипя руками, бросилась к трубам, ловко перекрывая воду.

— Хм... Воду, что ли отключили? — озадаченно выдохнула Светлана, откладывая тазик, швабру, тряпку и улыбнулась, — пойду, напишу еще немного!

Стоило ей преодолеть расстояние от ванной до кухни, благодаря стараниям Наташи ни на что не отвлекаясь, как ее взор упал на котлеты и тут же обе с ужасом выдохнули:

— Где четыре котлеты?!

Глаза писательницы опустились вниз на кошку, которая уже доедала вторую котлету из четырех новеньких утащенных.

— Ах ты, шкура блохастая! — зарычала Наташа, на что кошка вяло огрызнулась. Еще бы! Сожрать шесть котлет, да чтоб она лопнула, этот мешок шерсти.

— Маруся! — рыкнула Светлана, но кошка даже ухом не повела. Женщина вновь вздохнула и обвела взглядом кухню, — придется

лепить еще!

— Да епона мать! — взревела Наташа, проведя обеими ладонями по лицу. Она вздохнула, выдохнула, досчитала до четырех, как услышала:

— Ой, надо же позвонить Кларе о счет-фактурах!

— Стоять! — рывкнула Наташа, преграждая путь своей подопечной и Света моргнула, не понимая, что ее остановило, — сначала текст, потом звонки! Повтори!

— Сначала текст, потом звонки, — зомбировано ответила Усанкова, двинувшись к ноутбуку, — сначала текст, потом звонки, сначала.... а котлеты? — выдохнула она неуверенно, спросив самой у себя, но тут же села, когда Наташа резко усадила ее обратно на стул перед ноутбуком.

— Книга, звонки, котлеты! — гаркнула Тараканова над ее головой, и пальцы Светы легли на клавиши, печатая текст, повторяя:

— Книга, звонки, котлеты, полы....

— Книга, звонки, котлеты, полы! — командовала Наташа, наблюдая, как под ее надзором увеличивается количество символов в документе, а значит, этот бабник доберется до своей бабы. Или одной из большинства баб, сколько там его у него? Три? Четыре? Что за потаскун.

— Книжки, звонки, котлеты, полы, кошки... — бормотала Света, замерев. И это стоило Наташе перестать следить. — Ой, еще же муж! Надо мужу пожарить котлеты!

— Сначала книга, потом муж! — рыкнула Наташа, нависнув над Светой, но та нахмурившись, отозвалась будто бы своему подсознанию.

— Нет, сначала книга, потом звонки.

— А потом котлеты.

— А после кошки.

— А дальше полы...

— И вот он муж — пиши! — отрезала Тараканова, не давай Усанковой и шанса на раздумья. В тишине дома под тихую, едва слышную мелодичную классику раздавался стук клавиш по клавиатуре и тихое бормотание:

— Книга, звонки, котлеты, кошки, полы, муж...

Наконец сорок тысяч знаков были достигнуты, Света была отпущена заниматься дальше хозяйством, порхая по дому после

выкладывания продолжения, а Наташа сползла по стене, выдохнув тяжело.

— Хочу на ручки, — пробормотала, закрывая глаза, слыша, как пришло очередное оповещение на ангелфон. Ни дня покоя, ни одного дня. Девушка подняла экран к лицу, открывая глаза, и выпучила их тут же, стоило глазам пробежаться по сообщению в чате, которое появилось от Гордея.

«Семь дней, Таракан. Семь. Твоих. Счастливых. Дней»

— Интересно, а можно попроситься в Ад или уже поздно? — потянула она задумчиво, опуская руку.

Глава 9 — Властный властелин дивана

Дружба, как китайский Новый год. Приходит всегда в разное время, протекает красочно, но за покупками лучше ездить в другое время.

— И теперь... что? Что там делают девочки, когда дружат? Надо вместе смеяться над дурацкими фотками парней в Инстаграм, постить совместные сториз, ходить друг к другу с ночевкой и мазать на лица грязевые масочки? Я уже могу говорить, что Фаина дура, Лерка курица, а Катя безбожно меня копирует?

Майя закатила глаза, прислонившись к задней стенке лифта в безуспешной попытке справиться с истеричным смехом, который вырывался из ее груди. Пышный бюст трясся, а сама муза уже откровенно ржала, видя недоуменный взор Таракановой.

Наташа нахмурилась. Чего вот она ржет? Не смешно же не капли.

— Чего ты хохочешь, как тюлень на лежбище? — мрачно поинтересовалась девушка, покосившись на табло, отсчитывающее этажи до ресторана. Ранее утро, а они снова идут вместе на завтрак. Прямо уже традиция. Дружеская.

— Наташ, — безуспешно пытаюсь просмеяться, прокашлялась Майя, — ты что, никогда не дружила?

На секунду голубые глаза заволокло дымкой, лицо приняло сосредоточенный вид, а сама Тараканова погрузилась в воспоминания о своей короткой и бесславной жизни, высчитывая что-то на пальцах под заинтересованный взор своей так называемой новой подруги.

— Если честно... Класса до шестого, — потянула девушка, и вновь подняв глаза к потолку, добавила, — даже седьмого. Да!

— А потом? — любопытно спросила Топтыгина и Наташа хмыкнула.

— А потом у меня выросла грудь, у них прыщи, и со мной стали дружить уже мальчики!

— Фу, Тараканова, ну ты и коза, — хохотнула рыжая муза, качая головой и вновь заливаясь смехом. Невольно губы сами растянулись в улыбке, и Наташа оперлась о металлическую балку позади себя, поставив на нее локти, невольно наслаждаясь этими редкими

моментами, которые неожиданно начали приносить удовольствие. Майя была веселой, остроумной и с ней было интересно. Она не лезла в душу и могла часами болтать о всякой ерунде, отвлекая от иногда накатывающих невольных мыслей о собственной жизни.

— Почему мы берем одни салаты? Ты села на ПП, за что я-то должна страдать? — поинтересовалась Наташа, когда они вошли в ресторан, двинувшись к любимому столику у большого окна с видом на Яблоневый сад. Не тот самый конечно, про Еву, но тоже с яблоками и говорят, там жил говорящий варан Григорий, некогда выгнанный из райского сада за чрезмерно длинный язык. При случае, стоило бы сходить прогуляться.

Официант принял заказ на два салата, исключительно с зеленью, без масла и соли, а также овсяную кашу и графин с водой. Последнее особенно расстраивало, ибо Наташа хотела хотя бы чай. Ну, или уж вино на крайний случай.

— Потому что я худею, а ты, как подруга должна меня поддержать. Так делают все девочки, — невозмутимо ответила Майя, раскладывая на коленях белую салфетку. Наташа только вздохнула, проворчав:

— Можно я не буду с тобой дружить и съем свою яичницу с беконом?

— Нельзя, — отрезала муза решительно, — ты уже согласилась. Первое слово дороже второго.

— Тебе что, двенадцать?

— Не тебе же одной дурачиться, — хмыкнула новоиспеченная подруга и Тараканова застонала, обхватив голову руками. Официант бодрым шагом топал в их направлении, неся на подносе стог сена на тарелке различных цветов и красок, в окружении кружочков редиса, щедро сдобренных соком лимона. А также графин с водой и два стакана. Как будто воду и так в ресторане бесплатно не подают. Грудь затопила тоска, захотелось чего-то посущественнее, но дружба и женская солидарность. Хотя Наташка искренне не понимала, почему девочки вынуждены так сильно солидарничать с подругами.

— Это полезно нам обеим, — патетично заметила Майя, отправляя первую порцию листьев в рот. Она уже почти прожевала ее, как над головой раздался веселый голос, от которого вилка у Топтыгиной застыла прямо у самого рта.

— Хеллоу, кошечки, как там ваше ничего? Наташка, да ты сегодня

огонь! Как делишки?

По лицу Таракановой пробежала тень, когда наглые пальцы еще и легли на ее плечи, то в глазах еще и загорелась жажда крови в отношении парня, нагло нарушившего личное пространство.

— Владик, — ехидно потянула Топтыгина, убирая вилку, — и тебе не хворать. Здравствуй, дела у меня отлично, спасибо, что спросил.

Рядом со скрипом отодвинулся стул и на соседнее место приземлил свой зад один из тех купидонов, кого в народе зовут бабником — Владлен Северов. Высокий, темноволосый, кареглазый, с кубиками, где надо, не самый умный, но зато улыбка красивая. А главное на его глупые подкаты в стиле унылого пикапера велось большинство муз. Одна беда, в голове у Владлена было всего три извилины, две из которых абсолютно прямые.

И сейчас это недоразумение, развалившись на стуле, раскидав в сторону свои конечности, именуемые ногами, жаждущим взором смотрел на Наташу, совершенно не обратив внимания на язвительный ответ Майи.

— Наташа, — потянул брюнет, разглядывая ее с ног до головы. Будто бы она не в джинсах и белой короткой водолазке, а не иначе как эротическом костюме. Уж больно страстно смотрел.

— Владик, ты что, на собственную стрелу опять сел, а я не вовремя мимо проходила? — поинтересовалась невозмутимо Наташа, отворачиваясь к своей еде. Таких как Владлен она научилась отшивать еще при жизни. Кто вообще доверил этому идиоту лук и стрелы? Он же уже два раза на них сам натыкался, а однажды исхитрился сам в себя попасть.

— Да, Владик, что за неожиданный интерес? Ты же вроде возле Кати вчера оттирался, — озадачилась Майя. На это Влад скривился и, потянувшись к Наташкиному бокалу, попытался обхватить его пальцами, но тут же получил по рукам и ойкнув, убрал руку, продолжая сверкать зубами.

— Катька это прошлое, а Наташа мое будущее, — вздохнул он, складывая ручки на груди и влюбленными глазами, рассматривая Наташу, которая даже скривилась от такого заявления, на всякий случай, отодвинувшись вместе со стулом. Не тут-то было. Северов просек это дело и со скрипом передвинул стул к ней.

— Исчезни Северов, нет тебя в моем совместном будущем. Там

есть салат, мажоры и властные герои, — буркнула Тараканова, отпивая воды. Аппетит совершенно пропал, встретившись с Майей взглядом, она поняла, что не только у нее. Рыжеволосая муза недовольно прожигала взглядом Владлена, который ни разу намеков не понимал, продолжая улыбаться.

— Я могу быть твоим властелином, — мурлыкнул тут же Северов, на что Майя хрюкнув. Едва не подавилась водой. Наташка хотела было съязвить на этот счет, но поступивший сигнал о творческом застое у Ренаты не позволил ей это сделать. Заодно спас Владика от неминуемой гибели, потому подскочив, Наташ бросила взор на засобиравшуюся мигом Майю.

— Вы чего, девочки? Куда? — озадачился брюнет, крутя головой, когда Наташа кивнула подруге в сторону лифта и та без слов ее поняла. Вот, они уже друг друга на ментальном уровне понимают. Дружба это прекрасно.

— Покеда Владик. Работа! — заявила Топтыгина, хватая куртку и ангелфон.

— Много работы! — отозвалась Наташа, хотя там всего-то немного подопнуть обленившуюся Ринату и все, можно быть свободной, однако же, Владу об этом знать не обязательно.

— Но девочки! — попытался остановить их купидон, невольно дергая маленькими крылышками, что смотрелось даже забавнее, чем у Гордея. Особенно если учесть богатырские комплекции Владлена, — Наташа, а какой у тебя никнейм в чате? Я напишу! — крикнул он, настигая их своим голосом уже у самого лифта и Майя, в этот момент, обернувшись, весело отозвалась:

— Нельзя! Гордей тебе потом твой колчан в одно место засунет. Ты не знал, что они встречаются?

И не успела Наташка возразить, как Топтыгина запихнула ее в кабину, резво нажимая нужный этаж. Они даже не посмотрели, кто стоит в лифте, встав спиной к задней стенке. Наташа дождалась, пока дверцу закроются, а не успевший следом Владлен врезался прямо в закрытые створки с громким грохотом, а лифт тронется.

— Какой Гордей?! — зашипела Тараканова, тут же повернувшись к подруге, стоящей с довольным видом, — обалдела что ли?!

— Но Таракан, все знают, что между вами что-то происходит, — скучаяще потянула Майя, качнув головой, — все уже давно решили,

что вы этого....

— ... чего этого, госпожа Топтыгина? — раздался рядом с ними недовольный резкий голос и девушки резко обернувшись, прижались к дверцам, в ужасе уставившись на Ипполину Матвиенко, которая зорким взглядом коршуна рассматривала их. Ее рыбы глаза невнятного цвета метались от одной музы к другой, особенно подозрительно смотря на Наташку. И взгляд такой. Как у учительницы, которая поймала своих учеников за шкодством. Тонкие губы привычно поджалась.

— Ипполина Аркадьевна, — запнувшись, отозвалась Наташка, разглядывая строгий коричневый костюм. Наглухо застегнутый до самого горла. Интересно, а с чертями она больше в карты не играет? Складывалось впечатление, что с каждым месяцем женщина все больше тяготеет к косплею мымры из фильма «Служебный роман». Того и гляди скоро пучок свой обрежем под кандибобер. — А что вас разве в отделе распределения не ждут? Вы к нам как-то зачастили, — тонкие брови приподнялись над линзами очков и женщина фыркнула.

— К твоему сведению, Тараканова, меня перевели! Теперь я, — она гордо ткнула пальцем в бейджик и девушки наклонившись, прищурились, разглядывая написанное, — ответственная по делам межличностных отношений работников канцелярии!

Она гордо выпятила спрятанную грудь под пиджаком под изумленные взоры девушек.

— То есть... Вы теперь тут надолго? — поинтересовалась Майя осторожно, косясь на Наташку.

— Навечно, — отрезала женщина и хмуро покосилась почему-то на Наташу, — так что там про «этого», которое вы с господином Лавровым? Имейте в виду, Тараканова — у нас в канцелярии секса нет и разврата тоже! — с еще большим отвращением она покосилась на укороченную водолазку девушки, открывающую пупок. Последней даже прикрыться захотелось.

— Оно и видно, что у вас его давно не было и походу еще при жизни, — вздохнула Майя и тут же вздрогнула, когда Ипполина Аркадьевна рявкнула:

— Топтыгина! Ты что себе позволяешь?!

Наташа хмыкнула и пихнув подругу. Потянула:

— Это она намекает, что мужика вам надо, Ипполина Аркадьевна. Или хотя бы резинового, хотя, — она сделала вид что задумалась, не

обращая внимания на пыхтящую от ярости даму. Чье лицо стало красным, что на фоне ее унылого коричневого наряда было особенно забавно, — боюсь от вас даже резиновый сдуется, — мурлыкнула Наташа, тут же дергая Майю за руку, выскакивая в едва успевшие открыться створки лифта, несясь прямо к дверям и слыша вопль за спиной:

— Тараканова, да я тебя...

Они отсмеялись, остановившись уже у нужных дверей, и Майя невольно улыбнулась, покосившись на Наташу, набирая не глядя координаты, куда ей нужно попасть, хватаясь за ручку двери, откуда уже разливался яркий белый свет, а на табло мигало: «Москва».

— А знаешь, Наташ, а ведь регламента на секс у нас нет, если что. Так что насчет Гордея... — она подвигала бровями, тут же со вскриком бросившись в проход, когда Тараканова на нее замахнулась, исчезая в потоке света.

— В канцелярии секса нет! — гаркнула она в проход, захлопывая дверь и ворча под нос, — и мозгов походу тоже ни у кого нет. Это ж надо додуматься. Гордей. Тьфу, кому нужен ваш Гордей, — она уже почти шагнула в нужную дверь, когда неожиданно кто-то схватил ее за шиворот, выдергивая из прохода обратно на переходный этаж. Да с такой силой, что ошарашенная Наташа не сразу поняла, в чем дело, едва не запнувшись на пороге. Лишь уже спустя пару секунд пришла в себя, резко оборачиваясь, дабы высказать своему обидчику все, что думает, как слова застряли в голе, стоило ее глазам встретиться с разъяренным взглядом цвета грозового неба в пасмурный день.

— Так что там Гордей, мой маленький смертник? — потянул вкрадчивый голос, от которого затряслись поджилки, а в голове резко образовалась пустота. Лишь небольшой ветерок перебрасывал туда-сюда сухой моток верблюжьей колючки по пескам разума.

— Гордееей, — потянула его имя Наташа, выпучив глаза на стоящего перед ней блондина, с явно нехорошими намерениями, особенно глядя, как напряжены мышцы под его бледно-розовой рубашкой, которые она обтягивала. — Как дела, как там на шоу? А что уже прошло семь дней? Выглядишь прекрасно, этот розовый тебе к лицу, теперь я могу звать тебя Горгей и ходить с тобой по магазинам! — голос в конце пустил петуха, а Наташа попятилась было, жаждя быстрее сбежать, надеясь, что проход еще не закрылся, но хлопок двери за

спиной стал для нее практически смертным приговором. Слишком громкий в тишине зала, где никого сейчас не было. Вот даже Ипполины не было, где она, когда так нужна?

С минуту серые глаза изучала ее лицо, а затем губы расплылись в нехорошей улыбке, от которой Наташа сделала еще один шаг назад, упираясь прямо в дверь лопатками, ощущая каждый выступ. Над головой мигало красным светом табло, показывая, что проход по-прежнему открыт, но никто в него не вошел.

— Сейчас, Тараканова, мы с тобой сходим по магазинам, — потянул Гордей, шагнув вперед и ставя руки чуть выше ее головы, — а заодно и обсудим шоу. А потом чего там с Гордеем и мою новую кличку.

— Да ты сам виноват, нечего жирдюками обзывать! — попыталась возмутиться Наташа, прикидывая, куда бы бежать. С обеих сторон ее обложили, но можно поднырнуть под руку и...

Стоило ей попытаться выскользнуть, как рука резко ударилась о дверь прямо у лица, когда девушка попыталась наклониться и выскользнуть. Девушка вздрогнула и выпрямилась обратно, сглотнув. Убьют, ее точно убьют во второй раз, а она даже не получила бюст в качестве лучшей музыки. Хотя какой бюст, она же на последнем месте в рейтинге болтается. Точнее предпоследнем.

— Наташа, — мягко так, почти нежно позвал Гордей, и муза вновь подняла на него глаза. Голубые смотрели в серые, в которых сейчас бушевало пламя, настоящая гроза не иначе. Воздух накален, казалось даже дышать сложно. — Чувствуешь? Этот сладкий запах моей власти? — промурлыкал он бархатистым тоном и Наташа встрепенулась.

— На диване со своими пацанами будешь власть показывать, Горди, — огрызнулась она, приходя, наконец, в себя и орошая пустыню своей головы потоком мыслей. Чего она, в самом деле. Купидона испугалась?

Гордей как-то двусмысленно щелкнул языком и улыбнулся еще шире, отчего внутри заскребло нехорошее предчувствие. Очень нехорошее.

— Можно и на диване Наташ, а можно в кровати. У стены, на столе, на прочих плоскостях... — он выразительно опустил взгляд на ее грудь и Наташа возмущенно засопела.

— Гордей, чего надо? Я спешу, у меня там Рената не может со своим диванным властелином справиться в книге, а тут ты со своими идиотскими угрозами и тупыми шутками. И вообще, — она задрала нос, не обратив внимания, что Гордей подцепил прядь волос, наматывая на палец, — Ипполина Аркадьевна сказала, что в канцелярии нет места разврату.

Серые глаза притворно округлились, а купидон потянул Наташу за волосы, вынуждая подойти ближе. Невероятно близко.

— Какой разврат, Наташа. Разве что у твоей Ренаты. На диване. С властным диванным властелином по имени Сергей, — мурлыкнул он и девушка насторожилась, затем до нее начало доходить, а по мере того, как доходило, пискнул телефон, оповещающий о сгорании баллов. Она распахнула глаза, а в груди разгорелось пламя ярости.

— Я тебя убью. Медленно и со вкусом. — констатировала она, выдыхая это с трудом. Вот еще немного и отпустит тормоза, бросившись на наглого купидона в розовой рубашке, который продолжал нагло ухмыляться, второй рукой притягивая ее талию ближе и заставив прижаться к ней.

Поднимет руки, расцарапает лицо.

Оторвет голову.

Откусит ему конечности.

Отрежет причинные места и повесить на дверь номера в качестве колокольчика. Запытает его же стрелами.

— Он пришел к ней в квартиру, весь такой сильный, потный в своем рабочем комбинезоне сантехника прочищать ее трубы, а она стояла в махровом халате, белое плечико выглядывало из съехавшей ткани, — проговорил Гордей, отпуская ее волосы, скользнув второй рукой на спину, прижимая к себе так, чтобы не смогла врезать ногой. С руками он уж как-нибудь справится.

— Грязный, потный, вонючий мужик в драном комбезе и сразу на диван? — скривилась Наташа, почему-то тормозя процесс убийства. Надо бы поторопиться, а что уж больно долго он живет. — Тебе не стыдно вообще такое одинокой Ринате подсовывать? Совесть есть? У женщины одни мачо с кубиками пресса стальными в романах, а там явно пресс не видели с тех пор, как мужику стукнуло двадцать пять,

— фыркнула она, чувствуя, как рука поднялась выше, обхватывая затылок, зарываясь пальцами в волосах. Чего она делает вообще, стоит,

как дура болтает с ним о своих погибших баллах. В конце, концов, он же ее убивать собирался, это точно маячило в ближайших планах. А сама Наташа хотела выдать ему претензии за свое прозвище. И еще за много что. Вот, например Рената...

— Рената... а что у меня с Ренатой? — со вздохом спросила девушка, ощущая его дыхание на своих губах. Глупые романы, ощущение сейчас прямо как у героинь одной из книг этой писательницы. Странные, навязчивые мысли и запах Гордея, окутывающий пространство вокруг. Елка это? Может сосны? Чем от него пахнет?

— Наташ, — хрипло выдохнул Лавров, касаясь губ, — я скучал. Сильно.

— Сильно, сильно?

— Очень сильно, — прошептал он, почти целуя, поглаживая большим пальцем ее скулу и очерчивая линию челюсти, спускаясь ниже к шеи. Руки самопроизвольно поднялись, укладываясь на плечи. Не иначе, как шею ему свернуть. — Прямо, вот жаждал доминировать тебя как личность.

— Я ж не такая, — брякнула Наташа, чуть подаваясь вперед стоя на носочках и выдохнув в его губы. — Так что там с Ренатой, Горгей?

— Захлопнись уже, Жирдюк, — хмыкнул он. Секунда, может две прошло. Неизвестно, да и Наташе не особо хотелось считать, даже думать не хотелось, кто вообще думает в такие моменты. Вот героини всех любовных романов точно никогда. Им думать не положено, за них все пишут писатели. Но вот в своей жизни люди тоже часто не соображают, что творят, ведь никто за тебя твою жизнь не пишет.

— Блин, Наташа, вы же реально встречаетесь?! — возопил где-то сзади голос Владлена

— Горди, как ты мог, я же помню, как хорошо нам было, когда мы вместе пили на брудершафт! — кричал Мамонтов, а рядом ему вторил Кокошников:

— Неправда, Горди пил со мной!

— А вы точно ни друг с другом пили? — поинтересовался кто-то четвертый и тут всех прервал громогласный голос Ипполины Аркадьевны:

— Тараканова! Лавров! Это что за разврат посреди святой обители?!

Они резко обернулись и отозвались одновременно:

— Властные игры на диване, Ипполина Аркадьевна! Но мы не такие!

Глава 10 — Длинный язык до Ада доведет

Карина сосредоточенно печатала, периодически отрывая взор своих больших зеленых глаз от клавиатуры, дабы посмотреть и сверить то, что появлялось в документе. Свет от монитора освещал темную спальню, где стоял ее большой угловой стол из черной крашеной фанеры, а также большое уютное кресло, кровать и шкаф с одеждой, который сейчас был открыт, а зеркальной двери ярким пятном выделялось Каринино отражение. Стук клавиш разносился в тишине, периодически прерываемый на восторженные комментарии возбужденной девицы, чья грудь вздымалась под фланелевой пижамой с утятами, а скрещенные ноги то и дело сжимались. Будто сейчас на столе в лекционном зале жарили не героиню эротического романа о нерадивой студентке и сексуальном преподавателе с красивыми синими глазами, точно яркие сапфиры в стильных модных очках с черной оправой.

— Его палец скользнул в мою влажную глубину, задевая нервные окончания, сводя с ума от наполненности. Девственная киска сжалась вокруг, сопротивляясь вторжению, — бормотала Карина, продолжая печатать, — а рука сама потянулась к его блондинистой шевелюре, зарываясь в ней пальцами, губы неистово шептали: Гордей... стоп. Какой Гордей? Какой блондин, Дмитрий же брюнет? — стук клавиш прервался, а озадаченный голос произнес в темноту комнаты.

Наташа оторвалась от созерцания натяжного кремового потолка, очнувшись от своих мыслей и резко села на кровати, хлопая удивленно глазами.

— Какой Гордей? — насторожилась она, выпучив глаза.

— Вот именно какой Гордей. У меня же Дмитрий? — еще больше удивилась Карина, просматривая главу и поняв, что Гордеем она обозвала своего главного героя по имени Дмитрий минимум раз шесть.

— Какой блондин?! — взвилась Наташка, подсакивая и бросившись к Карине, опираясь на спинку кресла и заглядывая в книгу.

— Какой голубоглазый?! У него же карие глаза были! — взвыла Тараканова и Самойлова принялась щелкать мышкой, проверяя то, что напечатала.

— Во дела, откуда я это взяла? — спросила она саму себя и Наташа мрачно зыркнула на нее, — муза. Ты что творишь?

— Откуда я знаю, ты же пишешь, — огрызнулась Наташка, прекрасно зная, что подопечная ее все равно не слышит. Но кресло пнула, на всякий случай.

— Ай!

— Это тебе за шлюхастых блондинов, которые всяких Ладочек на столах растлят, козел блудливый, — буркнула Наташа и упала обратно на кровать, мрачно уставившись перед собой. Пока Самойлова хлопала глазами, улеглась обратно, и чуть сдвинувшись на край, вытянула ногу, пнула спинку кресла еще раз.

— Ай! Да что такое, регулятор, что ли сломался? — озадачилась писательница, а Наташа недовольно засопела.

— Пиши, давай! Любительница блондинов, — прошипела она и улеглась обратно, складывая руки на животе. Мысли плавали где-то очень далеко от творчества писательницы эротики, хотя судя по тому, что она строчила, не так уж и далеко.

Во что Наташа вляпалась?

Нет, точнее, почему она опять куда-то вляпалась? Неприятности оно дело привычное, во всяком случае, для Таракановой, но в этот раз они перешли всякую грань. То, что произошло в зале перехода — было странным, непонятным и определенно несло проблемы.

Наташа вздохнула и села опять на кровать, задумчиво пялясь на светящийся монитор, слыша, как бормочет Карина, исправляя текст. Сейчас ей было не до однотипного сюжета про преподавателя и ученицу, там все равно ничего нового. Каждый третий роман про это, где звезда университета и научной среды обязательно красив, умен и сексуален, как Ален Делон в свои лучшие годы. А вот произошедшее да, оно волновало. Потому что Наташа убежала.

Позорно. Глупо. Быстро скача как сайгак, слыша крики Ипполины Аркадьевны в спину, вопли четырех купидонов, среди которых были небезызвестные два голубокрылых орла Мамонтов и Кокошников, этот идиот Северов и дружок Гордея — Максим Ковальчук, что было еще хуже. Потому что к вечеру о случившемся наверняка будет знать весь корпус купидонов от уборщиков до начальника, а затем и вся канцелярия.

Она целовалась с Гордеем.

Хотя технически касание губ на пару секунд поцелуем назвать нельзя, но именно так оно и выглядело. Она даже не успела отчитать его за подстреленную Ренату, вообще ничего не успела. Был только он, его губы, запах и ничего вокруг. Какое черта произошло?

— Он точно в меня чем-то пальнул. Это любовная магия, пузан ванильный, я уверена, — буркнула Наташа сама себе, успокаивая свою ворчащую совесть, — не иначе, как в воду подмешал. Или в тот салат. Не зря он мне показался подозрительным. Или этот идиот Владлен тренировался и меня по касательной задело. Не может же мне Гордей нравится? — спросила саму себя и тут же уловила краем уха:

— Ах, мой сероглазый король, ах! Еще!

— Грр, какой сероглазый! — рывкнула Наташа, пиная кресло и Карина очнулась от собственных мыслей, пробормотав:

— Кареглазый брюнет Гордей...

— Дмитрий!

— Да, Дмитрий, блондин с серыми глазами, точно грозовое небо...

— Гордей! — и тут же Наташа одернула саму себя, — то есть Дмитрий!

— Так Дмитрий или Гордей? — озадачилась писательница, и Наташа со стоном уронила руки в ладони.

— Да чтоб этого крылатого стрелочника его же стрелами Влад затыкал до смерти, — буркнула Наташа и Карина мгновенно встрепелась, вскрикнув на всю квартиру:

— Точно, надо написать слэш-роман о студенте Гордее и преподавателе Дмитрие! Наташа озадаченно наклонила голову, невольно пробормотав самой себе:

— А Горгей-то имя все же нарицательное...

В канцелярию возвращалась, как агент КГБ или даже сам Джеймс Бонд. Вспоминая, как сбегала из дома под ночь на гулянки, а также из школы, Наташа, натянув на голову капюшон толстовки, быстро прошмыгнула из двери, прямо к лифтам, ведущим на жилые этажи. Совсем немного дождаться, пока придет лифт, желательно, чтобы никто не вздумал сюда спуститься, потом быстро метнуться к своему номеру по этажу. Там, конечно, есть риск нарваться на муз, но их всегда можно проигнорировать.

План был почти безупречен, если бы не одно «но».

Уже выходя из прохода, Наташа заметила, как по всему этажу

развешаны темные плакаты от потолка до пола, а на них портрет самого Владыки Ада, чья козлиная голова, увенчанная длинными ветвистыми рогами, украшала каждый плакат на фоне геенны огненной. Сам владыка был в при образе: темное мрачное одеяние, состоящее из черного костюма с рубашкой в тон и галстуком цвета крови, аккуратно подстриженная козлиная бородка, желтые глаза с вертикальными зрачками. Сидит на троне из черепов, нога на ногу, точнее копыто на копыто, уверенный, расслабленный, позади в геенне грешники горят, а ниже написано: «Люцифер Рассветный Ангелович. Голосуй за первого Владыку. Демократия. Толерантность. Грех. Мы за Ад, в котором всех наказывают одинаково». Особенно забавно было, что слово «демократия» было ярко выделено красным подчеркиванием. И это с учетом того, что никакой демократии Ад не видал с момента своего становления. Люцифер успел отстроить там девять кругов, наворовать себе на современный офис в самом пекле, но по-прежнему каждое новое тысячелетие избирался на новый срок со своей старой правительственной командой. И это притом, что мужик имел развод, алименты на шестьсот шестьдесят шесть детей от тринадцати жен включая Лилит и видимую толерантность всей своей империи. Все равно самых грешных наказывали меньше. Больше нагрешил — меньше страданий, таков закон.

Под всем этим безобразием бегал черт со стопкой плакатов подмышкой, судорожно исполняя приказы стоящего над ним одного из князей Ада по имени Велиал, которому в канцелярии дали кличку «Веня-не-гони». Потому что, как истинный демон лжи и обмана, отвечал за политическую компанию главного Владыки Ада, а заодно и всем безбожно врал. Особенно, конечно, своим многочисленным любовницам и пяти женам в трех кругах Ада, куда регулярно ездил в командировки. Говорят, он был когда-то самым сильным и доблестным ангелом, даже доблестнее, чем Михаил и сильнее, чем Люцифер. Однако, кто даст гарантию, что он и тут не приврал?

— Веня! — резко окликнула князя Тьмы Наташа, с любопытством разглядывая высокую фигуру почти под два метра. Демон обернулся, прищурив красивые красные глаза. Сегодня он похоже примерил снова на себя идеальную иллюзию. Правильные черты лица, твердый подбородок, темные густые брови, высокий лоб, ровный нос, вот только глаза красные, что выдавало в нем демоническую сущность и

необычайно мощная фигура, на которую был, натянут костюм ручного пошива местной фабрики.

Губы растянулись в улыбке, демонстрирующей ровный ряд белых зубов.

— Тараканова, моя будущая литературная звезда! Ну что, — поинтересовался он, проигнорировав черта, который попытался что-то спросить у него, — уже готова к сковородкам? Бикини взяла?

Наташа поморщилась от нескромного вопроса и этой грубой попытки флирта.

— Веня, будешь так шутить, всем расскажу, кто пишет эротические академки про демонов и попаданок, — пригрозила она пальцем демону, который резко изменился в лице, а черт с интересом подался вперед, поведив в воздухе пяточком, за что мигом словил мощным кулаком по рогам.

— Работай живо! — рявкнул Веня громогласно, отчего даже стены затряслись, а с потолка посыпалась штукатурка. Чертенюк вздрогнул, сжался, а его хвост с кисточкой на конце резко хлестнул по ногам, обтянутым новомодными брюками, из-под которых виднелись копыта там, где должны были быть ботинки у нормального человека. И все же попытался подать голос:

— Я пожалуюсь в Инспекцию труда чертей на непозволительное поведение! И Профсоюз Ада!

— Да я тебя!

Секунда и черта испарило с места, как будто и не было, а Велиал недовольно сложил руки на мощной груди, проворчав:

— Дурацкая демократия, ишь, выучили они слова. Профсоюз, инспекция, тьфу! Вот тысячу лет назад... — он тяжело вздохнул, а затем перевел взгляд на Наташку, оценив ее внешний вид, от капюшона до пугливого взгляда на лифт, — прячешься что ли, Тараканова? — ехидно спросил он, и Наташа опасливо покосилась на лифт, а затем вновь на демона.

— А ты что, уже знаешь?

Чертов Ковальчук, наверняка уже всем растрепал о произошедшем.

— О чем знаю? — сделал вид, что не понимает, Веня наклонился вперед. Невольно дергая ухом в ожидании сплетен. Безбожный врун ждал сенсации, а Наташа, нахмурившись, огрызнулась:

— Вот не знаешь и нечего знать! Ты все равно все всем перевернешь!

Веня надулся, обиженно насупившись, и пробормотал:

— Что за недоверие, Наташа? Ты же моя любимая муза. Под твоим началом я

написал три моих лучших романа о рабстве попаданок в Аду и их приключении с демонами. Опять же, серию академок я начал тоже благодаря тебе. Мой самый продаваемый цикл «Страсти в демонической Академии» разошлась

многомиллионным тиражом, а ты считаешь, я могу тебя подставить или наврать о тебе? — скептический взор Наташи заставил демона замолкнуть, а сама Тараканова фыркнула. Кто бы знал, что этот идиот ночами строчить пошлые сверхъестественные романчики не хуже ее подопечных, которые глядя на продажи некоей Серафимы Белиаловой, обливались ядовитой завистью, хая все академки, особенно демонические — был бы коллапс. Но даже знание таких вещей не позволяло Наташе довериться этому обманщику. Во-первых, бесполезно шантажировать демона. Он все равно найдет способ вывернуться. Во-вторых, с Веней лучше дружить, в будущих перспективах это куда полезнее.

— Если сейчас не знаешь, узнаешь от Ковальчука. Если помнишь, купидон такой, болтливый, — буркнула Наташа, и Веня озадаченно наклонил голову, пытаясь вспомнить, кто это. А затем видимо махнул на это рукой и ухмыльнулся.

— Ну, хочешь, я его на восьмой круг закину, в десятый ров к фальшивомонетчикам. Будем там поддельной картой виза до конца вечности в киоске за хлеб расплачиваться и постоянно попадать за это. С врунами и фальшивомонетчиками сидеть то еще удовольствие. Они там бешеные, кусаются к тому же, — передернул плечами демон, а сама Наташа задумчиво возвела очи к небу. А затем покачала головой.

— Не, пусть живет.

Махнув князю Тьмы на прощание, девушка двинулась к лифту, вызвав его, и задумчиво прислонилась к задней стенке, опираясь на балку, думая о том, что теперь будет. И как будет. Еще и оставался вопрос, как им теперь с Гордеем общаться. Хотя впрочем, почему она вообще об этом думает. Это же не ее проблема.

Стоило дверям распахнуться, как Наташа не глядя, шагнула вперед и тут же остановилась, уткнувшись прямо в стоящих напротив нее девиц, которые мрачно смотрели прямо на нее. Нехорошо так смотрели,

причем во главе с Валерией, которая уперев руки в бока. Потянула мрачно:

— Ну, что Тараканова, теперь поясни-ка мне, что там у вас с Гордеюшкой моим и почему это Макс всем трепет, что вы целовались зале перехода на глазах у мымры Ипполины?!

Наташа задумчиво оглядела решительно настроенных муз в количестве пяти штук и опустив глаза на пол, пробормотала:

— Надо было все же отправить Ковальчука на восьмой круг. А еще лучше — на девятый. В одних трусах, чтоб он там замерз и до конца вечности с Иудой о смысле жизни беседовал!

Глава 11 — Слово не воробей — догони, втащи, добей

Вот если на вас напала стая бешеных гиен — решение подскажет фильм «Боги, наверное, сошли с ума». Просто сделайте так, чтобы вы казались выше и гиены отступят. А вот, что сделать, если на вас напала стая психованных куриц — никто сказать не сможет.

Вот и Наташа, задумчиво оглядывая каждую стоящую перед ней музу, тоже не знала, что делать. Бежать за ружьем? Так они уже мертвые. А можно ли убить человека во второй раз? Взор остановился на Валерии Строгановой, которая сложив руки на своем бюсте, тщательно выставленного на обзор при помощи глубокого выреза, очень нехорошо смотрела на нее. Рядом с ней в обе дырочки сопела Фиона Лохматина и Лариска Цурикова, прозванная самой же Наташей «Цуцлик» за большую схожесть со зверьком сусликом. Она тоже недоуменно могла встать посреди дороги, выпучив и без того большие глаза навывкате с длинными прямыми ресницами, как у коровы. Собственно, она и размером была с приличного такого телка.

Недолго думая, Тараканова шагнула в коридор, встав прямо напротив трех муз, небрежно опустив глаза на них с высоты своих 175 сантиметров и отбросив капюшон с головы, потянула:

— А что, в местном филиале птицефабрики опять забыли закрыть загон?

Все три музы, одна из которых даже благословляла отечественных певичек, творческие порывы которой напоминали около подвальное творчество на задворках Бродвея — вскопошились и точно курицы дернули головами. Фиона вновь слилась цветом лица со своими волосами, Валерия от возмущения захлопала ресницами, а Лариска мотнула головой, на которой чудом крепился ее жиденский хвост именуемый волосами, и уперла руки в бока.

— Тараканова, да ты форменная хамка! — возмутилась Цуцлик, засопев сильнее прежнего. Там, где должна была быть грудь, вздымалось нечто, отдаленно напоминающее, но Наташа не была уверена, что это не жир.

— Дальше, пернатые, там было что-то про Гордея и прозвучало

слово «мой», — зевнула Тараканова, без интереса разглядывая искажившееся от бешенства лицо Леры, которая даже зашипела. Опять же, не удивительно, что и с певицами в России тоже плохо.

— Мы с Гордеем... — зарычала она, и Наташа ее перебила, шагнув мимо и нагло расталкивая плечом.

— Стояли вместе и дышали одним воздухом, а ты уже решила, как вы назовете шестерых ваших детей? — ухмыльнулась она. Лера захлопнула рот, топнув ножкой.

— Мы с ним целовались!

Вот тут-то Наташа и тормознула, резко остановив шаг, не поверив собственным ушам. Они с Гордеем целовались, а она только сейчас об этом узнает? Вообще, почему ее это волнует? Сама же решила, что нет дела до всяких блудливых купидонов.

— Лерочка и Гордеюшка уже были на свидании несколько раз. Все знают, что они встречаются, и только ты вечно лезешь в свое дело, — подала голос Фиона, отчего захотелось прикончить российский кинематограф. Все равно он почти мертв.

— Он ей сам говорил, как ты его достала своими шуточками, потому и просим, чтобы ты отстала от парня Леры по-хорошему, — фыркнула Лариса. Если Лазарев лишится своей музы, возможно и Евровидение обойдет страну. Все равно с большинством певцом в России тоже плохо, а с теми, кто неплохо, умудряются привезти в Москву дурацкие конкурсы. Наташа резко развернулась и девицы вздрогнули, сплотившись вместе, хватаясь за руки, будто она сейчас их бить будет.

— Наташка, прекрати выезжать за счет Гордеюшки, все равно рейтинг твой от этого выше не станет. Да и ты сама лучше тоже, — выдохнула Лера, задрав подбородок. С минуту Тараканова раздумывала, стоит ли отвечать на эти выпады, а может и вовсе подправить идеально ровный и тонкий нос Валерии, но в последний момент передумала. Не стоит терять баллы из-за драки с этими клушами. Никем это не поощряется, только проблем наживет. А она уже и так на одном волоске от вылета. Тем более в свое время еще при жизни отвоевалась, на этом свете как-то хочется уже спокойствия.

— Забирай, — махнула Наташа рукой и двинулась в сторону своего номера, краем глаза заметив, как раскрылись рты у всех трех муз. Не успела пройти и десяти шагов, как ее нагнала Лера, перегородив опять

путь. Она сама нарывается.

— Ты что, отказываешься от него?! — выдохнула блондинка, нервно дергая нарощенный локон и смотря на Наташу удивленно, — поклянись, что не будешь к нему больше цепляться!

Тараканова фыркнула. Она ее что, на слабо берет?

— Вот еще, тебе надо ты и клянись. Хоть в верности, хоть в неверности. Хоть в любви, а я пошла, спать, — буркнула, решительно отодвигая Валерию, но не тут-то было. Она вцепилась в нее как клещ, решительно глядя в глаза, отчего пришлось повернуться к ее ошарашенным подругам.

— Заберите свою подругу на жердочку, пока я не передумала сделать ей новую стрижку. — огрызнулась Тараканова и Фиона опасно покосившись сначала на Наташу, затем на Валерию, проговорила:

— Лер, пошли, че правда с этой ненормальной связываться. Я слышала, она с князьями Тьмы дружит. Ну, нафиг, — Лариска закивала, а Тараканова впервые порадовалась своим знакомствам и связям. Иногда Веня может быть полезным и даже очень. А в случае Ковальчука все же стоило бы согласиться на его предложение о перевоспитании этого болтуна.

Строганова отцепилась от руки Наташи, убирая свои конечности и отходя к подругам, пристально глядя на нее.

— Имей в виду, я запомнила твои слова, — пригрозила, на что девушка лишь устало ответила:

— Да сколько угодно.

Оставив этих психопаток с мнимым чувством победы, Тараканова прошагала до своих пенат, открывая двери электронным белым ключом и устало вздыхая, шагнула внутрь, тут же запнувшись обо что-то.

— Да епть, какого рожна?! — рыкнула, недовольно выругавшись и хлопнув дверью, с хлопком закрыла двери, резко включая свет и тут же зажмурившись от яркости. С минуту приходила в себя, а затем бросила взор на ботинки, о которые запнулась, войдя внутрь. Мужские коричневые ботинки.

Она проморгалась, на всякий случай озадаченно оглядев находку. Затем наклонившись, приподняла один за шнурок и, наклонив голову набок, озадаченно принялась рассматривать неизвестную находку от ребристой подошвы до светло-коричневых шнурков. Разве что не

понюхала. Но на это при всем желании бы не решилась.

— Что за хрень? — выдохнула озадаченно, отбрасывая подальше находку и решительно переступив через оставшийся ботинок, шагнула внутрь гостевой комнаты, пересекая широким шагом, и распахнула двойные двери в свою спальню, уставившись на валяющееся, на кровати тело. Взгляд скользнул от темно-серых джинсов скинни до оранжевого джемпера с округлым вырезом, демонстрирующим крепкую шею, а затем последовала и наглая ухмылочка будущего трупа, который она закопает в Яблонево́м саду. Или отдаст Грише на съедение, наверняка, варану тоскливо на одних яблоках сидеть.

— Солнышко, добро пожаловать домой, — радостно приветствовал ее Гордей, распахнув руки и улыбаясь еще шире. Взгляд пробежался по спальне. Рядом со шкафом стоял его чемодан, который уже был наполовину разобран. Не обратив внимания на приветствие и его распахнутые объятия, Наташа проследовала в ванную, инспектируя свою территорию. Так и есть. Две щетки, две пасты, мужские бритвенные принадлежности в ее шкафчике на последней полочке, которую она не успела забить косметикой. Аккуратно стоят рядом с тампонами и прокладками. Даже не постеснялся ни капли.

Вылетев из ванной, Наташа прорычала:

— Какого хрена?!

Гордей уселся по-турецки на ее белоснежном покрывале и похлопал рядом с собой продолжив скалиться.

— А ты, же не в курсе, — мурлыкнул он и Наташа заскрипела зубами, когда его серые глаза блеснули поистине дьявольским светом. Он точно родился в одном котле с Веней. А может даже и с Люцифером, не иначе, — я переезжаю к тебе. Так решила Ипполина Аркадьевна, когда я рассказал ей о нас.

— О... нас? — выдохнула ошарашенная девушка, раскрыв и закрыв рот, пытаясь осознать происходящее. Он решил поселиться у нее? Какого черта, у него должна быть отдельная комната! — Ты же должен жить в отдельном номере! После шоу! — взвилась Тараканова, чувствуя, как еще немного и у нее точно поедет крыша. Буквально. Как Ипполина Матвиенко могла поселить Гордея сюда? Дужки очков ей, что ли поступление крови в мозг ограничила?

Гордей тем временем задумчиво оглядел Наташину толстовку с капюшоном, которую она стащила у подопечной, опустив его к ногам в

синих джинсах, а затем выше к перекошенному от злости лицу.

— Если помнишь, нас застали в самый пикантный момент, а тут как раз встал вопрос о моем переезде, да и Макс еще всем растрепал, — потянул он как бы невзначай, и Наташа мысленно оторвалась крылья Ковальчуку, поджаривая их на адском гриле.

— И кто с этим виноват? — сдавленно прошипела, сжимая пальцы, чтобы не бросится на него. Спокойный взор бесил больше, чем даже факт наличия в ее комнате несносного купидона. Лаврова не проняло, он улыбнулся, чуть наклонив голову, запустив пальцы в роскошную светлую шевелюру, чуть ероша собственные волосы.

— Ты, — отозвался нагло, и Наташа задохнулась от ярости, которая вытеснила все остальные эмоции, включая удивление, а также шок. К тому же, после пережитого стресса, его наглости и встречи с музами, вообще держаться не было никаких сил. Потому она с ревом бросилась на него, кинувшись на кровать, сгребая под себя белоснежное покрывало, безжалостно сминая его и пытаясь дотянуться до подушек, чтобы врезать по наглому лицу, стирая любое выражение превосходства. Надо отдать должное Гордею. Он не растерялся и вмиг слетел с кровати, отскочив на пару шагов, увернувшись от первого снаряда.

— Я значит, виновата?! — взревела Наташа, хватая вторую подушку и вновь запуская ее в полет, но Гордея вновь увернулся, тихо хохоча, — ты! Ты и твои загребущие лапы! Твои идиотские шутки! — новый снаряд, в этот раз, попавший в бок. Наташа зарычала, схватив последнюю подушку, и бросилась в бой за хрюкающим от смеха купидоном.

— А ну стой, крылатая задница! Я тебе сейчас твои стрелы пересчитаю и в одно место засуну, пузан ванильный! — орала она, избивая его подушкой, пока тот неистово ржал, не способный сдвинуться с места. Только прикрывался от мягких ударов, не наносящих ему вреда. Разъяренная Наташа отбросила свое оружие и огляделась в поисках чего посущественнее, чем подушка. И тут уже Гордею стало не до смеха, когда ее взгляд остановился на торшере, одиноко стоящим в углу. Они одновременно переглянулись, и Гордей проговорил, выставив вперед руку в защитном жесте.

— Наташа, не смей, — выдохнул он и это прозвучало, как команда «фас» для ее внутреннего натренированного бульдога. Девушка

стремительно бросилась к своему новому оружию, игнорируя окрик, но в последний момент, почти дотянувшись, была перехвачена за талию и резко подброшенная вверх, на сильное плечо.

— Нет! Дай я его возьму! Я им набью твою рожу, избыю тебя до смерти и оставлю умирать в саду! — взревела Тараканова. Продолжая тянуть руки к торшеру. Пока Гордей нес ее обратно в спальню из гостевой, куда они успели выбежать в порыве своей игры.

— Какая ты у меня кровожадная, — хмыкнул купидон, бросая девушку на мягкую постель и Наташа, отбросила волосы назад, тряхнув головой, сдув упавшую на глаза прядь. Девушка шипя, посмотрела на купидона, прорычав:

— Скормлю варану, — Гордей улыбнулся вновь во все тридцать два и поставил колено на кровать, проминая матрас, как раз между ее разведенных ног. Не заметив совершенно происходящего, Тараканова продолжала сверлить его яростным взглядом, наблюдая, как он опускается, ставя руки по обе стороны от нее, упираясь ими в смятое в суматохе покрывало. Голубые глаза уставились в серые, внутри которых плясали смешинки. Ему нисколько не было страшно, даже когда она ему торшером угрожала. Что за гад.

— Варан веган, — отозвался купидон, скользя взглядом по ее лицу и вновь возвращаясь к глазам, — он ест только яблоки.

— Ничего, я напомню ему о прекрасной жизни мясоеда, — съязвила Наташа, попытавшись отодвинуться, почуяв, наконец, неладное, грозно взглянув на мужчину, — слезь с моей кровати.

— Это теперь и моя кровать, — как-то нехорошо так оскалился купидон, а девушка одарила его мрачным взглядом, чувствуя, как напряжение вокруг растет. Она с трудом выдохнула, чувствуя, как одна рука этого безобразника легла ей на шею, перебираясь на затылок и крепко обхватывая, чтобы не вздумала отвернуться, как лицо склонилось ниже. Мысли об убийстве куда-то улетучились. Как собственно о глупых музах, которые повстречались совсем недавно. Хотя стоило бы об этом помнить, но ничего. Совершенно пусто, лишь сладкое томление и какой-то розовый туман. Точно в нее попала стрела Владлена. Наверняка, не она сама на Гордея так реагирует.

— Ты мне даже не нравишься, — прошептала тихо, поднимая руку и касаясь мужского крепкого плеча, скользя по мягкой ткани джемпера, чуть сминая под своими пальцами, двигаясь дальше, ближе к жилке,

замечая бьющийся пульс и касаясь его. Каждый удар сердца теперь ощущался кончиками пальцев, а Гордей, казалось, затаил дыхание, словно пытаюсь привести ритм в норму.

— И ты мне. — хрипло ответил он, позволяя ей опуститься ниже на покрывало, разметаться длинным светлым волосам и, склоняясь совсем близко, почти касаясь губами мягких губ, — достала, прям до печенок.

— Чего тогда прицепился? — выдохнула уже в губы и серые глаза посмотрели в ее внимательно, а сам Гордей ответил то, отчего сердце казалось, замерло на секунду.

— Когда мы встретились впервые, ты сказала, что любишь меня, — прошептал он и глаза Наташи распахнулись. Очередной удар и ритм подскочил, точно в нее попала молния. Запуская все процессы и реакции на ускорение. Вспышка, из темноты освещающая воспоминания, о которых забываешь. В момент смерти они просто случаются, но ты никогда не задумаешься, что происходит в те последние секунды твоей жизни. Упускаешь важное, наблюдая, как твоя жизнь пролетает перед глазами, за какие моменты. Как яркие картины прошлого заполняют сознание, вытесняя все остальное.

Они уже виделись. Много раз, проходя мимо и никогда не останавливаясь, чтобы поговорить. Даже познакомится. Остановиться и взглянуть друг на друга.

Наташа моргнула, пытаюсь, справиться с потоком воспоминаний, вдруг населивших голову, глядя в знакомое лицо.

— Когда ты падала, то крикнула: «я люблю тебя, крылатый идиот», — проговорил Гордей и улыбнулся, — по-моему, ты приняла меня за ангела.

— Я же пьяная была, — отозвалась как бы невзначай, продолжая смотреть в глаза и обнимая его крепче за шею, притягивая еще ближе, чувствуя, как его тело накрывает ее приятной тяжестью. — Мало ли, что мне показалось.

— Возможно, из-за этого я снова промахнулся.

— И стрела угодила в твою задницу? — кокетливо отозвалась девушка, перебирая пальцами его волосы, чувствуя, как он трясется от смеха, уткнувшись носом куда-то в район ее шеи, пробормотал:

— Может, будь я рядом, ты бы никогда не залезла на эту крышу, — он поднял лицо, и Наташа внимательно посмотрела на него, улыбнувшись.

— На этом свете тоже весело, — она фыркнула и хлопнула внезапно Гордея по плечу, — кстати, о свете. Напомни пристрелить одного болтливого воробья, который любит трепать языком на каждом углу.

Лавров закатил глаза, вздохнув.

— Бедный Макс. Ты его скормишь варану?

— Конечно, а ты сомневаешься? Гриша уже устал, поди, на яблоках сидеть!

— Там говорят, еще мудрый питон Гена живет.

— Вот, бедные рептилии и пресмыкающиеся. Никакой им славной жизни на том свете... а что ты делаешь?

— А что я делаю?

— Ты снимаешь мою одежду!

— Тебе кажется, так что ты там говорила про рептилий? — руки потянули за край толстовки, стягивая через голову девушки вместе с короткой водолазкой, отбрасывая подальше, а пальцы коснулись голого живота, обжигая его своим теплом. Они последовали выше, осторожно касаясь мягкой нежной кожи до чашки кружевного лифчика. Дыхание участилось, а большой палец погладил затвердевший сосок, скрытый под белым кружевом.

— Горди? — голос сорвался, напоминая всхлип, и глаза цвета грозового неба вновь посмотрели на напряженное лицо, склонившись.

— Да? — хрипло шепнул и Наташа выдохнула:

— Так что же, не гей?

— Гадюка, — жаркий поцелуй не дал больше никому из них произнести ни слова, заставив забыть обо всем на свете.

Глава 12 — Выйди в окно — подыши воздухом

За всю свою жизнь Наталья Тараканова видела Гордея Лаврова трижды.

В-первый, когда смеялась с друзьями, когда он целовал свою девушку. Тогда, в 16 лет — это казалось глупостью, ненужной нежностью, розовыми соплями для глупых романтиков.

Второй, когда нашла лежащего в луже крови. Дрожащими пальцами, набирая номер скорой, умоляя не умирать у нее на руках. Сбежала тогда трусливо, побоявшись попасться, из-за угла наблюдая, как врачи скорой помощи оперативно накрывают тело темным мешком. Ей было всего 18 лет, только-только исполнилось и, впервые столкнувшись с чем-то страшным, девушка даже до конца не осознала, что это смерть, ведь никто не застрахован от случайности. А затем успешно об этом забыла на последующие два года.

В-третий, на крыше ровно за пару секунд своего падения, когда ее нога, обутая в лакированную туфлю от Валентино случайно оступилась, свалившись с парапета кровли, где стояла, размахивая бутылкой и крича что-то о миллионе подписчиков в Инстаграм, записывая историю. Кажется, она говорила о том, что этот день станет культовым. И, в общем-то, была права. День стал знаменательным — блондинистая идиотка свалилась с крыши модного клуба, рухнув прямо на асфальт.

Наташа вспомнила эти моменты неожиданно. Случайно они всплыли из глубин памяти, те мгновения своей жизни, что она забыла. Яркая вспышка воспоминания, когда увидела его глаза, испуганные и ошарашенные прямо за секунду до того, как рухнуть вниз. Возможно в тот момент, приняла его за ангела, которым парень и являлся. Любви или смерти — не так уж важно. Возможно, будь он рядом, она бы никогда не полезла на ту крышу. И может хотя бы раз, остановившись и оглянувшись до той роковой встречи под балконом второй раз, Наташа бы не дала Гордею там оказаться.

Но история не знает сослагательного наклонения, потому в нынешнее время это не так уж важно, особенно, когда тебя жарко целует тот самый парень в твоей постели, заставляя вгибаться под его

ласками. Губы скользнули вниз по шее, чуть прикусывая кожу, а руки тем временем пробрались к поясу джинсов, расстегивая ремень и ширинку, дабы пробраться ладонью дальше. А она в долгу не осталась, подхватил джемпер за край, потянув вверх, не давая, и шанса расправиться с ее штанами, пока сама не избавит от лишней одежды, разделявшей их горячие тела. Пара секунд ушла на избавления от лишней детали гардероба, и Гордей приподнялся, схватившись за пряжку ремня, расстегивая, пока Наташа, приподнявшись, не коснулась крепких мышц, чуть кусая за плечо.

— Змея, — выдохнул Лавров жарко ей на ушко, на пару секунд вновь оторвавшись от своего ремня, с которым так и не успел закончить. Он чувствовал, что сейчас кончит в буквальном смысле, если не окажется в ней. Сейчас, немедленно. И в тоже время хотелось касаться каждого сантиметра ее тела вдруг стало чем-то необходимым для самого купидона. Будто он и, правда напоролся на собственную стрелу, будучи в любовной горячке, от которой было только одно спасение и лекарство. Сама Наташа.

Девушка встала на колени, прогибая матрас, позволяя подцепить лямки уже надоевшего изрядно лифчика, потянув их вниз по плечам, а затем расстегнуть крючки за спиной, помогая стянуть надоевшее белье. Пальцы зарылись в светлых волосах на затылке, ероша их, а губы вновь нашли его, жадно проникая языком, касаясь, извиваясь в причудливом танце. Он вновь коснулся ее груди, поглаживая ореол соска большим пальцем, а второй рукой добравшись до ширинки, расстегивая ее с тихим звуком движущейся собачки.

— Наташа!!

Громкий стук прервал на секунду их поцелуй. Губы замерли, как и пальцы Гордея, почти стянувшие ее джинсы с бедер. Серые глаза чуть сузились, а девушка выдохнула:

— Нахрен, нас нет дома.

Новый поцелуй и вот они уже упали на покрывало, окончательно сбрасывая его с кровати. Его рот оказался на ее шее, сменяя поцелуи на укусы, оставляя красные следы, грозящие потом остаться на некоторое время на коже точно метки собственника. Штаны упали на пол, а голых ног коснулась грубая ткань его джинсов, которые по-прежнему были на Гордее. Бляшка ремня вдавилась в живот, создавая трение, которое сейчас наоборот возбуждало. Пальцы скользнули по внутренней

стороне бедер между разведенных ног, касаясь кромки кружевных трусиков, которые уже были влажными.

— НА-ТА-ША! — вновь задолбили в дверь, и Гордей со стоном уткнулся ей в шею, зарычав.

— Да вы, бля, издеваетесь, — прошипела девушка, чувствуя дикое желание прикончить незваного гостя.

Очередной стук и снова:

— Наташа Тараканова! ТА-РА-КА-НО-ВА! — по слогам вопил какой-то псих под дверью номера. Муза зарычала от ярости, приподнимаясь в кровати, когда Гордей слез с нее, перекатившись на бок.

— Я выкину этого незваного гостя в окно, — рявкнула она, двинувшись в ванную и спустя пару минут, выбираясь из нее в огромном махровом белом халате с намотанным на волосы полотенцем, отчего Гордей захохотал в кулак, разглядев ее конспиративный наряд. — Чего ржешь, стрелочник? Предлагаешь мне с засосами гостей встречать? — она развела руками, и купидон махнул рукой, откашливая.

— Упаси Господь, но ты все равно очень возбуждающая даже в таком глупом прикиде, — хмыкнул он и Наташа схватив одну из валяющихся на полу белых подушек, замахнулась на него, бросив на кровать.

— Лежи тихо, — приказала, указав на него пальцем, и двинулась к двери, незаметно отодвигая ботинки за тумбочку, надеясь, что незваному гостю не понадобится сюда заходить. Стоило открыть врата в родные пенаты, как глаза Натальи встретились с возмущенным взглядом Ипполины Аркадьевны, которая мигом оглядела ее наряд и презрительно скривила губы, стоило девушке нервно дернуть ворот халата, запахиваясь сильнее.

— Здрате, Ипполина Аркадьевна, — потянула девушка, бросив взгляд на дверь спальни, и приподняла бровь, — чем обязана? Вибратор одолжить? Так у меня его в помине нет, — отозвалась осторожно. Из спальни послышался крик, отчего Наташе пришлось закашлять в кулак, скрывая посторонний звук от ушей надзирательницы.

— Похабничаешь, Наталья? — строго зыркнула дама из-под очков, внимательным взглядом оценивая обстановку внутри небольшой щелки, которую девушка оставила между собой и дверью. Заметив разбросанные по гостевой комнате подушки, она вскинула тонкие брови

и поинтересовалась:

— Ты чем это занимаешься, Тараканова? — губы стали почти незаметны. Можно было только позавидовать тому, сколь крепко на них держалась ее помада, — развратничаешь?! Где Гордей?! Я знаю, он должен жить тут!

Из спальни опять раздался подозрительный крик, и Наташа вновь кашляла, обратившись в неистовое недовольство, запахиваясь еще сильнее в халат, возмущенно произнеся:

— Что за наезды, госпожа Матвиенко? Я чиста, как попка младенца, — новый крик, отчего девушка прикрыла на секунду глаза, выпустив сквозь зубы воздух, — а Гордей? Не знаю где, наверное, у своей девушки, — фыркнула она напоследок, чуть громче, отчего из комнаты послышался уже возмущенный крик. Такой, с надрывом.

Наташа улыбнулась, а Ипполина Аркадьевна еще сильнее поджала губы, хотя казалось, куда бы сильнее.

— Я вообще... гм... душ принимала, так вы мне позволите дальше очиститься от грешной пыли судного дня или так и будете дежурить под моей дверью, пока там Гордей у Строгановой на чаепитии торчит? — поинтересовалась Наташа и Ипполина Аркадьевна поменявшись в лице, сменила цвет с красного на зеленый, прошипев от ярости:

— Ах, бесстыдница! Совсем совесть потеряли! Да у нас канцелярии... — брызнула она слюной, и Наташа перебила ее:

— ...да-да, секса и разврата нет. До свидания Ипполина Аркадьевна! — девушка захлопнула дверь, выдохнув весь накопившийся воздух, и прикрыла на секунду глаза, сжав переносицу. Отсчитав положенные десять раз, она было повернулась к двери, как твердое мужское тело припечатало ее к двери с силой, стягивая полотенце с длинных светлых волос, а серые глаза насмешливо блеснули, никак не сочетаясь с грозным видом.

— Значит, девушка у меня есть? — потянул Гордей недовольно, тяня пояс халата и распахивая его. Поцелуй выбил Наташу из колеи. Со стоном прикрыв глаза, девушка откинула назад голову, легонько ударившись о дверь, и с шипением втянула воздух в себя, когда губы с шеи медленно переместились на грудь, обхватывая во влажный горячий плен сосок, чуть прикусывая и тут же выводя причудливые рисунки языком. Сама девушка не глядя, потянулась к ремню на его джинсах, наконец, расстегнув тот дрожащими руками со второй попытки.

Недолго думая, ловко запрыгнула на него, обхватив длинными ногами бедра и обвивая крепкую шею руками, позволяя халату свалиться на пол махровой кучей к полотенцу.

— Никаких отмаз, — мурлыкнул Гордей в поцелуе, чуть прикусив нижнюю губу и улыбнувшись, когда Наташа ответила ему тем же. Ладони сжали ягодицы, скрытые под кружевной тканью и только они рухнули на диван, как раздался новый стук и снова истеричное:

— На-та-ша-а!

В этот раз они оба выпустили воздух со свистом, переглянувшись.

— Предлагаю окно. Быстро, модно и никаких свидетелей, — проговорил Гордей, и Наташа даже брови вскинула от такой кровожадности.

— Да ты бэд бой, стрелочник, — хмыкнула она, приподнимаясь и шикнув на парня, чтобы пряталась, вновь запаковалась в халат. Забыв про полотенце, она распахнула дверь, уставившись на Ипполину, у которой даже очки покосились от усердного стука. Так и застыла с занесенным кулаком, которым долбилась в их номер.

— Наташа? Ты разве не в душе? — выдохнула она, словно удивившись сама себе, и девушка закатила глаза, опираясь на дверь, мрачно разглядывая женщину.

— Допустим, была, пока вы не пришли, — вяло огрызнулась. Ситуация начинала напоминать какой-то анекдот про жену и любовницу. Притом уже не понятно кто муж, а кто любовница. — Вы разве не должны сейчас долбиться в дверь двумя этажами выше? Туда, где музы шоу бизнеса живут? — мрачно спросила, услышав недовольный крик из-за дивана, мысленно отвесила Гордею пинка. Ипполина Аркадьевна встрепелась и с подозрением вытянула шею, пытаясь заглянуть в номер. Наташа встала, загораживая обзор, и вскинула брови.

— Что за шум? — поинтересовалась Ипполина, на что девушка только ответила:

— Вибратор. Работает. Расслабляюсь, знаете ли, а то по-другому никак, — слова чуть громче в пустоту и снова два возмущенных крика. — Он у меня в виде уточки. Резиновой. Чтоб в ванне веселее было, — буркнула Наташа, и надзирательница недовольно уперла руки в бока.

— Ты же сказала, что у тебя его нет!

— А вам что, все же надо? — фыркнула девушка, а из-за дивана опять послышался крик. В этот раз утвердительный. Ипполина Аркадьевна возмущенно засопела.

— Да ты... — Наташа, недолго думая, захлопнула двери, крикнув:

— Валерия живет выше. Если что, вибратор занесу утром, сейчас он мне нужен самой! — и, выдохнув, взглянула на выглянувшую светлую макушку и усмехнулась, одним движением плеча оголяя его, позволяя халату распахнуться. Серые глаза снова загорелись лихорадочным блеском. Она плавно двинулась к нему, чуть покачиваясь в сладострастном ритме, двигаясь прямо к дивану. Подбравшись ближе, девушка забралась на него, на четвереньках передвигаясь к Гордею, который с шаловливой улыбкой поманил ее пальцем, едва успев запустить руку в волосы, как со стороны окна послышалось ужасно фальшивое пение жутким тенором, периодически срывающееся на фальцет:

— Любимая и милая, прости меня дебильного! Судьбою недобитого и жизненькой побитого...

Они со стоном закрыли глаза, чувствуя, как желание убивать растет больше, чем любое другое. В этот раз усадив Наташу на диван, поднялся Гордей, даже не став застегивать ремень, он двинулся к окну и распахнув, уставился в темное небо между облаками и задрал голову, заметил чьи-то болтающиеся ноги, а затем и тело одного из купидонов, болтающегося в воздухе при помощи страховочного троса. Маленькие крылышки за спиной чуть подрагивали, а в руках он держал перевязанный ленточками букет из стрел.

— ... небритого и лысого, твоего льва ненасытного... — горланил парень и Гордей не выдержав, рывкнул так, что купидон едва не рухнул вниз:

— Костя!

Парень опустил вихрастую рыжеволосую голову вниз, скосив глаза на выглядывающего из окна Гордея, улыбнувшись ему радостно.

— Горди, дружбан, привет! А ты че тут? — озадаченно спросил он и купидон закатил глаза, мысленно согласившись с мнением Наташи, что в их команде каждый второй

— это конченный придурок.

— У меня свидание, — прошипел лавров сквозь зубы, и Константин похлопал удивленно глазами, продолжая висеть в воздухе.

— О, круто. У меня тоже! Я тут Ладке песни пою, она, — начал было, но Гордей его резко перебил, рывкнув:

— От твоего пения твоя Ладка уже переехала!

Парень снова удивился, почесал голову и нисколько не обидевшись, пробормотал:

— Куда это? Вчера же тут жила... — Лавров зарычал, сжимая кулаки и выглянув еще сильнее, гаркнул:

— В ЗаАдье! Провинция Ада на первом кругу от девятого за восемь предыдущих, там и ищи!

Гордей захлопнул створку, поворачивая шпингалет, игнорируя окрик Константина, и резко повернулся к хохочущей Наташе, которая стояла с бутылкой невесть откуда взятого виски и двумя стаканами.

— В ЗаАдье? Ты серьезно? — вновь прыснула она, и купидон закатил глаза, потянувшись к протянутому бокалу, позволяя Наташе разлить янтарную жидкость, усаживаясь на подоконник, недовольно сопя.

— Не могу больше, достали, — буркнул парень, выпивая залпом, чувствуя, как обожгло горло и тепло разлилось по телу. Наташа хмыкнула, поставив бутылку на столик и подойдя ближе. Она почувствовала, как его руки обвились вокруг талии. Халат был вновь на ней — перетянут поясом, найденным на полу, но уже не крепко, стоило только потянуть и он снова распахнетя.

— Это же ничего не значит? — выдохнула Наташа ему в губы, едва их касаясь. Она прикрыла глаза, разглядывая его из-под полуопущенных ресниц, чувствуя, как ловкие пальцы освобождают ее от излишней одежды. В этот раз они никуда не торопились. Стало в какой-то момент наплевать, кто может постучать, запеть за окном или ворваться в номер. Пусть даже сам Владыка Ада или Бог в сопровождении целого отряда подручных.

Пальцы коснулись мужского лица, чуть проведя по резким линиям, изучая каждую морщинку и изгиб, двигаясь дальше на шею, спускаясь ниже до плоских сосков, чувствуя, как сбилось его дыхание, обводя мышцы напряженного пресса и прямо к расстегнутой ширинке, где виднелся внушительный бугор. Жаркий поцелуй, и Наташа почувствовала, как они резко поменялись местами и вот она уже сидит на подоконнике, а между ее разведенных ног находится Гордей, чьи бедра крепко сжимает ногами, чувствуя, как он отодвигает ткань

трусиков в сторону, ныряя пальцами во влажную глубину. Никаких больше задержек и ожиданий. Ласки пройдены, этот этап они перескочили уже давно. Осталось только безудержное желание и ничего более.

Она даже не поняла, когда он успел избавиться от остатков своей одежды, лишь ощутила прикосновение, крепкие пальцы, сжавшие бедра и жесткий рывок, преодолевающий тонкую, почти незримую преграду. Тихий вскрик сорвался с губ, пойманный поцелуем. Нежное бормотание, что-то такое, что хотелось услышать именно в этот момент, а еще чувство наполненности и саднящей боли между ног.

Та правда, которая была скрыта от многих, в том числе ее собственного окружения.

— Шутишь, да? — выдохнул Гордей тихо на ушко, и Наташа со стоном прикрыла глаза, вонзив ногти в его крепкие плече. Постепенно привыкая к новым ощущениям для себя. Потемневший взгляд посмотрел в искаженное от страсти лицо мужчины, глядя, как он пытается сдерживаться.

— Нежданчик Горди, — прошептала Наташа, скользя ладонью по предплечью, по каждому месту, которое успела оцарапать и прижалась губами к его губам, — продолжай, чего застыл, как статуя Давида. Я не для этого нас отмазывала.

— Змея, — нежно мурлыкнул, делая первое пробное движение бедрами, заставляя девушку тихонько ахнуть.

— Стрелочник, — огрызнулась привычно, прикрывая глаза, со стоном отдаваясь каждому удару внутри. Она запрокинула голову, чувствуя губы на своей шее. Отзываясь слабыми стонами на странные, немного болезненные и в тоже время такие головокружительные ощущения.

— И кто тут гей? — зубы сомкнулись на мочке уха, легонько оттягивая, и Наташа улыбнулась, распахнув глаза, повернув голову чуть в бок, находя его губы.

— У тебя есть вся ночь, чтобы доказать мне обратное.

Обо всем происходящем она подумает завтра, когда наступит очередной рабочий день. Надо будет расталкивать неповоротливых, ленивых авторов, вкладывать в их головы мысли, заставляя выдавать по несколько строчек за один присест. Никаких поблажек, только творчество и еще раз творчество. А главное — никакой любви. Завтра

они с Гордеем вновь станут врагами, а сегодня будет принадлежать кому-то, кто когда-то жил на Земле. Был живым, мог дышать и веселиться с друзьями.

Кому-то, кем они так и не стали друг для друга.

Глава 13 — Крыша поехала медленно и на колесиках

В первый раз до звездочек они не долетели. Во-второй тоже не вышло, хотя Гордей старался, как мог. К сожалению — это только в романах все так чудесно, а в реальности куда сложнее. Но купидон не отчаивался и отправился в третий заход по орбите, дав оценить все прелести только открывшейся сексуальной жизни.

А утром почувствовать. Основательно так.

— Он драл Аленушку, точно красил забор. Туда-сюда, вверх-вниз, пока не кончил свои работы по благоустройству ее территории, — Наташа подавилась пряником, который успела схватить из небольшой хрустальной вазочки, стоящей рядом с монитором на столе и озадаченно наклонила голову набок.

— Чего он там красил? — выдохнула девушка, заглядывая за плечо напряженно печатающей Анны, которая набирала текст, судорожно хватая между абзацами пятую кружку кофе и заливаясь очередной порцией, щедро подливаемой самой Наташей. На экране уже полчаса кряду молодой нефтяник Гена показывал азы виртуозного первого секса девушке по имени Просто Мария. Именно так. Фамилия у серой мыши, коей девица именовалась в произведении, была фамилия — Просто. И хотя писательница списывала это на ее итальянские корни, сама Наташа подозревала небезызвестный сериал в 90-е годы.

— Стоп, а почему Алена? Там же была Мария? — озадаченно поинтересовалась Тараканова и пробежав глазами по тексту, снова чуть не выплюнула пряник, покосившись на свою подопечную, которая жадно поглощала шестую кружку кофе, — вот ты извращенка. Две бабы на одного нефтяника! И все мыши!

— Алена не мышь, она крыса. — словно сама себе ответила Анна, продолжая описывать, как к троице присоединилась скромница Мария, ублажающая своего мужчину. — Скромный вид девушки невероятно возбуждал, огромные очки в черепаховой оправе и брекеты заставляли член твердеть, — бормотала женщина, а Наташина челюсть медленно опадала вниз. Какой фетишист оказывается: брекеты и очки на пол лица его возбуждают!

Иногда постичь вершину писательской мысли Наташа не могла никак. Вроде уже почти полгода с ними работает, а по-прежнему порой удивлялась заковыристости их фантазий. Вот, например, сегодня утром навещающая Сашу Лобину, которая строчила свой новый горячий эротический роман о студентах, в буквальном смысле поразила тому, как скучно оказывается жила до сего момента. Как вообще дотянула до двадцати и не попробовала сыграть в сексуальный твистер при участии одной девушки-задиры и пяти парней.

И ведь девица выдержала всех парней. Разом.

— Сексуальная революция или весна? — буркнула Наташа, покачав головой и устало вздохнула, проведя рукой по волосам, падая в ближайшее кресло-качалку, чуть покачиваясь на ножках. Легкое недомогание после выпитых обезболивающих уже почти не беспокоило. Наташа даже не стала сегодня надевать привычные джинсы, натянув легкое цветное шифоновое платье с коротким рукавом и юбкой солнце выше колена. Она даже не знала, что у нее есть в гардеробе такая вещь. Еще с полчаса ушло на поиск пояса, дабы подобрать его к яркой голубо-синей гамме. За это время успел проснуться Гордей, тут же полезший к ней своими лапищами, не признающий никаких возмущений.

— Точно на стрелу напоролся, — пробормотала сама себе и вновь покосилась на Анну, добивающую восьмую кружку, а оргия втроем все никак не желала заканчиваться. Бедные девственницы, они после этого вообще никуда не встанут. Вот уж нынче литературные нефтяники вместо виагры походу на собственном сырье сидят, как на дополнительном топливе.

— Интересно, мужик на АИ-95 или 92 сидит? — хмыкнула весело, зевая и прикрывая глаза, дабы вздремнуть немного под мерный скрип качалки... и проснуться оттого, что ее ангелфон буквально разрывается от истерики, а комнате Анны темно и давно никого нет, потому что хозяйка ушла спать.

— Черт, — сонно потерев глаза, девушка выудила аппарат для связи и ответила, на звонок не глядя:

— Але?

— Тебя где носит, Таракан?! — прошипела в трубку Майя, и девушка осоловело, покосилась сначала на горящий экран, а затем на время на часах в квартире писательницы, мысленно прикидывая, что она там могла забыть, что новоиспеченная подруга шипит не хуже, чем

гадюка в террариуме.

— Я у подопечной, — беспечно отозвалась Наташа, прикрывая рот, чтобы Майя не услышала, как она зевает, — а что случилось-то? По какому поводу паника?

В трубку недовольно засопели. Показательно так.

— Забыла что ли? — произнесла Майя раздраженно, — сегодня рейтинг вывешивают, а ты опять где-то шляешься! Знаешь же, что такое пропускать нельзя, потому что после будет собрание муз и купидонов в главном зале канцелярии! Давай завязывай со своими творческими личностями, ноги в руки и бегом сюда. Жду, Слава Богу, еще не все собрались, уж извини, место на тебя не заняла, — добавила она язвительно и Наташа фыркнула, когда Топтыгина отключилась.

Можно подумать, она и одна не посидит на нудном сборище, где опять будут рассказывать о том, как важна их великая миссия и что они несут людям радость, просвещение и счастье. Какая гадость.

Но поспешить все же стоило. Во-первых, потому что собрание проводил глава канцелярии с главами всех отделов, в том числе и муз. А во-вторых, потому что, во-первых. Ибо в корпусе муз, к сожалению, глав было девять и все женщины: Каллиопа, Эвтерпа, Мельпомена, Талия, Эрато, Полигимния, Терпсихора, Клио и Урания. Очень-очень истеричные древние женщины, которые были недовольны всем, всегда и всюду. Конкретно за нее отвечала Эрато, муза любовной поэзии и подобной лиричной ерунды. Она постоянно находила повод, чтобы лишний раз напомнить Наташе, где она болтается в рейтинге. И судя по тому, как недавно радостно прыгала та новенькая, имя которой Тараканова вечно забывала, то это снова 51 место.

— Вот же гадство, — буркнула Наташа, выходя из прохода и оглядываясь на черные плакаты, призывающие к голосованию в Аду. Вот для чего их тут-то вешать? Развешивал бы по провинциям своей сатанинской обители. Все равно у Люцифера все, что дальше последних трех кругов уже «дальнее заАдье».

Быстро пересекая зал, девушка поспешила к лифту, нажимая кнопку и посматривая на телефон. Ровно полночь, значит, собрание наверняка должно вот-вот начаться. А зоркие музы ведь все по списку проверяют, тем более там еще и Ипполина будет. Та явно не упустит случая лишний раз заявить, что Наташу где-то носило. Потому и к огромным светлым дверям главного зала канцелярии на первом этаже

девушка неслась через вестибюль, ничего не замечая. Важнее было успеть, пока их не закрыли, но стоило этой мысли мелькнуть где-то между пересечением третьей и второй мраморной колоны, как пара работников в белых костюмах принялись закрывать их.

— Нет-нет! Стой, стрелять буду! — взвывала девушка и ускорила. Ошарашенные надзиратели даже на секунду замешкались, и этой пары секунд хватило Наташе, чтобы влететь ласточкой в узкий проход прямо в полукруглый зал, устроенный по принципу амфитеатра по кривой линии ярусами — один выше другого. Вдоль каждого располагались длинные столы с креслами, на которых сейчас замерли музы, купидоны и другие работники канцелярии с интересом смотрящими на замершую Наташу. Девушка, тяжело вздохнув, перевела взор на сцену с президиумом, над которым на торцевой стене располагался экран, где уже высвечивались графики и различные показатели работы той или иной группы. Сам глава в привычном белом костюме с ярко-красным галстуком, выделяющимся на фоне всего белоснежного великолепия, озадаченно наклонил лысую макушку и повернулся к девушке, проговорив:

— Госпожа Тараканова?

— Тараканова! — зашипела Эрато, едва не подпрыгнув на месте в первом ряду, сверкая на нее очами. Ее завитые в кудри светлые волосы дернулись и чуть не зашевелились, как у Медузы Горгоны, так внушительно она выглядела. Особенно в своем сарафане в греческом стиле, который судя по размеру, с трудом на нее сегодня натянулся. — Живо сядь!

— Здравствуйте, извините, я пройду, — кланяясь и давя улыбку, девушка принялась продвигаться к рядам, сканируя сидящих. Уж точно не на первый ряд, где расположился весь цвет начальственного состава и даже Ипполина Аркадьевна, опять поджавшая губы. Один глава купидов казалось, забавлялся тем, какой цирк она устроила. Дальше два ряда заняли купидоны, которые между собой о чем-то переговаривались. Тут же нашелся и Гордей, над которым сидел его дружок Макс, что-то с улыбкой шепчущий ему, а рядом с одного бока Владлен. Удивительно то, что место с другой стороны было свободно, а сам Лавров не отрывал от нее серого взгляда, будто на что-то намекая.

Не будет она с ним сидеть. Ни за что.

По другую сторону кучкой расположились музы, и когда Наташка

нашла глазами рыжую макушку своей подруги, Майя лишь развела руками, указывая на девчонок, которые сидели по обе стороны от нее. Садиться рядом с Валерией и ее подружками девушка точно не желала, тем более они еще и расселись так, что никак не сдвинешь, потому оставалась новенькая с бигудями в прическе, плюшевом костюме кенгурими единорога, хихикающая над пошленькой книжечкой, вблизи, которая оказалась мангой-яой. Все абстракционисты странные. Или кем она там заповедует, эта яойщица переросток.

— Итак, как я уже говорил, хочу поздравить наших выдающихся работников, выделяющихся во главе рейтинга: Гордея Лаврова и Валерию Строганову за лучшие показатели... — Наташа почти не слушала, пробираясь к лестнице между рядами, ступая на ступеньку, слыша заунывный голос начальника:

— Также хочу поблагодарить остальных, даже... Тараканову, она у нас единственная имеет самый низкий балл среди всех. Молодец Наташа, ты очень стараешься, потому сядь, — девушка закатила глаза, обернувшись на главного, имя которого тоже не помнила. Видишь его раз в месяц, зачем вообще запоминать?

По залу прокатились смешки, а сама Тараканова уже настроилась забраться на самый верх, но в этот момент крепкая рука перехватила ее за запястье, вынуждая усесться на второй ряд, аккуратно над Эрато и ее овечьими кудряшками, в которых блестели какие-то розовые блески. Наташа зашипела, попытавшись вырваться, но не тут-то было. Муза резко обернулась и окинула ее грозным взглядом, рыкнув:

— Сиди! — и, переведя взор на ее похитителя, улыбнулась уже милее, — Гордеюшка. Будь хорошим мальчиком, проследи за ней.

— Ага, — расплылся в солнечной улыбке купидон, продолжая сжимать Наташину руку, вынуждая, наконец, сесть прямо в кресло, с ненавистью зыркнув на него. — Слышала? Сиди, солнышко, начальник приказал, — его горячее дыхание чуть обожгло ухо, а сама девушка незаметно пнула его по ноге, вызвав тихое «ай».

— Солнышко твое тремя рядами выше меня взглядом прожигает! — прошипела Наташа, оглянувшись туда, откуда чувствовала обжигающий взор в спину. На бледном лице Валерии (видимо Ипполина Аркадьевна тоже не давала ей спать) четко прослеживалось желание убивать. Тараканова вздохнула и позволила себе усесться, как над ними завис Макс, радостно скалящийся в

предвкушении очередной сенсационной новости, которую потом можно будет разнести по всем углам канцелярии.

— Наташенька, рад тебя... — начал, было, он, как кулак девушки оказался прямо у его носа, заставив болтливого шатена замолкнуть, нервно сглотнув, — понял-понял, ты не в духе. — Пробормотал он, садясь обратно. Может купидон бы предпринял еще одну попытку подкатить с надеждой, что-то вызнать, но в этот момент глава призвал на сцену всех главных муз и с трепетом, откашлявшись, радостно сообщил, меня картинку одним нажатием кнопки на ангелбуке. Теперь взорам ошарашенных работников предстали уже не рейтинги, цифры и графики, а нечто более интересное.

Надпись на экране гласила: «Мисс Небосводная канцелярия Третьего тысячелетия».

И надо сказать, зал дружно ахнул. Особенно женская половина.

— Дорогие девушки, в связи с тем, что данный конкурс был безбожно забыт почти пару десятков лет назад, мы с господами музами и другими главами отделов решили возобновить эту прекрасную традицию, — воодушевленно вещал со стойки глава, нервно дергая галстук, то и дело, косясь в сторону стоящих муз. Наташа равнодушно подняла глаза наверх, рассматривая отделку потолка, без какого-либо интереса изредка прислушиваясь к тому, что говорил мужчина. Что-то там о важности данного конкурса и возможности попасть в вековую историю, даже о влиянии на карьеру подобного мероприятия. Конкурс исключительно добровольный, с кучей этапов, где надо было щеголять своими достоинствами, дабы понравится комиссии, в которую войдут несколько глав отделов и даже кое-кто из корпуса купидонов. Да кому это нужно?

На сцене осталась Терпсихора, отвечающая за танцы, а с ней Полигимния, муза пантомимы и гимнов, которые наперебой рассказывали о будущем конкурсе, пока другие главы рассаживались с тихими скрипами по местам. Наташа тоскливо вздохнула, упираясь локтем в стол и поставив подбородок на руку, приготовившись подремать, когда почувствовала нечто странное.

Прикосновения к своему голому колену заставило девушку замереть и медленно выпрямиться в кресле, чувствуя, как чужеродные пальцы продвигаются выше. Взгляд искоса на невозмутимого Гордея, который продолжал с самым ответственным видом вслушиваться в речь

муз, нисколько не гнушаясь безобразничать под столом. Наташа аккуратно заглянула под стол, ощущая, как мурашки пробежали по телу, когда его пальцы погладили нежную кожу бедра, скользнувшие выше под тонкий шифон, чуть задирая край юбки, и резко схватила его за руку, зашипев тихо:

— Ты что творишь?!

Хитрый взгляд серых глаз и вновь невозмутимое выражение, вкупе с чопорным тоном чуть громче положенного:

— Сиди, Наташа. Тебе же сказали, — потянул он, и Эрато резко обернулась, вновь зыря на девушку, отчего та дернулась, когда этот похабник проскользнул под юбку, освободившись от ее ослабевших пальцев, поглаживая внутреннюю часть бедер. У самых трусиков.

— Вот именно, Наталья, сиди и не рыпайся! Ты и так нас тут позоришь, — прорычала муза, и Наташа выдохнула, попытавшись сжать ноги, но не тут-то было. Пальцы легли на промежность, ощущая увлажненную ткань. А ведь сзади продолжал расслаиваться Макс, вперивший взор в экран, где раз туда-сюда по подиуму шагали музы в полупрозрачных греческих одеяниях. Видео лет двадцать, а он слюни пускает по столу, лучше бы в такие моменты смотрел во все глаза.

— Да что вы говорите, — втянула воздух девушка, всхлипнув. Когда средний палец принялся поглаживать ее через ткань. — Ненавижу тебя, — прошептала Наташа, пытаясь сесть ровнее, но это было не так просто. К тому же умелые пальцы не оставляли никакого шанса, продолжая свое черное дело, в то время, как их хозяин уже что-то отвечал сидящему рядом Владлену.

— О, Натах, а ты че будешь участвовать? Хочу посмотреть твои сиськи в купальнике!

— гоготнул этот идиот, Тараканова открыла, было, рот, чтобы огрызнуться, пальцы ловко пробрались в трусики. Один из них нащупал клитор, чуть надавливая, а серые глаза прищурились.

— Там нет конкурса купальников, Влад, — отозвался за Наташу Гордей, расслабленно садясь в кресле, тем самым почти не давая никакого обзора купидону.

— А жаль, купальники это зачет, — тоскливо потянул Макс, а Наташа сглотнула, пытаясь разогнать туман в голове и не застонать на весь зал, привлекая всеобщее внимание. Особенно, когда пальцы оказались в ней, Наташа нервно оглянулась, заметив то и дело

возвращающийся к ней недовольный взор Валерии. И почему она опоздала? Сейчас бы так не мучилась!

Хотя вряд ли удовольствие, накатывающееся волнами, несмотря на легкую саднящую боль, можно назвать мучениями.

— Убью, — только смогла выдавить, когда его палец нажал невидимую точку внутри, заставляя содрогнуться от накатившего желания. Голубые глаза потемнели, одарив его страстным, в тоже время яростным взором.

— О да ты смелая, Таракан, — мурлыкнул Гордей, улыбаясь нагло и абсолютно бессовестно, продолжая издеваться над ее телом. Он явно вознамерился заставить Наташу кончить посреди огромного зала, при сотнях людей, нисколько не стесняясь. Отчаянный мудака.

Владлен вновь принялся рассуждать о купальниках, рядом ему вторил Макс, постепенно поднимая гул по всему залу, прерывая стоящих на сцене муз, пытающихся призвать всех к порядку, но это было бесполезно. Волна прокатилась по залу, то тут, то там слышались радостные выкрики, а главы что-то уточняли, пытаясь перекрыть бушующий народ, в то время, как Наташа закусил губу едва ли не крови, чувствуя, как находится всего на волоске от бушующего удовольствия. Еще немного и она туда буквально нырнет с головой погружаясь в настоящий кайф, который успела уже распробовать. До вспышки в глазах, до сумасшедшего, сводящего с ума жара.

Губы коснулись ее уха, совсем незаметно для других сидящих и прошептали:

— Кончай.

И кончила. Сильно, ярко, да так, что побелели костяшки пальцев, которыми она впилась в край стола. На секунду яркая вспышка ослепила, а затем туман начал рассеиваться, и Наташа поняла одно.

В зале неожиданно стало тихо и на нее почему-то обращены десятки, нет, даже сотни глаз. Эрато хлопала глазами, видимо чем-то пораженная, как сидящая неподалеку Ипполина Аркадьевна, а сама Наташа озадаченно выпрямилась с трудом, сглотнув и бросив взгляд на Гордея, который продолжал улыбаться.

Хитро, нагло и с каким-то торжеством в серых глазах.

— Эээ... — только и смогла выдать, вновь оглядываясь. Валерия, кажется, прожигала еще сильнее, а Макс и Владлен смотрели так, будто перед ними не иначе, третье пришествие Христа.

— Ну вот! — радостно хлопнула в ладоши стоящая на сцене Терпсихора, посмотрев на свою коллегу и вновь на Наташу, — мы и разрешили спор! Тараканова, спасибо за высказанное вами мнение! Ваше звучное «да» решило судьбу первого в истории конкурса этапа «Музы в купальниках». И раз уж вы с такой экспрессией готовы на такие подвиги, то будете одной из первых кандидаток на наш конкурс «Мисс Небосводная Третьего тысячелетия». Первого конкурса проходящего в этом тысячелетии спустя почти двадцать лет! — воодушевленно заявила муза, махнув рукой и широко улыбаясь, пока до Таракановой доходило осознание всего кошмара нынешней ситуации.

— Натаха, ты тока давай в бикини!

— Да-да, я одно такое видал, там почти все видно...

— Фу, пошляки, вам бы только на сиськи смотреть!

Наташа со стоном закрыла ладонями лицо, чувствуя, как желание переехать куда-нибудь в столицу Ада становится невероятно сильным.

— На небесах у кого-то точно крыша поехала, — буркнул рядом Гордей и девушка впервые была с ним полностью солидарна.

Глава 14 — Отдай деньги, мне держаться не за что

— Я умру и стану преследовать тебя до самой смерти. Так и знай. Каждый день во снах будет являться мой бесплотный образ, и завывать: а ты помни-и-ишь про бикини-и-и...

— Я тебе сейчас томиком Толстого по лицу втащу и поправлю нос, никакой умерший пластический хирург не поможет. И ты уже мертв, кстати говоря.

— Так что насчет бикини, зайка моя, я ж твой тазик, — Наташа закатила глаза, задумчиво грызя кончик вилки и мрачно уставившись на привычный кусок шарлотки, уже к слову пятый кусок, который совершенно не лез в горло. А все почему? Потому что Гордей и этот дурацкий конкурс совершенно не выходили из головы. Вот, скажите на милость, в каком месте горело у старших муз, что они подкинули эту идею руководству? Похоже, самыми счастливыми были от происходящего только кудахбанда Валерии, парочка надзирательниц, Ипполина Аркадьевна (она к слову тоже на него записалась, кто бы мог подумать!) и, собственно, весь купидоний корпус. Ну, конечно не только он. Говорят, даже сам архангел Михаил собирался, был куратором, ради такого дела спустившись из самого Рая. Мужики они везде одинаковы. Хорошо в Аду выборы, им не до таких мелочей.

— Наташа-а, — снова потянул сосед и кроссовок сорок четвертого размера несильно пихнул ее ногу под столом, а выражения лица стало совсем уж насмешливым, — ты что, все еще дуешься на меня?

— Умри, — вяло огрызнулась девушка, продолжая грызть вилку. Не будет она с ним разговаривать. После всего, что Гордей устроил в зале собраний канцелярии, она даже смотреть в его сторону не станет. И из комнаты выселить. Сегодня же!

— Я уже мертвый, ты сама так сказала, — лукаво улыбнулся купидон, наклоняясь над столом и пододвигая к ней кусок любимой шарлотки. Ради нее он даже дважды гонялся за официантом по ресторану, поскольку сегодня утром был необычайный наплыв. Кругом за столами гудели разговоры о предстоящем конкурсе и рейтингах, которые вчера обсуждали на собрании. Купидоны ждали конкурса

купальников, каждый из них мечтал попасть в компанию лично. Вдруг удастся на правах жюри заскочить в раздевалку к девочкам. Музы наоборот перешептывались о своем предстоящем участии, кто-то жаждал записаться, но боялся, кто-то уже успел вписать свое имя в списки еще после того, как обсуждение закончилось. Не хватало только Майи, которая с утра унеслась к одному из своих подопечных, из-за чего пришел тащиться на завтрак с Гордеем, а заодно отсутствовала вышеупомянутая компания муз. Где носило Валерию и ее подружек, Наташа не знала, да и откровенно знать не хотела. Еще некоторые музы, которые принадлежали к радикальному сообществу Муз, собрались в одном из номеров, чтобы договорится о пикете на запрет проведения данного конкурса. Якобы он порочит женщин. Но красноречивые взоры и презрительные ухмылки компании «Лерочка и ко» говорили сами за себя. Походу Тараканову никто не считал серьезным соперником.

Будто сама Наташа собиралась учувствовать в этом бедламе, ага.

— Вот и умрешь еще раз ради моего спокойствия и расшатанных нервов, — мрачно ответила, отворачиваясь от улыбающегося блондина. Ему смешно, а ей ни капли. Только головной боли добавил. — И свали уже из моего номера. Выселяйся, скажешь Ипполине, что мы расстались по «одноудному» согласию!

— Ты хотела сказать: обоудному, — рассмеялся Гордей, и Наташа закатила глаза, втыкая безжалостно вилку в мякоть пирога, принимаясь в нем ковыряться и раскладывая на атомы. Будто бы это мозги Лаврова.

— Нет, одноудному, — буркнула Наташа и сверкнула на него злым взглядом, — я так решила. Считай, приняла решение за двоих.

— В паре все решается сообща, — фыркнул Гордей, и девушка оскалилась, ткнув в него вилкой.

— Я женщина, значит я права. А тебя вообще никто не спрашивал, мы даже не пара. Так что не загружай мула моего ангельского терпения кирпичами своего эгоцентризма. Итак, бесишь, — пробурчала Наталья, вновь втыкая вилку в шарлотку и отправляя в рот еще один кусок, задумчиво пережевывая. Взгляд упал на пришедшее уведомление о падении рейтинга книги Виктории Жабиной. Брови сами собой поднялись вверх, когда девушка одним кликом по экрану открыла страничку автора и заглянула в блог.

— Вот же... Жаба! — прорычала Тараканова, пробегая глазами по строчкам и мысленно стуча по выросшим золотистым рогам короны

этой девицы.

Вот что за человек?

«Внимание! Открыта подписка на мой роман-триллер с элемента экшн-эротики «Не гадь мне в душу, мой господин». Первые две недели цены устанавливается минимальная, всего 344 рубля...»

Наташа в очередной раз закатила глаза. Она смеется что ли? Кто устанавливает такую цену на незавершенное произведение. И ладно была бы хотя бы половина написана. Так ведь там только пролог написан. Естественно возмущенные читатели, принялись закидывать автора негативными комментариями, из-за чего рейтинг резко сократился вдвое. Вот что значит словить звезду. Прямо целую комету на подлете.

Глаза прошлись ниже, где было написано, что автор тоже человек и перерывы в месяц между продолжениями — это нормальный естественный процесс, а кто недоволен, тот редиска.

— Чертовы коммерческие авторы, — процедила девушка, закрывая блог и поднимаясь. Гордей озадаченно наклонил голову, глядя, как Наташа поспешно собирается, суя ангафон в задний карман джинсов. Теперь она походу решила носить исключительно их.

— Проблемы? — как-то даже участливо спросил он, и девушка замерла, держа в руке стакан сока, который собиралась допить, с подозрением покосившись на купидона.

— А что уже руки чешутся кого-нибудь пристрелить? — поинтересовалась Наташа и Гордей улыбнулся.

— Нет, я...

— Ты что, вздумал мне Викусика грохнуть, стрелочник крылатый?! Имей в виду, она замужем и с детьми! — зарычала Тараканова. Сама не понимая, чего завелась. Удивленный купидон примолк и снова наклонил голову на бок.

— Наташ, что за...

— Вот и не вздумай даже целиться своими наконечниками в творческий шар моих подопечных, Горгейчик, а то я тебе быстро твой лук сломаю так, что больше ничего на него не натянешь! — рявкнула Наташа так громко, что в ресторане мгновенно образовалась тишина. Любопытные лица со всех сторон обернулись на их столик, заставив девушку пожалеть о своем вспыльчивом нраве. И расстроится, что не проделала пару дырок в туше этого самодовольного идиота, который

взял и расхохотался, откинув назад голову.

— Таракан, ты неподражаема, — хмыкнул Гордей, наконец, успокоившись, озорно сверкая серыми глазами, — я могу напомнить, как хорошо натягивал свой лук... — кокетливо потянул купидон, но не успел закончить, как Тараканова схватила с его тарелки кусочек недоеденной шарлотки, запихав в рот парня с садистским наслаждением, заставляя откашляться. Зорко оглядев ресторан, девушка уперла руки в бока и гаркнула:

— Кому тут еще интересно?!

Головы вновь склонились над столами, погружаясь в обсуждения, а Наташа с удовлетворенным видом двинулась на выход к лифту.

— Таранчик, если что, мои стрелы всегда готовы для тебя! — послышалось вслед, когда девушка уже настигла порог и с чувством выполненного долга она показала средний палец незримому шутнику, вновь слыша гогот. Надо было пирог поглубже в глотку ему затолкать, чтоб точно помер во второй раз.

А в огромном двухэтажном доме семейства Жабиных в Подмоскowie царил хаос, сравнимый разве что со смерчем. Виктория бегала из угла в угол под настороженные взоры собственного семейства, периодически дергая себя за волосы, заставляя при каждом своем бормотании вздрагивать каждого члена семейства, сидящего на большом кожаном диване посреди гостиной и попугайчика Мотю в клетке, стоящей на одном из трех кофейных столиков. Видимо его кто-то притащил, потому что обычно огромный разноцветный попугай породы Ара обитал в специальной комнате, выделенной исключительно для него одного. Наташа вздохнула и подошла ближе, глядя на испуганно замерших мужа-бизнесмена госпожи Жабиной и тройняшек мальчиков, которые испуганно хлопали одинаковыми глазами на собственную мать, не понимая, что происходит. Неподалеку тихо кралась горничная, прижав к себе цветной пипидастр для пыли, видимо в надежде, что в случае чего отобьется от хозяйки.

— Да как они смеют, а?! — верещала Виктория, сотрясая воздух и воздевая к потолку тонкие холеные руки, — я им там, в прологе с третьего абзаца секс-сцену такую, что все потекут! Да он там ее в стойке журавля на крыше апперкотом в позу 22, а они мне: да как вы можете требовать подписку, написав только пролог! И эти претензии о продолжении и перерывах, вот я что не человек?! — рывкнула она и

резко обернулась к семье, вновь вздрогнувшей от ее крика.

— Человек, — хором отозвались они, вжавшись в спинку дивана. Пытаясь мимикрировать под окружающую действительность.

— Писатель что, тоже не человек?!

— Человек, Виктория Педросовна, человек, — пискляво отозвалась горничная, спрятавшись за огромной вазой династии Минь.

— Вот! Я человек! — кивнула важно Вика, — а не... — и тут же отозвался попугай:

— Дур-р-ра! Дур-р-ра!

Муж женщины, Владислав, замахнулся на попугая, прошипев: — Замолкни бройлер!

— Мотя пр-р-рав! Владик учить! Дур-р-ра! Вика дурр-р-ра! — от слов попугая мужчина даже позеленел, а затем стал светлее даже белой шкуры полярного медведя, которая лежала у камина. Виктория сощурилась, взглянув на мужа.

— Владик, ты что, меня не уважаешь? — прорычала женщина. Вперив руки в бока. Влад незаметно пихнул ногой клетку, а затем миролюбиво улыбнулся. Но на всякий случай спрятался за детей.

— Что ты дорогая. Не слушай глупую птицу. Ты у меня самая лучшая. — попытался отшутиться он, сглотнув от пристального взгляда. — И денежки тебе эти не нужны. Хочешь я тебе еще одно Феррари куплю? Тридцать пятое?

Виктория топнула ногой в изящных лабутенах и гаркнула:

— Не хочу твою машину, я хочу деньги! Как я без денег буду держаться?! Я же самостоятельная женщина с двадцати одного года!

— Но, дорогая... — вновь попытался встрять муж, однако Вику уже понесло. Она топала ногами, утопая шпильками в мягком ворсе персидского ковра ручного пошива, и периодически дергала изящно накрученные локоны.

— Деньги, деньги, деньги! Дело не в деньгах, а этих жалких смердах! Как они смели поставить под сомнение мою кристально честную репутацию?! — брызгала она слюной, заставив детей еще больше сжаться в легком ужасе, — если так себя ведут, я вообще ничего писать не буду!

Наташа до этого лениво жевавшая утащенный с огромной новенькой кухни глазированный пончик, подавилась, отчего крошки шоколада, которым он был полит, полетели на ковер, и девушка

незаметно закинула пончик в одну из ваз стоящих на изящных тумбочках и столиках повсюду. Отряхнув руки, она вынула из заднего кармана ангафон, принимаясь проверять отзывы.

Так и есть. Ситуация конфликта достигла критической отметки, в блоге уже психовали даже самые преданные фанаты, а значит пора было подключать более мощные ресурсы по спасению ситуации в целом. И даже ее 142 аккаунта, как в прошлом случае не помогут. Придется использовать не только свои аккаунты, но и просить помощи.

Девушка закатила глаза и открыв чат муз, в котором на данный момент числилось всего несколько человек, с которыми Наташа могла общаться без шипения через зубы, и написала, слушая на заднем фоне истерики вперемешку с комментариями изрядно разговорившегося Моти, который уже вопил из клетки:

— Деньги-и! Деньги-и дурр-р-ра! Дер-р-ржись дур-р-ра!

Nata_Tarakan: «Девки, хелп, нужна срочная помощь. Код красный. Повторяю, код красный!!!! У меня Жаба бушует!»

Rchelka22: «Блин, Натах, сочувствую. Щас погоди, бабки переведу, открою только приложение»

He_твоя_вот_ты_и_бесишь_ся: «Вы че бабы, я уже все бабло спустила на кристаллики в игре «105 жена Султана». Наташа, вечно с тобой одни проблемы»

Nata_Tarakan: «Падка выручай, обещаю отвадить Костика от твоего окна. Майка, спасибо! *целую*»

Rchelka22: «Ноу проблем. Че Лад, опять этот убогий доставал? *ржущий смайл*»

He_твоя_вот_ты_и_бесишь_ся: «Ой, мля, молчите уже. *закатывает глаза* Натаха, учти, ловлю на слове. Ща бабло сброшу и куплю со своих 33 аккаунтов»

Julia_sexAndSiski4: «Че у вас опять? О, Таракан, красный это пздц. Сорян, но я и так лимит превысила в этом месяце, 'рыдает* Могу только с двух акков купить книгу и оставить комменты с других»

Nata_Tarakan: «Пофиг, главное, чтобы было. Строчи побольше!»

Julia_sexAndSiski4: «Ок»

DashaDasha: «О, Падка, опять твой рыжий крендель на крыльшках у твоих балконов оттирался? Вот не пруха у нас с пацанами, один Гордей и тот Наташкин. Ща Наташ, погодь, я тут в симсах просто семью подселю»

Nata_Tarakan: «Он не мой, но спасибо»

Гаремная_чикуля: «Пиздит, как дышит»

DashaDasha: «Машка права. Да между вами искры горят, будто рядом Тайга полыхает»

АнечкаНюта: «Наташа я лечу»

Nata_Tarakan: «Спасибо»

АнечкаНюта: «Но насчет Гордея ты гонишь»

Nata_Tarakan: «Я вас ща грохну *злой*»

Julia_sexAndSiski4: «Бабы, цыц, таракан угрожает *ржу*»

Pchelka22: «Я чую бабах»

Наташа закатила глаза, наблюдая, как растет рейтинг книги и пополняется кошелек Вики, которую уже отвлек Владислав, тыкая пальцем в экран смартфона, показывая, ей читательского любовь всей мировой галактики. Плевать, что там пишут другие музы. Нету них ничего с Гордеем.

«Разве что секс горячий» — подсказал мозг, и девушка тряхнула головой, заметив еще одно сообщение. На этот раз в другом чате. Открыв его, она скрипнула зубами, мрачно сжав в руке ангелфон.

Горгей: «Таракан, пошли на свидание в Яблонево сад. Груши пожрем»

Nata_Tarakan: «Сам жри свои груши, заднекрылый *недовольный*»

Горгей: «Нет в тебе романтики и любви к прекрасному, *вздыхнул* И за что я тебя только люблю?»

Nata_Tarakan: «Потому что я красивая? *подмигивает*»

Горгей: «...и ужасно глупая, блондинка, что с тебя взять *смеется*»

Nata_Tarakan: «Ты уже свалил с моей комнаты, стрелочник? Имей в виду, я все помню!»

Горгей: «Выгоняешь своего первого и единственного мужчину за дверь? Ты жестока *плачет*»

Nata_Tarakan: «Ненавижу тебя. Купи сухарики, сегодня Зенит играет»

Горгей: «Наташа, вот все бабы, как бабы. Свечи, торт, шампанское, цветы...» Nata_Tarakan: «*закатывает глаза*»

Горгей: «Я уже пиво купил и Лейс по акции»

Nata_Tarakan: «Умеешь, когда хочешь, ванильный пузан. Молодец, Гордейка»

Nata_Tarakan: «но с номера моего вали!»

Горгей: «Не съеду, пока не сменишь мое имя в чате»

Nata_Tarakan: «Ни за что, оно мне нравится. Вечно будешь Горгеем»

Горгей: «Потому и проживем мы вместе вечно, солнышко *хохочет*»

Наташа хмыкнула. Направляясь к выходу, слушая щебетание Виктории и невольно улыбаясь. С конкурсом она еще успеет разобраться, а вот Зенит точно ждать не будет.

Убедившись, что катастрофа миновала, девушка быстро бросилась к выходу, исчезая в потоке света, слыша вопли Виктории о том, что какая-то сволочь бросила пончик в вазу за несколько миллионов и невольно усмехаясь. Уже оказавшись в круглом зале для перемещения, Тараканова с удивлением уставилась на первого человека в Раю — Адама Божественного, который пыхтя, катил впереди себя переполненную тележку из супермаркета. Сверху донизу она была забита различными овощами и экзотическими фруктами, а рядом с тележкой вышагивала Ева, командующая парадом, периодически отвлекаясь от чтения длинного чека и покрикивая на своего мужа.

— Вот я так и знала, что тебя нельзя у кассы оставлять! Из-за тебя фейхоа забыли! — истерила она. Локтя Наташи кто-то коснулся и девушка, обернувшись, заметила Майю, приложившую палец к губам и озорно смотрящую на первую парочку святой обители, которые переругивались между собой.

— Какое еще фейхуя? — вздохнул тяжело Адам, морщась. Судя по лицу, он уже не раз пожалел о просьбе к Богу дать ему пару. Сидел бы сейчас себе в Эдемском саду, попивал бы нектар, ел амброзию и смотрел пошлые греческие статуи голых богинь, а не вот это вот все.

Его супруга вновь завелась, потрясая чеком и пихая мужа в плечо.

— Фейхоа! Оно невероятно полезно! Как и авокадо, а ты его не взял, а я говорила...

— Да зафига тебе это авокадо?!

— Чакры чистить, я учусь единению с природой, — гордо заявила Ева, задрав острый подбородок и Адам, тяжело вздохнул, проворчав:

— Знаю я твою чистку. После твоего свекольного салата два часа из кустов не вылезал, весь лопух ободрал. Не то, что чакры, карму вычистил до основания, — Ева затряслась от злости, топнув изящной ножкой.

— А нечего амброзию жрать и нектар бухать с архангелами! Посиделки у них. Знаю я ваши посиделки у пруда, мне Змей все рассказал, как вы там титьки в Плейбое смотрите, похабники!

— Да ничего мы не смотрим, че начала то...

— Вот! Ты меня не уважаешь, — ударилась в слезы Ева, всхлипнув, и Адам закатил глаза.

— Уважаю, — вздохнул он устало.

— Не ценишь!

— Ценю, моя яблонька, ценю.

— Не любишь, потому что я ребро, а ты на папку похож!

Адам загрустил по временам холостяцкой жизни и снова вздохнул. На этот раз протяжно.

— Конечно, люблю, ты же мое любимое ребро, — заверил он жену, и та сквозь слезы взглянула на мужа.

— Точно любишь? — еще один всхлип и мужчина отчаянно закивал.

— Естественно, — заверил Адам, — мое любимое ребро. Левое.

Женщина еще некоторое время помолчала, а потом промурлыкала, окончательно успокоившись.

— Ну, если левое, то так и быть, сегодня приходи в спальню. Я сделаю новый низкокалорийный салат и сварю вегетарианский борщ! А еще сделаю тебе запеканку из морковки и кабачковые котлеты.

От упоминания блюд мужчина снова скривился, но Ева этого не заметила, двинувшись вперед к лифтам. Адам мрачно засопел, толкая тележку и бормоча:

— Совсем на своем веганстве помешалась. Как съела яблоко, так с тех пор крыша и поехала. А все Змей со своим: «Адам тебя за глаза жирухой зовет, сожри яблоко, оно низкокалорийное!». Тьфу, сидел бы щас один, нектар пил, телок голых смотрел...

— Что ты там бормочешь, милый? — с подозрением поинтересовалась его жена, обернувшись у самых лифтов и Адам, растянув губы в улыбке, проговорил:

— Яблонька моя, это я говорю, надо фейхую тебе купить. И авокадо.

— Да, авокадо это очень хорошо...

Наташа хмыкнула, наблюдая за тем, как скрылась парочка в лифте и повернувшись к Майе, прошептала:

— А он еще на Лилит жаловался.

— Какой мужик, такие у него и бабы, — хохотнула Топтыгина, качая головой.

Глава 15 — Цвет настроения синий, как твое стремное бикини

— Каждая девушка должна порхать, аки бабочка. Помните, девочки, вы бабочки. Вы нежные скромные существа, летящие над землей...

— Хрр...

Майя незаметно толкнула Наташу в бок, пытаясь сделать вид, что по-прежнему внимательно слушает ходящую между стройными рядами стоящих девушек в большом бальном зале, специально отведенном для конкурса. Даже оформили сцену и подиум, убрав лишнюю аппаратуру, дабы девушки могли научиться правильно, вышагивать по ним, не опасаясь, наткнуться друг на друга или запутаться в юбках длинных платьев.

Сама Тараканова даже не удосужилась сегодня хотя бы платье надеть, как просил их наставник Жюль.

Французский модельер, не сыскавшийся славы своими экстравагантными нарядами на родине переселился в Россию, затребовав паспорт и распространил свое виденье на неокрепшие умы российского бомонда. Под его началом русские девушки стали расхаживать в леопарде вновь, обвешиваться странными украшениями, больше напоминавшими детские поделки из коробок с материалами в магазине игрушек, цеплять на головы шляпы и носить вязаные котомки. А затем на Жюля упала люстра в собственной квартире, и трагическая смерть прервала его путь прямо на пороге очередного вдохновения. И, слава богу, потому что сейчас он тряс какой-то лайкровой синей тряпкой из двух частей, которая больше напоминала набедренную повязку индейцев с какими-то ниточками да кнопками, тыкая пальцем в этот шедевр.

Какой, интересно, идиот оставил его в канцелярии на должности модного эксперта-блоггера? И зачем вообще в небесной канцелярии модный эксперт-блоггер?

— Мои маффинки! Этот шедевр каждая из вас надеть на ваш дебют, в качестве модели! — вещал он, даже не слыша рядом раздающегося похрапывания со стороны одной из стен. Наташа же

преспокойно дрыхла, абсолютно игнорируя попытки разбудить ее уже двумя девушками.

— Блин, Натаха, просыпайся! — зашипела Ладка, ткнув коллегу в бок, и Наташа резко распахнув глаза, выдохнула в полной тишине зала полусонно:

— Маша, трах в машине полный отстой, перепиши. Твой герой уже четыре раза должен крышу пробить макушкой, какое тут удовольствие и оргазм? Разве что клинический.

И замолчала, резко поняв, что на нее смотрят десятки любопытных глаз, а одутловатое круглое лицо Жюля покрылось красными пятнами. Он задергался от возмущения, что было весьма комично при его маленьком росте, тонких кривых ножках и ручках, но огромном животе, обтянутом фиолетовой рубашкой в малиновый цветочек. Даже цветной ирокез встал от злости, как хохолок попугая.

— Натали! — взвился мужчина, тряся синим нечто в руках, хватая ртом воздух, пока Наташа зевал, игнорируя его. Спать хотелось невероятно, ее подопечная Маша Сафина не желала никак уgomониться и жаждала дописать свой шедевр. Естественно Наташе пришлось нянчить ее половину ночи, потому поутру, девушка чувствовала себя совершенно разбитой и уснула бы, прямо в душе, если бы уже Гордей не разбудил настойчивым стуком в дверь с вопросом: не померла ли она, а то он в туалет хочет.

— Я говорить, чтобы вы приходите в платьях! — возопил мужчина, теряя буквы, путая падежи и захлебываясь эмоциями, — *O calvaire, ma chienne sale*...*

Наташа с изумлением слушала французские ругательства из уст блоггера, невольно усмехаясь тому, с каким интересом остальные музы и некоторые девушки из офисов канцелярии слушают, а некоторые даже записывают. Даша, например, просто включила диктофон, посмеиваясь, а Топтыгина прикрыла горящее лицо ладонью, вздохнув тяжело. Рыжеволосая муза даже не собиралась идти записываться, но в солидарность подруге и другим музам пошла на уговоры. Тараканова скользнула взглядом по макушкам девушек, заметив Валерию, перехватывая ее насмешливый надменный взгляд, и показала ей средний палец, услышав рядом возмущенное:

— Вы меня слушать или как?!

— Или никак, — равнодушно отозвалась Наташа, мысленно

прикидывая, сколько надо играть на нервах этого просвещенного модной наукой мужика, чтобы ее вышвырнули еще на предварительном этапе подготовки. — Я вас вообще не слушаю, месье Пардье.

Жюль схватился за сердце, сердобольная Галя, одна из муз российской рок-музыки, с которой было также плохо, как с кино, бросилась к нему, подхватывая подмышки и бормоча:

— Маэстро, вы в порядке? Не слушайте ее, вы великий человек! Я не пропускаю ни одного вашего видео на Днотубе...

Наташа закатила глаза, наблюдая, как к блоггеру бросилась парочка муз, несколько девчонок из отдела по работе с претензиями душ-переселенцев, даже Лада и та окатила недовольным взором Тараканову, шагнув к образовавшейся галдящей точно чайки толпе.

— А ты че не пойдешь? — поинтересовалась Наташа у стоящей рядом Майи, которая фыркнула:

— Не смотрю я его, зафиг? Вот был бы это Вова Вазилинчиков, с его обзорами на последние модные тенденции в визаже, — она мечтательно вздохнула, а Тараканова скептически выпятила губу, заметив, как Лера уже обмахивает той самой синей тряпицей лицо неудавшегося маэстро. Театр абсурда, не иначе. Если бы Наташа знала, что Канцелярия да Рай с Адом всего лишь отражение земной жизни и нигде тебя не ждет покой — попросила бы распылить ее еще на пороге.

Девушки ахали, Жюль стонал, Наташа злилась, и в этой чехарде никто не заметил, как открылись вновь двери в зал, а внутрь вплыла высокая фигура, загораживающая проход своими огромными белыми крыльями, которые цеплялись за любые близстоящие предметы. Следом семенил невысокий худой и рыжий парнишка с блокнотом, периодически делающий селфи останавливающего ангела. Между селфи и восторженными вздохами он утыкался носом в блокнот, записывая данные, вновь следуя за самым известным архангелом небес — Михаилом.

— Что здесь происходит? — прогрохотал его голос, отражаясь от расписных стен, изобилующих картинами великого потопа, доносясь до ушей каждого находящегося в зале. Девушки замерли, Жюль благоговейно задрожал, прекратив умирать, Майя напряглась, сжав руку Наташи, а та в свою очередь выпучила глаза, с изумлением разглядывая архангела.

— Великий, пресветлый, луноликий, Богом освещенный, господин

архангел Михаил!

— проскандировал рыжий, пока мужчина, потирая большим пальцем идеальный квадратный подбородок. Каждый палец был увенчан перстнями на христианскую тематику, безупречно сидящий на его мускулистой фигуре белый классический костюм с небесно-синим галстуком, зачесанные назад светлые локоны, уложенные гелем так, что ни один волосок не выбивался из прически. Ни морщин, ни лишней растительности, идеально гладкая кожа, небесно синие глаза. Прямо оживший кен, а не архангел.

— Благодарю, — прокашлялся Михаил, прерывая Наташин осмотр, — меня огорчает, что я не вижу вашего энтузиазма. На кону ведь важное событие. Первый конкурс за несколько десятилетий! И чем вы заняты? Мелкими неурядицами! Почему девушки еще не вышагивают по подиуму?! — гневно поинтересовался у дрожащего Жюля, который бросив на Наташу испуганный взгляд, пробормотал сбивчиво:

— Ваше крылачество, мы... мы... ждали вас, я подготавливал девушек... ээ... ну... - он снова запнулся, когда Михаил небрежно поправил несуществующий волосок на идеальной прическе, глядя в экран ангелфона своего помощника, а затем поднял глаза и вздернул идеально очерченные густые брови.

— Так почему они еще не шагают? Я сюда и так торопился, пропустил массаж, а он у меня запланирован между медитацией и уколами гиалурона в губы, знаете ли, поддерживать форму лука купидона на губах не так-то просто, — мужчина оттопырил нижнюю пухлую губу, и Наташа приложила ладонь к лицу.

— Они все тут больные, — буркнула она тихо.

— Никогда этого не говорила, но, по-моему, Люцифер выглядит лучше своего брата, хоть и козел, — пробормотала задумчиво стоящая рядом Даша и Наташа мысленно с ней согласилась.

— О, какая прекрасная форма, какие линии! — восхищался Жюль и Михаил важно кивнул.

— Это тоже все уколы, они преобразуют мое лицо и делают из меня совершенное совершенство. Никаких заломов и дурацких морщин!

— Михаил, вы прекрасный мужчина! — присоединилась к восхищению Фаина, глупо хлопая ресницами.

— Прямо не выглядите на свой возраст, — поддержала Лариса.

— Тысяч на десять лет стали моложе, не чета Люциферу! — выдохнула Валерия и тут же все нестройным хором принялись нахваливать архангела, который буквально купался в комплиментах, то и дело, поглядывая на себя в экран ангелфона, с радостью фотографируясь со своими фанатками. Даже Лада и Юля с Аней не удержались от парочки селфи, правда их тут же вытеснила троица Валерии и другие девушки, скандировавшие комплименты точно речевку.

— Хочу в свой номер, — буркнула Наташа, ежась. Когда-то ее мир тоже состоял из сплошного гламура и уколов в двадцать, криков о морщинах, самолюбования с фальшивыми кумирами. На земле это было весело, один день был похож на другой, от нее ничего не требовали. Только трать деньги, не задумываясь, плыви по течению. Были бы деньги да связи, остальное не проблема. А деньги у Наташи были.

Тараканова попыталась вспомнить, был ли у нее кумир, но не смогла. В своей старой жизни она сама себя считала кумиром. На самую Наташу равнялись — это сейчас она болтается на дне рейтинга, а ведь тогда была своеобразной звездой подобных тусовок.

«За два года постоянного наблюдения, ты даже ни разу не улыбнулась так, как умеешь. Не смеялась, как делаешь здесь. Считаешь, была счастлива?»

Гордей всегда задавал подобные философские вопросы, на которые у нее не было ответа. Но смотря на этот балаган, невольно впервые задумалась Наташа, а было ли в ее жизни хоть какое-то реальное счастье? Скорей всего нет, но толку об этом рассуждать, если ты уже мертва.

Их все же погнали на подиум. Когда все отлипли от Михаила, а он напомнил в очередной раз, что желает увидеть, как вышагивают девушки и устроился на заботливо принесенном белом бархатном кресле, который пыхтя от усердия, притащил помощник, имя которого никто так и не узнал. Жюль заставил их разделить на две группы по обе стороны от подиума, включив какую-то попсовую песенку, принялся учить их модельной походке. Плечи назад, грудь вперед, ногу тянешь, смотришь вперед, руки на поясе. Посмотрела вниз — запнулась, наорали. Друг за дружкой, останавливаясь на пару секунд, чтобы покрутиться перед жюри и зрителями на потеху, а затем поворот назад, отправляя назад в свою команду, а тебя сменяет девушка из

противоположной группы.

Наташа слишком не старалась, вышагивала без энтузиазма, не обращая внимания на насмешливые смешки. Все равно Михаил большую часть времени проводил в экране своего англфона, рассматривая смешные картинки, а бедолага Жюль из кожи вон лез, чтобы привлечь его внимание, периодически окрикивая девушек, а затем демонстрируя свое синее творение, именуемое бикини на кнопках с завязками. Тараканова очень надеялась, что им все же не придется одевать это безобразие, состоящее из лифа в виде кучи ниточек и трусах на кнопках до пупа, потому что модный блоггер явно не знал значения слова «бикини».

В дверях показались любопытные лица купидонов, которые видимо были привлечены музыкой и окриками Жюля. Вскоре помещение наполнилось комментирующими происходящее парнями, которые то и дело посвистывали, весело отпуская замечания в сторону девушек, а безуспешно пытающихся их уговорить Пардье явно проигрывал в количестве. Михаил же наоборот обрадовался, дав парням возможность наслаждаться.

— Ууу, Майка, давай тряхни сиськами! — вопил Северов Владлен радостно подпрыгивая, будто не он полчаса назад ударился лбом о стеклянную дверь ведущую в зал, когда бежал сюда. Шишка на его лбу не принесла ему никакого вреда, впрочем, не удивительно — там же мозгов нет. Топтыгина, как раз шагающая по подиуму запнулась, грозно погрозив парню кулаком, но тут же вздрогнула от крика Жюля.

— Пончик мой, ты не бабочка, ты булка хлеба, летящая в голову, что за манеры?! Ты бабочка! Бабочка, а не бита! — Топтыгина покраснела, извинившись, и быстро скрылась в толпе девушек, слыша смех стоящей группы Валерии на очереди.

— Мудак. Радмуз на него нет, — буркнула стоящая рядом Аня, утешая Майю, и Наташа мысленно с ней согласилась. Где там эти активистки, когда так нужны? Глаза нашли Гордея, стоящего рядом с Максом и еще каким-то купидоном, имени которого Наташа не помнила. Небрежно сунув руки в карманы темных джинсов и заведя одну ногу за другую, он стоял боком, прислонившись плечом к стене, изредка бросая взгляды на подиум, но вот только смотрел вовсе не на прихорашивающуюся ради него Валерию, а почему-то на Наташу. Тараканова задрала нос, а Гордей усмехнулся, качнув головой, вновь

поворачиваясь к своему собеседнику. Он что, над ней ржет? Ковальчук же наоборот прислонился спиной, что дало ему полный обзор на подиум. Остальные купидоны распределились вдоль помещения, даже Кокошников с Мамонтовым и те были, стояли у большого окна, недовольно морща носы, когда очередная девушка вызывала ажиотаж у стоящих рядом коллег.

— Ладочка, любимая! — орал Костя, а сама девушка закатила глаза, вышагивая. Наташа вздохнула, она следующая в очереди, и Тараканова невольно встретилась взглядом с Валерией, которая недобро сверкнула на нее глазами.

— Наташ, ты там аккуратнее, они что-то задумали, — шепнула, стоящая сзади Юля, и девушка кивнула, но не стала вдумываться в ее слова. Да что она может ей сделать? Забросает недовольными взглядами до смерти? Будто они работают.

Жюль махнул рукой, давая сигнал, и Наташа двинулась вперед, глядя впереди себя, как учили. Старалась по-прежнему не особо, но все же было какое-то отдаленное желание показать, что уж она явно не хуже той же Леры, которая явно в прошлом грезилась карьерой модели, если не была ею вовсе. Несколько шагов, Наташа даже духом воспряла, слыша подбадривающий свист, как неожиданно ее кто-то толкнул сбоку больно в плечо под общий «ах». Ир завертелся, а сама девушка почувствовала, как падает. Знакомый страх поднялся откуда-то из глубины сознания, словно она снова на той роковой крыше, вновь скрипит парапет и вот уже ее тело летит вниз без возможности уцепиться хотя бы за что-то.

— Наташа! — послышался крик девчонок одновременно с ее падением, Тараканова взмахнула руками и приготовилась к встрече с паркетным полом, когда внезапно сильные руки обхватили ее крепко, а сама девушка рухнула на чье-то твердое тело. Аромат пепла наполнил нос, отчего Наташа чихнула, поднимая голову от пиджака, в который уткнулась носом, натыкаясь на красный любопытный взор и широкую довольную улыбку.

— Привет, муза моя ненаглядная, — мурлыкнул Велиал радостно.

— Венька, — выдохнула Наташа облегченно и даже как-то радостно. Сердце по-прежнему колотилось, а этот падший ангел с парой рогов в темных волосах пришелся как раз кстати. Его хвост шаловливо погладил ногу в районе бедра, заставив мигом напрячься. — Хвост

убери, а то оторву! — предупредила Наташа, и Веня обиженно надулся, но хвост убрал, помогая подняться.

— Веня! — возмутился Михаил, подскакивая, — ты, что тут забыл? Разве не Люся должен был все курировать?

Демон невозмутимо отряхнул идеально сидящий на нем костюм и шаловливо улыбнулся, приобнимая Наташу за плечи, прижимая к себе. Сама девушка невольно бросила взор на сцену, пытаясь понять, кто ее толкнул, и нашла взглядом Валерию, которая прижималась к стоящему рядом Гордею. Купидон не сводил с них напряженного взгляда, а Наташа смотрела только на руки Леры, которыми та обвила его талию, чувствуя, как изнутри закипает злость, почти не слушая демона.

— Люцифер сейчас чувствует в предвыборной гонке, не до конкурсов. А я его первое лицо, потому меня отправили сюда, — ответил тем временем Велиал, продолжая сжимать в руках Наташу, — и вижу не зря. Вы тут девушек решили перекалечить?

Михаил удивленно покосился на подиум, а вот Жюль весь побелел, когда тон демона стал угрожающим, а в воздухе запахло горелым. Он перевел взор на Валерию, которая мигом встрепенулась, захлопав длинными ресницами, которые захотелось ей отодрать, стоило девушке еще крепче вцепиться в Гордея.

— Я просто думала, сигнал был мне. Это вышло случайно, — оправдывалась она и влюблено покосилась на стоящего рядом точно истукан купидона, — сама едва не упала, но Гордеюшка меня спас. Спасибо, милый, — приподнявшись на цыпочки, девушка коснулась губами его губ, и серые глаза парня расширились от удивления.

— Ну вот, все разрешилось. Наташенька, ты в следующий раз аккуратнее, нам жертв не надо, — беспечно махнул рукой архангел, а Таранова скрипнула зубами, почувствовав, как горячее дыхание обожгло ушко.

— Мне ее проклясть? — тихо спросил Веня, и глаза Наташи сузились, — может его?

Что-то внутри кольнуло, хоть Гордей и постарался отстраниться, но как-то медленно, по мнению Наташи. Играет на два фронта? Отлично, теперь ему будет куда съехать. А если не он, так она съедет.

— Ты говорил, у тебя свободная койка есть? — вдруг спросила Наташа, поворачиваясь к удивленному демону. Велиал с любопытством покосился сначала на купидона, а затем на Наташу и улыбнулся.

— Допустим, — хмыкнул весело, — жаждешь переехать в Ад?

— Готовь хоромы, кажется мне срочно нужно новое жильё.

«А ещё лучше работу сменить, место жительство, имя и внешние данные» — подумала про себя Наташа, отворачиваясь от парочки.

Глава 16 — Поспешишь — демонов насмешишь

Если бы кто сказал Наташе пару дней, что спустя всего пару часов после репетиции она будет с двумя своими чемоданами с пожитками дожидаться у лифтов Велиала — кинула бы в этого человека камень. Чем думала, собирая быстро вещи и убегая из их с Гордеем комнаты? Большая часть так и осталась в шкафу, брала все самое необходимое. Если конечно два чемодана набитых под завязку — это необходимое.

И вообще, почему убегает она, а не Гордей?

Как по мановению волшебной мысли, сам виновник побега появился в одном из раскрывшихся лифтов, прибывшим в зал перехода. Стоило купидону, вооруженному луком со стрелами выйти, заметив Наташу, как он мгновенно нахмурился, оглядывая ее с ног до головы. Его непонимающий взгляд заставил девушку крепче вцепиться в ручку стоящего рядом чемодана, а на втором она пристроила задницу, глядя прямо на лифты в ожидании демона.

— Наташа? — спросил осторожно, делая шаг вперед, но Тараканова только руку вытянула, останавливая купидона.

— Сваливаю, — резко отозвалась, не став размусоливать тему и ходить вокруг да около. Долгие пути не ее стезя, — может перебраться в номер со своей новой бабой. Или жить один, только смотри, вещи мои там остались, не вздумай куда деть — убью, — добавила заносчиво, задирая подбородок, наслаждаясь в душе его реакцией.

Сначала смятение, потом шок, затем злость. О да, не только же испытывать эти эмоции. Почему она вообще злится? У них был секс. Да, классный, но ей особо и не с чем сравнивать, но разве это повод заводится каждый раз, стоило вспомнить тот поцелуй на сцене?

— Вот как, — потянул купидон, стиснув зубы, оглядывая еще раз Наташу, — что прыгать в постель высшего демона девственницей не хотелось, а теперя отправной пункт пройден можно, и сменить любовника?

Он сложил руки на груди, а Наташа напряглась, осмысливая сказанное. Где-то снова кольнуло, будто бы это было, что? Разочарование от его слов? Она ожидала другое?

«Чтобы он остановил» — шепнуло нечто где-то в глубине сознания. Но девушка отмахнулась, невольно разозлившись.

— Не только же тебе скакать от одной девки к другой, — огрызнулась, невольно ощерившись от переизбытка собственных эмоций, захлестнувших сознание. Это было неожиданно появившийся смерч, сметающий любые доводы рассудка на несправедливые обвинения от тех, чье мнение имело значение. От тех, кто был для Наташи чем-то большим, чем просто товарищ или мимо проходящий человек. Наверное, в какой-то момент Гордей незримо пересек черту, которую она давным-давно ограничила для посторонних. Совсем незаметно этот парень влез ей под кожу, в мозги, перевернув все, а самое главное, кажется, ему удалось добраться туда, куда уже много лет был закрыт доступ для всех людей на свете.

Ее собственное сердце.

Наташа зажмурилась. Нет, любовь — зло. Она рушит жизни, превращает тебя в тряпку, убивает разум и разрушает. Любовь — это не про нее. Ей просто, кажется. Нужно побыть вдали и все пройдет, точно грипп или ОРВИ.

— Вот так просто? — как-то горько усмехнулся купидон, и Наташа распахнула глаза, пытаясь отгородиться от его эмоций, сохраняя на лице бесстрастное выражение, — не удивительно, что он тебя поймал. Мне это не удалось. Никогда не удавалось.

Наташа непонимающе посмотрела на Гордея, но он лишь отвел взгляд в сторону, не желая смотреть на нее.

— Судя по всему, ты отлично ловишь других девиц в беде, — иронично заметила Наташа. Она даже не понимала, почему они ругаются. Из-за чего. Но ведь что-то их двоих раздражало. Друг в друге или в общей сложившейся ситуации. Что-то мешало до конца понять, что же действительно им надо.

— Ссора, как в дешевом бульварном романе одной из твоих подопечных, — невесело рассмеялся вдруг Гордей, поворачиваясь к ней. В его серых глазах застыли слова, которые он не произносил, а она не могла прочесть. Или не пыталась.

— Ага, — кивнула, вздохнув, — мне просто надо сменить обстановку.

— Конечно, — кивнул, шагнув в сторону одной из дверей. Лампа над ней загорелась, а на табло высветилось «Калининград». С минуту он

чего-то ждал, но затем дошел решительно, коснувшись ручки.

— Почему ты сказал, что не смог меня поймать? — вдруг спросила Наташа, чуть повернувшись на чемодане в его сторону, глядя на напряженную спину. Хотелось коснуться и одновременно не касаться, а сбежать, спрятаться от себя самой. Не вспоминать смеха и совместных шуток, поцелуев, касаний и ласк. Забыть все, исчезнуть.

— Ты не заметила? — он снова усмехнулся, но не повернулся, продолжая стоять лицом к двери. Лампочка нетерпеливо замигала.

— Что именно?

— Какая-то ерундовая ситуация с одной глупой музой и ты сбежала.

— А ты не остановил.

— А смысл есть? — задал вопрос, и Наташа задумчиво взглянула на светлый потолок, вздохнув.

— Я вообще во всем этом не вижу ни смысла, ни логики.

— Любовь существует вопреки всякой логике, — мягко ответил Гордей, поворачиваясь, и Наташа посмотрела на него долгим взглядом, а затем покачала головой.

— Я не верю в любовь.

— Я знаю. Потому и ни одна стрела никогда бы не достигла цели, твое сердце заперто, — он прислонился к двери, а Наташа слабо улыбнулась.

— Может кто-то фигово пытался? У тебя явные проблемы с глазомером, вспомни избранников моих подопечных, — пошутила Наташа, и Гордей улыбнулся в ответ. Его слова о ней и ее девственности больше ничего не значили. Ее обвинения тоже больше не имели веса. Все это лишь слова. Глупые, злые, обидные, но слова. Они растаяли как дым, а чувство недосказанности осталось. Горькое, неприятное, как противное травяное лекарство, которым тебя пичкают ради выздоровления, но оно абсолютно не помогает.

— Возможно, я не умею бороться, — отозвался Гордей. Звякнул лифт, оповещая о том, что кто-то прибыл на этаж, но Наташа продолжала смотреть на него. — Плыть по течению моя прерогатива.

— А моя — быть одиночкой. Это весело, попробуй как-нибудь, — купидон покачал головой, толкая дверь и скрываясь в потоке света как раз в тот момент, когда створки лифта распахнулись, и наружу вышел радостный Веня, как обычно в безупречном костюме с сияющей

улыбкой.

— Дурно пахнет трагедией, тут что, эмо-кружок для избранных нытиков? — он принялся и покосился на Наташу, которая сглотнула ком в горле, поднимаясь с чемодана. Дверь, через которую вышел Гордей, закрылась бесшумно.

— У меня страдания и депрессия, че пристал? — раздраженно ответила Тараканова, пнув второй чемодан так, что колесики подкатили его к удивленному демону, — помогай! Мужик ты или демон?

— Вообще-то...

— Ничего, демонам иногда тоже полезно побыть носильщиками, — фыркнула Наташа, подхватывая другой чемодан и выдвигая ручку, дабы удобнее было катить. За спиной слышалось ворчание, но ей было плевать. Она смело шагала к единственному черному лифту, среди всех белых, над которым висела табличка, где было написано: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

— И почему вы демоны, так любите пафос? — поинтересовалась Наталья, нажимая ярко-алую кнопку, и тут же послышался стон тысяч голосов страдальцев откуда-то из глубин. Жутко, если не знать, что это за место такое — Ад.

— А как иначе грешников-то пугать? — пробурчал Веня, подкатывая чемодан, — обнаглеют еще как ты!

— В вашем-то балагане понаглеешь. А вообще с порога распределительного бюро ясно, что вы тут такие же, как на Земле.

Велиал усмехнулся, шагнув за Наташей в темную кабину, и улыбнулся, нажимая на единственную кнопку, с нарисованной на ней стрелкой, указывающей вниз.

— Пойдешь ты в Ад или Рай, ты встретишь тех же людей, что тысячи лет живут на планете. Так почему все думают, что попадая в одну из божественных инстанций, они как-то изменятся вокруг тебя? Нет. Дурак никогда не станет гением, а убийца праведником. Люди сами решают, как им жить, кем становятся и какие поступки совершать. Мы — всего лишь последствия, отражение вашего мира, где вы такие же люди, — он пожал плечами, а Наташа задумчиво покосилась на него, чувствуя, как потеплело в кабине, невольно подумав, что зря не одела футболку.

— Ты сейчас мне философию читаешь что ли? — решила спросить. Демон бросил на нее странный взгляд и улыбнулся.

— Для умной девочки, ты, Тараканова, иногда такая глупая. Я лишь намекаю, что Ад или Рай — это конечная точка окончательного выбора. А канцелярия существует, чтобы вы поняли, чего хотите на самом деле. Но пока ты не разберешься в себе, тебе не поможет Геенна Огненная, ни Эдемский сад.

— Раз такой умный, чего еще у Люцифера на побегушках? Почему еще не у власти?

— недовольно спросила и Веня хмыкнул.

— Вот поэтому до сих пор умный, что не у власти, — хохотнул демон. Наташа покачала головой, задумчиво закусив губу. Их тряхнуло, отчего невольно пришлось схватиться за стенку, тут же с шипением отдернув руку. До того кабина раскалилась, а лифт замер, медленно распахивая створки.

— Ну, добро пожаловать в Ад, деточка, — потянул демон, шагнув наружу и обернувшись к застывшей Наташе. Та с сомнением смотрела в красные глаза, а затем вдруг спросила:

— А если я вдруг не хочу ни в Ад, ни Рай. Если мой выбор, это нечто иное?

Велиал улыбнулся как-то странно, немного, даже по-отечески. Станный демон, опасный, но странный. Впрочем, они тут все странные.

— Когда найдешь ответ на свой вопрос, тогда и поймешь, куда тебе действительно нужно, — усмехнулся, кивая вперед, — пошли, а чую уже по парам алкоголя и похмелья, что Харон опять надрался да в лодке дрыхнет! Щас пока разбудим, кучу времени потратим. А нам еще Стикс пересекать, а это добрые часа два, если пробок не будет.

Наташа решительно шагнула, выбросив из головы все мысли. Обо всем остальном она подумает завтра. Или никогда.

Глава 17 — Найди то, сама не зная что

Если коротко описать Ад, то получится — пеклище. Он будто сильная и независимая, одинокая склочная женщина. Ей все должны, а кто не должен, тот наркоман и проститутка. Жителям Ада жилось не то чтобы плохо, с этой самой женщиной, но хотелось бы лучше.

Пришел в Ад — страдай.

Вот и сейчас перебравшись на полуржавом корыте, именуемом паром, через реку Стикс с едва трезвым капитаном в лице глубокого запойного старца Харона, они, приближаясь к порту первого круга — Лимб. Тот самый круг, где по слухам обитали души некрещеных младенцев и праведных нехристиан в вечном унынии. Но когда Наташа ступила впервые на серый, потрескавшийся асфальт, то поняла, что самые унылые тут черти, которые точно муравьи сновали в разные стороны, периодически хмуро оглядываясь и недовольно морща пяточки.

— Ну, вот и первый круг. Это считай — провинция. Здесь всякие чахлые заводики по производству бальзамов из нитья самых унылых добродетельных нехристиан, несколько домов малютки для некрещенцев и пара подсобных хозяйств, там нехристиане вздыхают круглыми сутками, повышая бюджет на страдания, — радостно объявил Велиал, обводя рукой пятиэтажки из серого кирпича. Вдали виднелся темный едкий дым из высоких труб одного из упомянутых заводов. На всех улицах были развешены агитационные плакаты с призывом исполнить свой гражданский долг и проголосовать, а на огромном рекламном щите то и дело мелькал лик Люцифера, а затем бегущей строкой проплывали строчки из его политических лозунгов.

«Сильный лидер — сильная адская держава»

«Правитель всегда только один!»

И прочие зазывные слоганы. У одного из таких щитов стояли два престарелых черта и старая суккуб, которая недовольно поджимала губы, чуть трепыхая огромными кожистыми крыльями и стуча клюкой кроша и без того разбитый асфальт в пыль, чуть притопывала копытом.

— Ты за кого голосовать-то будешь, Бонифаций? — поинтересовался шепеляво один из чертей, тот, что повыше. Бонифаций

потер почти лысую макушку с редким пушком между остроконечных длинных ушей и нетерпеливо дернул хвостом.

— За Асмодея! — решительно заявил, и тут же суккуб возмущенно подпрыгнула, да так, что ее строгий пучок чуть растрепался под цветастым платком.

— Да как можно! Он же предатель и рецидивист! Он обещал лишить нас пенсий!

— Не пенсий лишить, дура старая, а дать пенсионерам возможность заменить пенсию на проживание в пансионате для престарелой нечисты. С комфортом, пытками грешников и возможностью выезжать на природу порыбачить, — возмутился тут же черт, второй недовольно нахмурил кустистые уже тронутые сединой брови и покачал рогатой головой.

— Нет уж, к этому мы хоть привыкли. А Асмодей он что? Молодой еще, зеленый. Если не Люцифер, то кто?

— Вот, правильно говоришь, Аркан, — закивала суккуб, потрясая огромным мешком, набитым чем-то похожим на картошку, — я вот с дачи еду, пять кило везу. Места в транспорте никто не уступает, молодежь совсем обнаглела и Асмодей этот такой же — неуступчивый. В Раю стажировку проходил, а там чему научить могут? Тьфу, — она сплюнула на землю, отчего та вспузырилась, задымившись, — видели, вчера показывали в шоу на государственном Тринадцатом канале? Парад Радужных у них прошел! Видите ли, выступают за права тех, кто жаждет носить цветную одежду, а не только белую. Совсем сбрендили эти ангелы со своей толерантностью.

Наташа закатила глаза, шагая мимо бурчащей троицы, периодически слыша то тут, то там обсуждение вчерашних новостей на Тринадцатом канале в ток-шоу «Демоны покажут», о том, как падают моральные ценности Рая. Рядом стайка молодых суккубов и инкубов пересказывали друг другу очередную серию «Адского дома 2», мимо прошли фурии, одна другой жаловалась на мужа.

— Ты представляешь, этот рогатый хвостonosец сказал мне, что я транжира! Мол, денег и так нет, а я их на всякую фигню спускаю. А я что виновата, что он так мало зарабатывает? — искренне недоумевал она, то и дело тряся свою измученную подругу, которая только качала головой.

— Ой, ладно твой. Мои чего учудили. Попросила один раз с

ребенком посидеть, так они все обои разрисовали, художники, а я ведь только-только ремонт в квартире сделала. — жаловалась вторая.

— Дети, они и в Аду зло, — пробормотал Велиал, покачав головой, и невольно потер большим пальцем квадратный подбородок.

— Сказал многоженец, — фыркнула Наташа, следуя за Веней прямо к порталу, ведущему на второй круг, который располагался на главной площади. Через него, как через таможню в России, проходить надо было по документам и разрешению на переезд с последующей регистрацией места жительства. Хотя бы временного, потому что гастарбайтеры из всех уголков Ада жаждали уехать из провинциальных кругов, отдаленных от властимущих, где были самые желанные рабочие места и большие возможности. К тому же в последнее время желающих переселиться на главный девятый круг или хотя бы на восьмой с седьмым стало много, а вот сами круги резиновыми не были.

— Кстати, а где меня поселят? На седьмом или восьмом круге? — поинтересовалась Наташа, и Веня дернулся, качнув головой.

— На пятом, — коротко отозвался, а девушка скривилась. Отлично просто — поселять в круг, где обитают лентяи и психопатичные истерики, отрабатывающие наказание в болотистой местности. Комары, повышенная влажность и кругом одни бездельники. Что там чертям делать? Только смотреть, как сидят грешники по шею в болоте, да комаров со стрекозами гонять.

— Не поеду я на пятый, охренел?! — возмутилась Наташа, топнув ногой и резко остановившись, прекратив катить чемодан, — там же делать нечего. Тогда уж лучше на третьем, там хотя бы кругом Макдаки.

— На третьем тебе не понравится, там черти вместо говядины сою в котлеты кладут и прочую живность, что по подвалам бегают, — фыркнул Велиал, остановившись и поворачиваясь к девушке, — да и стоны обожравшихся грешников не впечатлят. Валяются там, стонут, подняться не могут и все едят. Оно тебе надо с чревоугодниками и чертями-философами, жить, которые кассирами работают да продавцами шаурмы?

— На четвертый? — с надеждой спросила Наташа, и Веня закатил глаза к алому небу с двумя солнцами.

— А там тебе мигом всучат кредит, там же одни жадины. Банки кругом, казино, а с ними по соседству коллекторные адские конторки.

Хочешь получить ипотеку, потом бегать по углам от бесов-мордovorотов?

— Не буду я кредит брать, — возмутилась Наташа. Вновь хватая ручку чемодана и катя его к порталу, где уже виднелись проверяющий документы недовольный Минос, недовольно зависший над землей точно карающий перст, когда у одного из проходящих что-то зазвенело в чемодане от металлоискателя.

— Запрещенные товары из Рая есть? — недовольно бубнил судья проклятых, а Наташа вновь отвернулась к Вене, встав в длинную очередь.

— Там все берут. Причем кредитками, — ответил Велиал, уверенно, отчего Тараканова загрустила.

— А на втором у вас что? — вскинула брови девушка, и Веня насупил недовольно.

— Квартал красных фонарей, клубы бдсм-досуга и стриптиз-бары. Там же похотливые грешники. Неверные мужья, жены и любовники. И все страдают от сплеток.

— А точно, — закивала Наташа, глядя, как сокращается очередь. Она невольно бросила взор на украшающего флажком ближайший фонарь черта и удивленно покосилась на Князя Тьмы.

— У вас, что опять праздник?

— Так у нас 200 дней в году праздник, — похвалился Велиал, от гордости выпятив грудь, — самое большое количество праздников наше. Завтра день Бугимена.

— Кого? — вскинула брови девушка, а Веня вздохнул.

— Вот ничерта ты не знаешь, а жить тут собралась. День Бугимена — всемирный день пугалок и ночных вылазок на землю, чтобы распугивать детишек. Люцифер учредил в честь своего питомца Буги. А потом адский субботник, затем День адского труда, после... — Наташа перебила его, понимая, что Велиал собрался перечислить ей все праздники календаря. А их там за сотню точно наберется.

— Все-все, ясно, — кивнула, наклонив голову, — а почему мне на седьмой хотя бы нельзя?

— Ой, — Веня махнул рукой, вновь вздыхая, — понимаешь, моя пятая жена, как раз та, что на восьмом, прознала, что у меня есть любовница. А через нее узнала о третьей жене с девятого. Та вскладчину с пятой узнала о четвертой, и вся эта троица неведомым

образом выяснила, что у меня еще есть вторая жена с седьмого! И это еще хорошо, что они все не узнали о первой, иначе дорогая бы мне рога отпилила, потому ты селишься на пятом, чтоб не дай бог не прознали еще и о тебе, — фыркнул Велиал, а пока Наташа переваривала эту сложную схему, наступила их очередь. Сгрузив чемоданы на ленту, девушка дождалась, пока Велиал протянет документы и дернула его за рукав пиджака.

— А на шестом? — спросила, когда демон обернулся.

— С баптистами да свидетелями Иеговы жить собралась? — ужаснулся тот, а сама Тараканова, поняв, что ляпнула, тут же замотала головой.

— Не-не, тогда уж лучше болота!

— Там кстати уже есть вай-фай, все перестроили, а на окнах в домах антикомаринные сетки, так что все хорошо, — заверил ее Демон.

Наташа его уверенности не разделяла и, шагнув в портал, оказалась посреди кричащих неоновых вывесок, размалеванных суккубов, инкубов, которые подгоняли плетками стонущих грешников, запряженных в карету, и задумчиво пожевала губу.

— Может, надо было в Чистилище проситься? — пробормотала невольно, на что позади нее раздался короткий смешок. Мимо прошествовала развеселая компания пьяных младших демонов, то и дело хватающих за прелести проходящих мимо игриво виляющих бедрами гарпий.

— Ты что, собралась к этим трудоголикам? Все знают, что в Чистилище только и имеют, что подделки штамповать, да помирать от переработок, — фыркнул демон.

— Зато у них там все налажено, — буркнула Наташа, — уже давно впереди всех в техническом плане ушли, роботехника и прочие прелести. Древняя культура, кругом суши-рестораны, вежливые официанты, вышколенный персонал.

— И все на одно лицо, — перебил девушку Велиал надменно, а Наташа закатила глаза.

— Ты расист!

— Мы, конечно, с Чистилищем неплохо ладим и даже позволяем им строить у нас заводы, но они же поддержали Рай в санкциях против нас, потому нечего там делать. Хитрые маленькие двуличные нейтралететники, — отрезал демон. — Кстати, Рай им по самые корни

деревьев Эдемского сада должен. Это так, к сведению. Нет им веры, вообще.

Наташа только вздохнула, двинувшись демоном, стараясь не потерять его в пестрой толпе, размышляя над своей унылой судьбой. И почему у нее все вечно, не как у нормальных людей? Или хотя бы муж?

Выудив из кармана англфон, девушка быстро открыла чат, видя сообщения от девчонок с вопросами о переезде. Похоже, слухи распространяются быстро. Интересно, ее кто-то видел или вернувшийся Гордей всем сообщил такую новость? Открыв недавнюю переписку с Гордеем, девушка заметила зеленый кружочек, оповещающий о том, что собеседник онлайн, но никакой активности с его стороны не было. Он не писал, даже не звонил. Вообще что ли не волнуется? Хоть бы спросил, куда деть ее вещи!

Она быстро принялась печатать, ругаясь, когда значок 4G сети пропадал.

Nata_Tarakan: «Не трогай мои вещи, я за ними вернусь *угрожающий*»

Nata_Tarakan: «И не вздумай поселить в номер свою курицу, я не для того ладаном все обкуривала, чтоб она там флюиды свои распространяла»

Nata_Tarakan: «Але!! Типо мы обиделись? Ничего так, что я тобой разговариваю, стрелочник?!»

Долгожданный значок карандашика появился, а сама девушка в ожидании сжала крепче пальцы, продолжая вышагивать за Велиалом вдоль улицы к следующему порталу.

Горгей: «Я занят»

Наташа от возмущения задохнулась, почувствовав вновь поднимающееся из глубины раздражение, от которого пара настойчивых инкубов даже шарахнулось подальше, стоило ей бросить на них испепеляющий взор.

Nata_Tarakan: «Не успела съехать, ты уже налево покати!»

Очередные мучительные минуты и вот долгожданный ответ, который совсем не удовлетворял.

Горгей: «По-моему мы это обсуждали, разве нет?* Ты съехала сама, я тебя не выгонял из НАШЕГО номера. А ты уже в своей голове придумала какие-то глупости. Я и правда занят, у меня отчет, давай поговорим лично? Это не чатный разговор»

В секунду раздражение достигло пика, а бешенство на скоростях достигло сознания, прерывая любые возможности конструктивного разговора даже в сетевой форме. Она чувствовала, как злость накатывает на нее, как сегодня, как тогда, когда увидела их вдвоем на сцене. Хотелось заскочить на подиум, оторвать обнаглевшую музу от парня и...

И что?

Горгей: «Наташа?»

Девушка замерла в длинной очереди, резко остановившись, и зло забегала пальцами по экрану, едва не вдавливая его в корпус, словно готовясь сломать.

Nata_Tarakan: «Да пошел ты»

Nata_Tarakan: «Поговорить ему надо, с собой поговори. Или лучше с бабами своими! У тебя отлично выходит!»

Nata_Tarakan: «мудак крылатый!!!»

Она выдохнула, шагнув вперед, когда место освободилось, убирая англофон подальше, дабы не соблазняться боле возможностью прочесть ответ Гордея, который тот, несомненно, напишет. Велиал с любопытством посмотрел на девушку, он словно знал, что происходит, но молчал. Может в силу опасения, а может из чистого садизма. Демоны они такие, только с виду кажутся хорошими. А на деле те еще обманщики. Хотя главной проблемой девушки сейчас был вовсе не Велиал и даже не маячившаяся перспектива поселится в кругу, полном болот и комаров.

Очередь продвинулась и вот уже Наташа шагнула к большой каменной арке сияющего водоворота портала, который проведет ее ниже уровнем. Велиал только потянулся к документам, как вдруг проговорил:

— Не ответишь? — спросил, когда телефон пискнул. Тараканова мотнула головой решительно, а сам демон пожал плечами, вновь было, протянув бумаги духу. Стоящие позади жители уезжающие зароптали, когда Веня внезапно хмыкнул, вновь повернувшись от стража портала — огромного трехголового пса, чьи слюни капали на стойку, за которой он сидел, сверкая красными глазищами, чуть порыкивая. Когда одна из голов зевнула, показав клыки, кто-то в очереди резко передумал переезжать, развернувшись в противоположную сторону. А Цербер недовольно фыркнул, наклонившись к Велиалу ожидающе.

— Отвечай, — вдруг потребовал Веня, и Наташа возмущенно засопела.

— Не буду! Давай уже документы!

— Тараканова, живо ответь, иначе дальше не двинемся! Опять будешь всю дорогу в чате, — рыкнул Князь Тьмы, и надувшаяся Наталья все же потянулась к ангелфону, доставая его и разблокировав экран, просмотрела сообщение. Глаза пробежались по тексту. Еще раз. И еще. А затем лицо покрылось пятнами от ненависти, а сама Наташа не хуже любого высшего демона прорычала, сжимая телефон и хватая ручку чемодана.

— Ну, ванильный пузан, я тебе твой лук тебе на задницу натяну, и стрелы в одно место вставлю! — взревела, бросившись назад, а Велиал с интересом посмотрел ей вслед и тяжело вздохнув, сжал ручку второго чемодана, который катил, кивая Церберу, отчего тот понимающе гавкнул.

— Женщины, — пробормотал Демон, шагнув следом за бегущей Наташей, зная, что ее не пропустят через портал без него.

Горгей: «Ладно, моя злобная ревнивая блондинка, так и быть. Сейчас позову девочек в номер, устроим оргию на кровати. Но все это ерунда, главное ты открыла мне глаза. Действительно, давно пора признать, что я безнадежно влюблен в Валерию, она такая чудесная девушка, не кричит, а главное зовет меня нормальным именем. Мы обязательно назовем дочь в твою честь, даже если сын родится — все равно назовем. Ты нам так помогла, главное там не скучай, навещай нас хоть иногда. И не забудь про крем с SPF, говорят в Аду очень жарко. Приезжай на крестины, люблю, целую, твой Горди. Пы. сы. Кстати, тут Даша заходила, просила твои платые от Валентино, а еще Мамонтов выпросил две твои помады. О, а Кокошников что-то искал в твоём ящике с нижним бельем, ты же не все забрала? В общем, я разрешил, ты же теперь съехала»

Глава 18 — Если решение противоречит логике — оно не всегда плохое

Черти испуганно шарахались в сторону, а грозные фурии и даже истеричные гарпии вовсе замолкали, стоило Наталье Таракановой пронестись мимо них. Разъяренная муза — это сильно. Настолько сильно, что жители первых двух кругов Ада впечатлились, когда сам Князь Тьмы пытался нагнать эту самую музу, катя за собой цветастый розовый пузатый чемоданчик, набитый вещами. Даже через портал пропустили без документов, лишь бы не стоять на пути.

— Харон! А ну тащи свой бухой зад сюда, мне нужно обратно наверх! Я тут кое-кому крылья поотрываю! — взревела на весь порт Тараканова, отчего несколько чертят, испуганно сжались, сбившись в кучку, нервно подергивая хвостиками.

— Эти люди такие жуткие, — пробормотала одна из суккубов, крестясь перевернутым крестом, — совсем уже того. Ты видел ее взгляд? Сам Сатана бы бежал, теряя копыта!

— Да ты же знаешь, у них там, на земле, все немного не от мира сего, — вздохнула ее подруга, пока Наташа металась в поисках Проводника, а ее медленно, но верно нагонял запыхавшийся Велиал, — вон гляди, уже Венька за ними бегает. Еще немного и грешники нас жарить будут за наши же налоги!

— Тьфу, тьфу, Геенна Огненная их прокляни.

— Да восславится Сатана!

И еще раз перекрестились перевернутым крестом.

Наташа их не слушала, нервно притопывая ногой и подгоняя собственное раздражение, то и дело, подстегивая собственные мысли, распаяя ярость внутри себя. Если она сейчас успокоится, то передумает, а потом уже поздно будет. Она перегорит, а Гордей преспокойно продолжит существовать во времени и пространстве, продолжая свои шутки и измышательства. Нет, уж. Сначала крылья ему оторвет, а потом в бараний рог скрутит, дабы неповадно было над ней издеваться. А тот факт, что собственные чувства, мысли и эмоции доселе ей непонятные сейчас еще подогревали внутренний кипящий вулкан.

— Ты его хотя бы в живых оставишь? — поинтересовался Веня, наблюдая метания Наташи, которая вглядывалась в красный туман, зависший над рекой Стикс, где уже виднелась тень медленно плывущей посуды Проводника и быстро взглянула на демона.

— Тебе-то что? — раздраженно спросила, топнув ногой. Неужели нельзя плыть быстрее?

— Мне-то ничего, а вот за убийство можно у нас в элитном кругу поселиться, ты помни, — хмыкнул Велиал, на что Наташа только глаза.

— Он уже мертв, какая разница?

— Никогда не знаешь, где умрешь, а где неожиданно вновь оживешь, — загадочно потянул Князь Тьмы, и Наташа удивленно открыла, было, рот, но в этот момент ржавая баржа подплыла к порту, потому стало не до загадок высшего демона. Мало ли, что он хотел сказать? Этих демонов и ангелов, поди, еще пойми. Могут просто философскую чушь толкать, а могут и рассуждать всерьез. Но задумываться о возможной жизни и второй смерти сейчас точно было некогда.

— Думаешь, я поступаю верно? — вдруг закусил губу Тараканова, сжимая ручку чемодана. Она не заметила, как Велиал аккуратно передал ей обратно второй чемодан, чуть усмехаясь в модно остриженную бородку, качая рогатой головой.

— Это лишь выбор. Тебе решать правильный он или нет, все равно узнаешь ответ, когда придешь к конечной цели, — подмигнул и быстро растворился в темном тумане, невольно заставив Тараканову вздрогнуть.

— Не мог так сразу сделать, а не тащить меня через весь Ад? — раздраженно пробурчала, слыша, как ударился нос баржи о причал, поспешив туда.

— Харон отвези, Харон привези, а ничего, что у меня может дела свои есть? — бурчал Проводник, дожидаясь, пока Наташа, кряхтя, заберется внутрь, устраивая свои пухлые чемоданчики рядом. Девушка смерила его недовольным взглядом и проговорила:

— Тебе какие дела делать надо, пьяница? Бухать опять да грешников возить! Давай греби и не булькай, а то сейчас отправлю в Стикс купаться, — рывкнула, грозно подняв кулак к его носу, — цигель, цигель, айлюлю, батенька. Меня там ждет расправа века, еду убивать своего недобойфренда, а ты мне процесс тормозишь. А я девушка

раздраженная, у меня нервная клетка-то одна и та не восстанавливается!

Харон недовольно засопел, отчаливая от причала и разворачивая баржу обратно к другому берегу, где находился лифт.

— Вот хорошо, что тебя в Ад не взяли. Пара лет и ты бы тут права качать начала, требовать прав ущемленных грешников и еще бы трон у Люцифера отбила, — буркнул Проводник тихо, но Наташа его услышала.

— Чего ты там бормочешь, трухлявый? Бессмертие свое давно не проверял? — грозно поинтересовалась Тараканова, на что в ответ получила только тяжелый вздох.

В кабине лифта Наташа также нервно постукивала ногой, ожидая, пока тот доставит ее в зал перемещений. Стоило, наконец, раздаться долгожданному звуку пения церковного хора для отпевания усопших (какой придурок вообще придумал такие звоночки?) и выйти в зал, как девушка тут же наткнулась на стайку ошарашенных муз.

— Наташка, — выдохнула Майя удивленно, хлопая глазами.

— Таракан, ты вернулась что ли? Уже? — удивилась Аня и девушка раздраженно закатила глаза, двигаясь к лифту, ведущему в отель, не обращая внимания на многочисленные вопросы девчонок.

— В аду жарко?

— Натах, а че у вас с Велиалом? Ты рассталась с Гордеем? На нем лица нет!

— Наташка, ты ж не уволилась да?

Ткнув кнопку вызова, девушка резко повернулась, заставив муз замолчать в одну секунду своим грозным видом. Видимо что-то в ней действительно было таким устрашающим, если не только вся нечисть Ада разбежалась по углам.

— Наташ, — осторожно проговорила Майя, чуть выступив вперед и по одному виду подруги поняв, что той сейчас не до светских бесед, — ты главное это... Спокойнее.

— Ага, — мрачно выдала, шагнув в распахнувшиеся створки и нажимая нужный этаж. Стоило дверцам закрыться, как все девушки разом выдохнули, будто черная туча покинула голубое небо.

— Гроза миновала, пусть теперь Горди сам отдувается, — буркнула Лада, тряхнув длинными волосами, заплетенными в высокий хвост, и нервно провела ладонью по животу, — аж есть захотелось. На нервной почве!

— Хватит жрать, потом ноешь, что жирная, — буркнула Дашка, рядом вздохнула мечтательно Юля.

— Вы видели ее взгляд? Ох, эти отношения. Какая страсть, какая экспрессия!

— И мозги Гордея по стенке, — хохотнула Аня. Из ближайшей к ним двери с горящей табло «Вологда» вышел Максим Ковальчук, недовольно стряхивающий капли со своего дождевика и с удивлением замер, разглядывая муз.

— Вы чего тут? — удивился он, когда девушки повернулись к нему.

— Стоим вот, — отозвалась Майя невольно.

— Ждем, — буркнула Лада.

— Тут Таракан пробегала, ща будет мясо, — ответила за всех беспечно Юля и на нее мигом зашипели, а глаза Ковальчука жадно блеснули в предвкушении новостей, он даже забыл, что хотел вообще-то высушиться и согреться, но перспектива застать скандал его манила больше.

— Даже не думай, — предупредила Майя, грозно зыркнув на Юлю.

— Бросьте девочки, вам не интересно? — улыбнулся Макс хитро, подкрадываясь, — мы с пацанами в этот тотализатор два года играем. Кто кого: Наташка Гордея или Гордей Наташку. Настал момент истины!

— Вам вообще не стыдно!? — возмутилась Даша, а парень мотнул головой, хмыкая.

— Чего стыдного? Они играют друг с другом, а мы на них. Так кто идет смотреть финал смертельной битвы?

Музы неуверенно переглянулись, а Даша пихнула недовольно сопящую Майю, пробормотав:

— Топтыгина?

Рыжеволосая всплеснула руками, выдохнув:

— Ой, ладно, пошли! Только не зови остальных пацанов, а то спалимся!

Максим улыбнулся, параллельно набирая что-то на экране своего Демовея.

— Все путем, будут только свои!

Майя застонала, понимая, что все очень и очень плохо.

На этаже было невероятно тихо, будто все, чувствуя приближение чего-то темного, в раз попрятались по норам. «Зима близко» — сказали

бы поклонники сериала «Игра престолов», ведь сегодня Наташа вполне могла бы сойти за Короля Ночи по собственной кровожадности. Она даже не заметила вскрикнувшую Ипполину Аркадьевну, невесть каким образом зарулившую так не вовремя на их этаж, которая в испуге прижалась к стене, стоило Наташе пронестись мимо.

— Тараканова! Что за беготня?! — возмутилась она притворно, девушка ее даже не слышала, катя за собой два чемоданчика, которые возможно собиралась использовать в качестве оружия. Девушка подскочила к двери своего номера, откуда доносился звук плавной, романтической музыки и заскрипела зубами.

Он что там, романтику решил устроить, пока ее нет? Сейчас еще не хватало застать его в постели с другой, как в том анекдоте, когда жена вернулась домой пораньше. Да она выкинет его в окно вместе с его пассией.

Бешенство начинающее утихать за время, пока Наташа сюда добиралась, вновь накрыло ее волной с ног до головы и недолго думая, разъяренная Тараканова вломилась в номер и тут же обомлела.

Повсюду были раскиданы лепестки роз, часть из которых падала откуда-то с потолка, видимо это какая-то особая купидонская магия или их возможности. Они буквально застилали весь паркетный пол и белые паласы. В воздухе витал нежный цветочный аромат, на столе еще теплый, явно заказанный с ресторана ужин, даже ее любимая шарлотка. Везде свечи, мягкая, плавная музыка, а посреди этого безобразия на диване разлегся Гордей, играющий в Танчики на огромной плазме.

Глаза Наташи сузились, а ноздри затрепетали, когда купидон повернул голову в ее сторону, лениво оглядев с ног до головы и остановившись взглядом на чемоданах, потянул:

— А вернулась уже. Чет быстро, я думал часика через два, успею ванную с пеной набрать.

Дверь за спиной захлопнулась, отрезая путь для них обоих. Гордей с любопытством ждал, пока Наташа отомрет, но девушка видимо находилась в стадии загрузки данных, которых было так много, что мозг не успевал обрабатывать. Наконец, загрузка закончилась, а сама девушка метнулась резко в спальню под веселый взгляд серых глаз, распахивая дверь, которая с грохотом ударилась о стену. Оглядев идеально заправленную кровать, Наташа даже не поленилась под нее заглянуть, после бросилась в ванную, где тоже царила идеальная

чистота и вернулась в гостиную, все еще пылая гневом, но к нему примешалось замешательство. С виду все вещи были на месте, как не наблюдалось и посторонних объектов женского пола.

— В шкафу искала? — любопытствовал Гордей, складывая руки на груди и поднявшись дивана. Джойстик упал на ковер, а сам парень, обойдя диван, прислонился к спинке, насмешливо рассматривая миглом подозрительно оглядевшую комнату девушку, чей взгляд сверлил сервант.

— Кого?! — спросила раздраженно, а Лавров улыбнулся шире.

— Как кого? Бабайку. Ты ж его искала?

— Издеваешься?! — зашипела точно змея, шагнув к нему, а сам купидон преспокойно уперся руками в спинку дивана, к которой прислонился.

— Естественно. Не все же мне страдать, — усмехнулся парень.

Злость резко затухла, но Наташа попыталась вновь подкинуть дров в костер, напоминая себе о Валерии. Получалось не очень, особенно если учесть странно улыбающегося Гордея. Как-то радостно, нежно и больно хитро.

— Чего ты скалишься, стрелочник? — невозмутимо спросила Тараканова, подойдя еще ближе и хватая со стола, лежащее на изящном сервизе пирожное, задумчиво примеряясь к его весу, взглянув на купидона, — давно у стоматолога не был?

— Просто радуюсь, что ты вернулась вовремя, я, знаешь ли, голодный был, но решил дождаться тебя, неугомонный мой таракан, — вздохнул купидон, качая головой, — на тебя дихлофоса не напасешься, ей Богу, все время бегаешь.

Наташа прищурилась опасно, чувствуя, как гнев вновь возвращается к ней. Отлично, так привычнее, иначе потечет сейчас, как патока от его слов. А она вообще-то женщина. У нее гордость есть, ущемленная и плевать, что сама придумала, сама обиделась.

— Радуетесь, значит, — прорычала и запустила в полет пирожное, от которого Гордей ловко увернулся, быстро прыгнув за диван, и там притаился, точно сурикат, осторожно выглянув. Кремовое пирожное с чавкающим звуком впечаталось в стену, упав на пол, оставляя после себя коричневый след от шоколада.

— Сюда иди, крылатый, — потянул мрачно Наташа, разминая пальцы, — щас ты мне расскажешь, в чью ты там честь собрался

называть детей!

— В твою, — расплылся в улыбке купидон, падая на пол, когда мимо пролетела лампа. Грохот раздавшийся от удара той о стену, заставил Ипполину Аркадьевну за дверью схватится за сердце.

— Ой, что творят, что творят! Сейчас же все разрушат! Надо срочно вызвать их начальство! — ахнула женщина, но ее схватили с обеих сторон купидоны, а Владлен улыбнулся, надувая пузырь жвачки и усаживая рядом подле противоположной стены, у которой уже собралась огромная толпа зрителей. Макс поднял вверх указательный палец, продолжая печатать что-то на экране Демовея.

— Хэштег Железный человек против Халка, хэштег небесные воители, — проговорил он, когда за дверью послышался еще один удар.

— Может нам их остановить? — осторожно спросила Майя, а Костя рядом покачал головой.

— Все нормально. Щас Халк успокоится и Железный человек покажет ему силу своего интеллекта, — радостно потер ручки купидон, а остальные прислушались к звукам в номере, где уже назревал скандал.

— Представляешь сына по имени Наталь? Или Наташа? Он будет очень милым мальчиком, правда я не уверен, что стоит знать о его тезке, ты, конечно, ничего, но больно истеричка, — тем временем радостно вещал Гордей, уворачиваясь от очередной летящей в него диванной подушки, хохоча и влетая в спальню. Тараканова бросилась за ним, хватая по пути большой букет роз, видимо, вознамерившись им отхлестать парня.

— А ну сюда иди, стрелочник, я тебе обещала твои стрелы тебе в задницу засунуть, чертина белобрысый! — рявкнула Тараканова, она почти настигла его у дверей ванной, но Гордей в последний момент захлопнул дверь и закрылся там, хихикая по ту сторону, как настоящий бесенок. — Открывай живо! — Наташа пнула дверь и хлестнула по ней букетом, дыша тяжело.

— Не открою, пока не скажешь три волшебных слова, — мурлыкнули оттуда. Девушка прищурилась, недовольно отбрасывая цветы и стуча кулаком по двери.

— Я. Тебя. Убью! — крикнула, но из ванной послышался только очередной хохот.

— Неправильно! Скажи: Гордей, я тебя люблю!

— Это четыре слова, тупица, — огрызнулась Наташа, невольно

ощущая, как сердце забилось быстрее и вовсе не от гнева. Чего-то другого, что-то, чего она еще не до конца поняла, но уже осознала, что это просто обычное влечение, как она до сего времени думала.

— Тогда скажи: Я люблю Гордея, — вновь отозвался наглый купидон, а Тараканова закатила глаза, пытаясь не улыбаться. Идиот. Он точно идиот.

— Ни за что, — фыркнула в ответ, — ты мне даже не нравишься, ты ж идиот.

— А ты дура, — хмыкнул Гордей из ванной, — потому мы прекрасно друг другу подходим, Жирдюк! — гордо заявил наглец, отчего Наташа яростно засопела.

— Сам ты дурак, Горгей!

Со стороны входной двери номера послышался громкий крик стук и крик Макса:

— Да вы оба конченные придурки, заканчивайте уже с любовными игрищами, павлины и начинайте строить любовь. Гордей, ты мужик или тряпка?! Давай, выпусти своего Железного человека на волю и угомони своего Халка!

— Ты что несешь Ковальчук? Наташа, не слушай его, врежь Горди хорошенько, мужик должен тебя ценить и уважать! — закричала Майя.

Вот что значит настоящая подруга.

— Да я и так ее уважаю! — возмутился из ванной Гордей, а Наташа хмыкнула.

— Вылезай подлый трус, я буду тебя бить. Не сильно, — промурлыкала Тараканова и отскочила, когда замок в ванной щелкнул. Схватив отброшенный ранее букет, девушка выставила его вперед в качестве оружия, а затем едва не рассмеялась, когда увидела выплывшего из ванной Лаврова, вооруженного вантузом.

Впрочем, нет, она все же расхохоталась, когда этот идиот сделал вид, будто бы перезаряжает вантуз, словно это ружье, держа ее на прицеле.

— Смешно тебе, Дарт Вейдер? — надменно потянул купидон, продолжая наступать на хохочущую девушку, которая вяло, отмахивалась букетом, — повстанцы не сдаются! Мы освободим галактику от власти Альянса!

Наташа хихикая, подняла букет, выставляя его точно световой меч. Уже изрядно потрепанные розы грустно висели на стебельках, и явно не

являлись грозным оружием уж точно не против боевого вантуза!

— После финальной битвы один либо умрет, либо наступит жаркое примирение. Закон жанра СЛР гласит, что все враги должны стать любовниками, — прокомментировала Наташа, усмехнувшись, и прищурилась, слыша свист и подбадривающие вперемешку со стонами Ипполины Аркадьевны, которая жаловалась на сердце. Голубые глаза Натальи встретились с весело сверкающими серыми Гордея.

— От ненависти до любви? — улыбнулся купидон, чуть помахивая вантузом.

— Насилие, БДСМ и властный тиран, — хохотнула Тараканова, — чур, я за властного героя.

— А я что, серая мышь в большом городе? — ужаснулся купидон и даже вантуз опустил, — чего это?!

— Ты ж сам сказал про Дарта Бейдера, — похвалилась девушка, отбрасывая букет на диван. Она подошла ближе, ловко притягивая купидона за ворот рубашки и привстав на носочки, обвила его шею руками. Вантуз с глухим стуком упал на лепестки, откатываясь куда-то за стол, а его руки крепко обвили ее талию, прижимая к себе.

— Сделаю тебя своей секретаршей, — проговорила Наташа, взглянув на его губы, — начальник и подчиненная. Самый популярный тег между прочим. Тридцать три позы Камасутры, очень откровенно, запретная любовь...

— Мне нравится ход твоих мыслей, Таракан, — выдохнул Гордей, касаясь губами ее губ, подхватывая под бедра и помогая обхватить себя ногами, — как насчет того, чтобы обсудить сюжет в более приватной обстановке?

— Будешь моим соавтором? — мурлыкнула, чуть прикусив его губу и оттягивая. Скользящая по ягодице ладонь заставила вздрогнуть от предвкушения.

— Всегда, — прошептал Лавров в поцелуе. Он уже практически оторвался от реальности, как внезапный голос Владлена прервал их самым бесцеремонным образом:

— А МЖМ будет?

Взрыв смеха наполнил номер под крики остальных за дверью, но им было уже все равно.

Эпилог

Сон для слабаков. Во всяком случае, если это решил твой не жаждущий спать после бурной ночи организм.

Наташа в очередной раз перевернулась в кровати, комкая одеяло, разбрасывая и без того раскиданные всюду подушки и недовольно уставилась в белеющий в темноте спальни потолок, мрачно сопя. Рядом раздался тяжелый вздох, мятное дыхание обожгло ее шею, пошевелив волосы.

— Ты ляжешь спать или нет?

Тараканова фыркнула, поворачиваясь лицом к источнику голос, разглядывая закрытые глаза, и проговорила:

— Не могу заснуть. Это все ты виноват, теперь я погрузилась в пучину многочисленных вариантов развития наших не отношений! — она вновь перевернулась, чувствуя, как тяжелая рука обвила ее талию, притягивая к горячей обнаженной груди, захватывая в плен сильных рук.

— Спи, давай, моя не девушка, завтра вставать рано. Помнишь же, нас вызвали к главному, — буркнул Гордей недовольно, утыкаясь носом в ее шею, зарываясь новым в густых светлых волосах. Девушку он обнял точно любимую плюшевую игрушку, не слушая ее возражений и возмущений на тему «жарко», «душно» и «по утрам надо зубы чистить».

— И все-таки, у нас ведь не отношения? — снова задала вопрос Наташа, спустя пятнадцать минут полного молчания. Купидон тихо застонал, понимая, что взбудораженный мозг девушки не успокоится, пока не получит хоть сколь либо приемлемый ответ на свой вопрос, потому открыл глаза, устраиваясь рядом на подушке и тоже глядя в потолок.

Это было особенно сложно, потому что он-то в отличие от Наташи хотел спать.

— Вот логика у тебя конечно, — буркнул парень, — то, что ты называешь не отношениями — есть отношения. Наши. С тобой. Ты, я и все такое прочее.

Тараканова повернула голову к нему, разглядывая профиль в

темноте.

— Нормальная у меня логика, — фыркнула спустя минуту, — мы же мертвые, какие отношения? А завтра вообще неизвестно что скажут.

— Да ничего нам не скажут, там скорей всего по показателям, квартал заканчивается, отчетность сдавать нужно, а ты к слову, еще ни один не сдала!

— Ой, да кому нужны эти графики да циферки, — закатила глаза, перекатываясь так, чтобы устроить голову на груди Гордея вместо подушки, — и вообще, мы касались темы не отношений, которые отношения. Итак, мы не встречаемся!

Гордей застонал, приложив ладони к лицу, мысленно выругавшись, и отнял руки, приподнимая голову.

— Ты вообще рассуждаешь что несешь? Вот как ты только приходишь к таким выводам?

Наташа насупилась и повернула к нему лицо.

— Но все же логично, Гордей, чем ты опять недоволен?

Купидон закатил глаза, улегшись обратно на подушку.

— Это точно какая-то извращенная дурацкая женская логика, вот, правда. Истинно, как есть она, — пробурчал, слыша тихое рычание в районе груди, и невольно улыбнулся. Он прикрыл глаза, расслабляясь и чувствуя, как Наташа села в постели, нависнув над ним.

— Так, что за намеки?! Ты что-то имеешь против женской логики?!

Улыбка стала шире, а серые глаза распахнулись, глядя в недовольное лицо.

— Ага, начинай готовиться Таракан, я собираюсь доказать тебе, что твое мнение в корне неверно. Даже вопреки пресловутой женской логики!

Конец первой части.